

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

**Политическая
наука 2** *2022*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2022

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, заместитель директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьев** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриз** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (International Politics), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научные редакторы: канд. полит. наук *В.Я. Гельман*, д-р полит. наук *С.Н. Шкель*

Литературный редактор: *А.В. Алексеев*

Технические редакторы: канд. филос. наук *В.Л. Силаева*, *П.С. Копылова*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.

ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2022.02.00

© «**Политическая наука**», научный журнал, 2022

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2022

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences** (INION RAN) and with the assistance of the **Russian Political Science Association** (RAPN).

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission** (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia);
Deputy Editor-in-Chief – Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary – Ilya POMIGUEV**, Cand.

Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION RAN (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD in political science, Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD in International Politics, Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD, Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ПОЛИТИКА В ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА:
ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ**

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер 9

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Мухаметов Р.С.</i> Летальность от SARS-CoV-2: имеет ли значение тип политического режима?	16
<i>Гельман В.Я.</i> «Недостойное правление» в условиях внешнего шока: случай пандемии COVID-19.....	34
<i>Миклоши К.</i> Стressоустойчивость и политическое развитие Европы в период кризиса: случай Венгрии	53

КОНТЕКСТ

<i>Бусыгина И.М., Чекаленко А.</i> Проблемы координации в Европейском союзе в период пандемии COVID-19.....	74
<i>Туровский Р.Ф., Иохим Е.А.</i> Выборы во время чумы: анализ электоральной поддержки правящих партий в период пандемии	95

РАКУРСЫ

<i>Соколов Б.О., Завадская М.А., Чмель К.Ш.</i> Динамика индивидуальной политической поддержки в России в ходе пандемии COVID-19: анализ данных опроса «ценности в кризисе».....	122
--	-----

<i>Семенов А.В.</i> Распределенное бремя: как россияне атрибутируют ответственность за выход из экономического кризиса?	144
<i>Кабанов Ю.А., Романов Б.А., Карягин М.Е., Бочаров А.А., Желтоухова А.В.</i> Пандемия коронавируса, «децентрализация» и (не)одобрение глав регионов в социальных сетях: что имеет значение?	164
<i>Щербак А.Н., Ухватова М.В.</i> Влияние пандемии коронавируса COVID-19 на отношения РПЦ и власти в России.....	184

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Шамиев К.В.</i> Влияние коалиций давления на оборонную политику в России: случай реформы Сердюкова	206
<i>Колпаков Н.В.</i> Левый и правый популизм в Испании в условиях перестройки партийной системы: «Вокс» и «Подemos»	230

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Суманеев И.А.</i> Пандемия коронавируса и политические режимы (Рецензия)	251
---	-----

ДИСКУССИИ

<i>Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н.</i> Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: итоги IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 г.....	260
<i>Алексеев Д.В., Копылова П.С., Помигуев И.А.</i> Молодёжь и мир политики: границы возможного (VI Всероссийский форум молодых политологов, г. Москва, 18 декабря 2021 г.)	272

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

IDEAS AND PRACTICE

<i>Mukhametov R.S.</i> Mortality from SARS-CoV-2: does the type of political regime matter?	16
<i>Gel'man V.Ya.</i> Bad governance under exogenous shock: the case of COVID-19 pandemic	34
<i>Miklossy K.</i> Resilience and political development of Europe during the crisis: evidence from Hungary	53

CONTEXT

<i>Busygina I.M., Cecalenco A.</i> The problems of coordination in a multilevel governance system at a time of crisis (the EU and the Covid-19 pandemic).....	74
<i>Turovsky R.F., Iokhim E.A.</i> Elections in the time of plague: analysis of ruling parties' electoral support during the pandemic	95

PROSPECTS

<i>Sokolov B.O., Zavadskaya M.A., Chmel K.Sh.</i> The dynamic of political support in Russia during the COVID-19 pandemic: evidence from 'the Values in Crisis' survey data analysis.....	122
<i>Semenov A.V.</i> The distributed burden: how do Russian's attribute responsibility for handling the economic crisis?	144

<i>Kabanov Y.A., Romanov B.A., Karyagin M.E., Bocharov A.A., Zheltoukhova A.V.</i> Coronavirus pandemic, “decentralization” and governors’ (dis-) approval on the social media: what matters?	164
<i>Shcherbak A.N, Ukhvatova M.V.</i> The impact of the COVID-19 pandemic on the state-church relations in Russia	184

FIRST DEGREE

<i>Shamiev K.V.</i> The role of advocacy coalitions in Russia’s defense policies: the case of Serdyukov reform.....	206
<i>Kolpakov N.V.</i> Left and right populism in Spain within the context of the party system transformation: Vox and Podemos	230

FROM THE BOOKSHELF

<i>Sumaneev I.A.</i> Authoritarianism and Covid-19: economies, societies, international competition (Review).....	251
---	-----

DISCUSSIONS

<i>Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N.</i> Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects: results of the IX all-Russian congress of political scientists, Moscow, December 16–18, 2021	260
<i>Alekseev D.V., Kopylova P.S., Pomiguev I.A.</i> Youth and the world of politics: borders of the possible (VI all-Russian forum of young political scientists, Moscow, December 18, 2021)	272

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В 1986 г. американский исследователь Питер Гуревич опубликовал монографию *Politics in Hard Times: Comparative Responses to International Economic Crises*, посвященную анализу влияния политических факторов на то, какой экономический курс выбирали различные государства в условиях международных экономических кризисов 1873, 1929 и 1970-х годов [Gourevitch, 1986]. Эта книга стала «точкой отсчета» для появившихся впоследствии многочисленных исследований в сфере сравнительной политической экономии, призванных ответить на вопрос о том, почему одни страны справляются с экзогенными (внешними) шоками и вызванными ими кризисами успешнее, нежели другие. В то время как для правительства и для граждан такие шоки создают огромное количество новых проблем, к решению которых они далеко не всегда оказываются готовы, для исследователей экзогенные шоки и реакции на них открывают новые возможности для научного анализа. В самом деле в отличие от ряда других дисциплин политология относительно редко сталкивается с естественными экспериментами, позволяющими выявить причины и механизмы изменений в поведении государств и индивидов в сравнительной перспективе. Между тем именно они и выступают своего рода «краш-тестами», позволяющими выявить различные уязвимости политических режимов, систем государственного управления, механизмов политической поддержки, а также динамику политических предпочтений индивидов. В «обычные» времена, в отличие от «трудных», проанализировать эти уязвимости и динамику предпочтений оказывается не так легко: при их рассмотрении в анализ приходится включать слишком большое количество вероятных факторов, что осложняет дело и порой не позволяет специалистам прийти к определенным

выводам. Вот почему изучение политических последствий внешних шоков в последние десятилетия стало популярной темой среди политологов. Нынешний выпуск «Политической науки» призван внести свой вклад в изучение этой темы.

Экзогенные шоки, влекущие за собой внезапное и резкое изменение социальной среды, происходят не так часто и обычно носят относительно локальный характер – например, в связи с различными природными катаклизмами и стихийными бедствиями [Lazarev et al., 2014]. Поэтому неудивительно, что глобальные кризисы, подобные тем, что анализировал Гуревич, оказываются в центре столь пристального внимания исследователей, изучающих различные политические аспекты этих явлений. Внешний шок, вызванный пандемией COVID-19, затронувший все страны мира и повлекший за собой тяжелые последствия для жизни и здоровья миллионов людей, в этом отношении оказался весьма притягательным объектом исследования политологов [Greer et al., 2021; Laruelle et al., 2021; The impact..., 2022]. С одной стороны, реакции на этот шок со стороны государств и правительств, а также со стороны отдельных граждан затронули различные сферы жизни обществ – начиная от экономической политики и заканчивая распространением информации. Тем самым внешний шок позволил получить новые данные, недоступные исследователям в «обычные времена». С другой стороны, эти реакции в тех или иных странах, регионах и социальных средах сильно различались, что позволило специалистам широко использовать познавательные средства сравнительного анализа. Таким образом, исследователи могут не только тестировать существующие теоретические подходы на новом материале, но и существенно обогатить, дополнить и частично пересмотреть эти подходы, по-новому поставив исследовательские вопросы, которые направлены на поиск новых причинно-следственных связей и ведут к новым нетривиальным суждениям и выводам. В известной мере пандемия COVID-19 стала «критическим случаем» [Gerring, 2006] для анализа разнородных политических явлений – начиная от логики голосования избирателей в условиях кризиса и заканчивая новыми механизмами цифрового контроля властей за поведением граждан [Markotkin, 2021]. И хотя пока преждевременно говорить о том, какой вклад внесет в политические исследования изучение различных последствий вызванного пандемией внешнего шока, не приходится сомневаться в том,

что этот вклад будет иметь существенное значение и для всей нашей дисциплины, и для ряда конкретных направлений исследований, начиная от политической экономии и заканчивая изучением международных отношений.

На общем фоне глобальной пандемии Россия по многим параметрам проявила себя как «отклоняющийся случай». Крайне высокий, по меркам ряда развитых стран, уровень избыточной смертности россиян сочетался с довольно ограниченными мерами поддержки граждан и бизнеса со стороны государства. Пандемия не привела ни к резкому снижению политической поддержки властей со стороны российских граждан, ни к их сплочению вокруг руководства страны (феномен «ралли вокруг флага»). Она выявила многие скрытые ранее противоречия в различных сферах и поставила большой знак вопроса на многих тенденциях, казавшихся неизменными. Но в целом, вопреки расхожему мнению ряда обозревателей о том, что «после пандемии мир уже никогда не будет прежним», по крайней мере в России наблюдались не столько кардинальные политические изменения, сколько значительная преемственность политического режима, государственного управления, политических ориентаций и поведения граждан по сравнению с предшествующим пандемии периодом. Отчасти здесь наблюдается зависимость от предшествующего пути развития страны (*path-dependency*), а отчасти отсутствие заметных политических сдвигов стало следствием стремления властей «зацементировать» сложившийся в России статус-кво в как можно более длительной перспективе. Однако помимо непосредственных эффектов у внешних шоков есть и отложенные последствия, судить о которых сегодня еще не представляется возможным. Скорее всего, опыт пандемии окажет серьезное долгосрочное воздействие на перспективы развития России – демографические, социальные и политические.

Статьи и материалы, включенные в нынешний номер «Политической науки», посвящены поискам ответов на вопросы о причинах и механизмах реакции государств, элит и граждан на вызовы, обусловленные внешними шоками и кризисами. Эти реакции обусловлены не только и не столько природой шоков и кризисов как таковых. Они скорее объясняются тем, в какой мере индивиды и организации склонны реагировать на вызовы, что служит их приоритетами, как именно они используют имеющиеся

у них ресурсы, стремятся ли они к сотрудничеству на внутренней и на международной аренах, готовы ли они к новым трансформациям под влиянием шоков и кризисов или, напротив, пытаются не допустить перемен, которые воспринимаются ими как угрозы. В связи с этим анализ реакций на внешние шоки (включая пандемию) выходит за рамки традиционных различий между политическими режимами, социальными группами и теми или иными акторами. Хотя из-за гетерогенности исследуемого материала и явной неполноты и несовершенства ряда данных пока преждевременно делать выводы о том, что нового принесет анализ политических последствий пандемии (и других внешних шоков) для понимания закономерностей «политики в трудные времена», научные работы политологов, посвященные данной проблематике, вносят свой вклад в осмысление этих феноменов. К ним относятся и материалы, опубликованные в нынешнем выпуске «Политической науки».

Руслан Мухаметов, анализируя кросс-национальные данные о смертности от пандемии, задается вопросом о том, в какой мере она обусловлена различиями политических режимов тех или иных государств. Исследование не дает оснований для однозначных выводов в пользу тезисов о большей эффективности автократий или демократий в противостоянии пандемии (в том числе в силу вероятного систематического искажения статистики в условиях авторитарий). Владимир Гельман рассматривает реакцию российского государства на пандемию, опираясь на разработанный им концепт «недостойного правления» [Гельман, 2019], которое в условиях внешнего шока создало стимулы не только для искажения информации, но и способствовало инволюции – своего рода «сворачиванию вовнутрь» российского государства, пытающегося сохранить статус-кво ценой принесения в жертву здоровья сограждан. Обсуждение вариаций стрессоустойчивости на примере Венгрии продолжает Каталин Миклоши – в ее статье анализируются реакция правительства страны на вызванный пандемией кризис и стратегии политического руководства, пытающегося удержать власть посредством маневрирования. Исследовательница рассматривает текущий кризис в более широком историческом и региональном контексте и показывает, как прежний опыт реакции на внешние шоки влияет на действия правительства в нынешних условиях. Ирина Бусыгина и Анатолий Чекаленко, изучая стрессоустойчивость Европейского союза в ходе пандемии, приходят к выводу о

том, что странам – членам ЕС удалось преодолеть рассогласованность действий начальной стадии кризиса и успешно использовать механизмы координации, что повысило легитимность ЕС в глазах правительств и граждан стран Евросоюза. Ростислав Туровский и Елизавета Иохим изучают исходы выборов, прошедших в различных странах в 2020 г., с точки зрения моделей ретроспективного голосования. Они показывают, что, хотя в условиях демократии избиратели и склонны наказывать инкумбентов за вызванный пандемией экономический спад, на результаты голосований влияла не столько жесткость ограничительных мер в ходе пандемии, сколько их эффективность.

Другая группа статей посвящена проблемам взаимодействий элит и граждан в ходе кризиса, вызванного пандемией. Борис Соколов, Маргарита Завадская и Кирилл Чмель, анализируя факторы политической поддержки в России в ходе кризиса, приходят к выводу о том, что если на первом этапе личный опыт пандемии и вызванная ею тревожность способствовали высокому уровню поддержки властей, то в дальнейшем влияние этих факторов ослабло, а ухудшение материального положения оказало наибольшее воздействие на политическую поддержку. Андрей Семенов, опираясь на материалы опросов Левада-центра, рассматривает проблему атрибуции россиянами ответственности за выход из экономического кризиса: как эти оценки связаны с поддержкой властей со стороны граждан. Он показывает, что связь между экономическим шоком и восприятием действий властей во многом обусловлена политическими предпочтениями российских граждан. Юрий Кабанов, Богдан Романов, Михаил Калягин, Александр Бочаров и Анна Желтоухова по итогам мониторинга социальных медиа в ходе пандемии полагают, что уровень (не)одобрения глав российских регионов во многом был обусловлен жесткостью ограничений, связанных с пандемией, с одной стороны, и эффективностью политической управляемости регионов (их авторитарностью) – с другой. Андрей Щербак и Мария Ухватова детально обсуждают новые тенденции взаимоотношений российских властей и Русской православной церкви (РПЦ), которые проявились в ходе пандемии. Они демонстрируют, что несмотря на ряд конфликтов внутри церкви и среди верующих, руководству РПЦ удалось удержать лояльность прихожан властям, но при этом РПЦ утратила «особый статус» в российской политической системе.

Завершают выпуск «Политической науки» работы молодых исследователей. Кирилл Шамиев, опираясь на распространенную в исследованиях политического курса концепцию «коалиций давления», анализирует реформу российской оборонной политики, проведенную в 2008–2012 гг. под руководством Анатолия Сердюкова. Наконец, критическая рецензия Ивана Суманеева посвящена сборнику «Authoritarianism and Covid-19: Economies, Societies, International Competition», вышедшему под эгидой Итальянского института международных и политических исследований.

Политический анализ внешних шоков и кризисов требует совместных усилий исследователей, представляющих различные научные дисциплины, страны, университеты и научные подходы. Решение этих познавательных задач предполагает теоретические дискуссии, углубленный анализ данных на основе современных научных методов и критическое обсуждение результатов исследований. Мы рассчитываем на то, что публикации, вошедшие в нынешний выпуск «Политической науки», позволят российским и зарубежным исследователям сделать новые шаги в этом направлении.

References

- Gelman V. *“Bad governance”: politics in contemporary Russia*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2019, 254 p. (In Russ.)
- Gerring J. *Case study research: principles and practices*. Cambridge: Cambridge university press, 2006, 278 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511803123>
- Gourevitch P. *Politics in hard times: comparative responses to international economic crises*. Ithaca, New York: Cornell university press, 1986, 272 p.
- Greer S.L., King E.J., Massard da Fonseca E., Peralta-Santos A. (eds). *Coronavirus politics: comparative politics and policy of COVID-19*. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan press, 2021, 662 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.11927713>
- Laruelle M., Alexeev M., Buckley S., Clem R.S., Goode J.P., Gomza I., Hale H.E., Herron S., Makarychev A., McCann M., Omelicheva M., Sharafutdinova G., Smyth R., Sokhey S.W., Troitskiy M., Tucker J., Twigg J., Wishnik E. Pandemic politics in Eurasia: roadmap for a new research subfield. *Problems of post-communism*. 2021, Vol. 68, N 1, P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1812404>
- Lazarev E., Sobolev A., Soboleva I., Sokolov B. Trial by fire: a natural disaster’s impact on support for the authorities in rural Russia. *World politics*. 2014, Vol. 66, N 4, P. 641–668. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887114000215>
- Markotkin N. *Does coronavirus herald the age of totalitarian surveillance in Russia and Eurasia?* Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2021, 7 p.

Problems of post-communism. 2022, Vol. 69, N 1: The impact of COVID-19 on politics in the post-soviet space, 120 p.

Литература на русском языке

Гельман В. «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 254 с.

*В.Я. Гельман,
С.Н. Шкель*

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Р.С. МУХАМЕТОВ*

ЛЕТАЛЬНОСТЬ ОТ SARS-COV-2: ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ ТИП ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА?

Аннотация. С появлением коронавируса SARS-CoV-2, который вызвал пандемию COVID-19 и стал с весны 2020 г. глобальной проблемой, ученые поставили перед собой цель определить факторы, влияющие на его распространение и вызываемую им смертность. Большинство работ было посвящено изучению демографических, социальных и экономических детерминант. Мало внимания уделялось политическим факторам. Анализ научной литературы показывает, что в академической среде существует теория «эффективной автократии». Цель настоящей статьи состоит в оценке эффективности политических режимов (демократий и автократий) в борьбе с коронавирусом SARS-CoV-2. Для проверки тезиса о «эффективной автократии» мы собрали данные по 97 странам и построили две регрессионные модели. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что уровень смертности от коронавируса выше в более демократических государствах на начальном этапе пандемии COVID-19. Расчеты на основе более поздних данных говорят о том, что уровень смертности от коронавируса меньше в более демократических государствах в среднесрочной перспективе. При росте числа демократических государств на один пункт смертность падает на 0,06 человека (на 1000 населения). Автор подчеркивает, что тип политического режима имеет значение для объяснения только одной трети случаев.

Ключевые слова: пандемия; COVID-19; 2019-nCoV; SARS-CoV-2; коронавирус; политический режим; авторитаризм; демократия.

* Мухаметов Руслан Салихович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: muhametov.ru@mail.ru

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Летальность от SARS-CoV-2: тип политического режима имеет значение // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 16–33. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.01>

Введение

На протяжении всей истории человечество сталкивалось с всевозможными пандемиями и эпидемиями (например, Антонинова и Юстинианова чума, «черная смерть», «испанский грипп» и т.д.). В этом плане COVID-19 – это не первое инфекционное заболевание, поразившее человеческую цивилизацию. Как отмечают исследователи, пандемии оказывали большое влияние на формирование общественных отношений, политико-экономическое развитие государств [Даймонд, 2010; Кларк, 2011; Макнил, 2021; Шах, 2018; Щербак, 2020]. COVID-19 не является исключением. В многочисленных работах показано, что введение различного рода ограничений (закрытие границ, локдауны, запреты на поездки) нарушило промышленные и коммерческие коммуникации, а это, в свою очередь, снизило прибыльность бизнеса и привело к росту безработицы в 2020 г. [Jena et al., 2021; Yetkin Ozbük, Coskun, Filimonau, 2021]. Действующая пандемия оказывает негативное воздействие на психическое здоровье людей. Ученые отмечают рост расстройств, связанных с тревогой, плохим настроением и депрессией [Kaye et al., 2021], что обусловлено продолжительностью карантина, опасением заразиться, финансовыми потерями [Brooks et al., 2020].

В условиях COVID-19 многих исследователей заинтересовал вопрос о факторах распространения новой коронавирусной инфекции. Исследователи обнаружили взаимосвязь между показателями благосостояния нации и количеством подтвержденных случаев инфицирования коронавирусом [Jain, Singh, 2020]. Ученые отмечают, что в более крупных городах наблюдается более высокий уровень инфицирования, чем в сельских районах [Bhadra, Arindam Mukherjee, Sarkar, 2021]. При этом другие подчеркивают, что мегаполисы предоставляют своим жителям больше возможностей для получения медицинских и социальных услуг, что может способствовать сдерживанию распространения всевозможных инфекций. В многочисленных работах отмечается, что строгий карантин,

массовая изоляция и другие меры общественного здравоохранения влияют на скорость передачи COVID-19 [Xi, Shi 2020]. Культура, социальные нормы, коммуникационные стратегии также играют решающую роль в распространении пандемии COVID-19 [Durante, Guiso, Gulino, 2021; Fernandez-Perez et al., 2021]. Таким образом, широко признано, что на протекание пандемии влияет сложный спектр социально-экономических, институциональных, исторических, географических и культурных факторов.

Обзор литературы показал, что большинство работ было посвящено изучению социально-экономических детерминант распространения COVID-19 и / или летальности от него. Мало внимания было уделено исследованию политических факторов. Настоящая статья в какой-то степени заполняет имеющийся научный вакуум. Исследовательский вопрос мы формулируем следующим образом: какой политический режим (демократический или авторитарный) лучше справляется с пандемией COVID-19? Поиск ответа на этот вопрос является целью данного исследования.

Итак, пандемия COVID-19 выдвинула на первый план вопрос о том, являются ли определенные типы режимов более эффективными в реагировании на эпидемии. Некоторые журналисты и политологи предположили, что авторитарные режимы более эффективно борются с распространением вируса SARS-CoV-2. Мы показываем, что более высокий уровень демократии в стране связан с меньшим числом случаев смерти от эпидемии, но в среднесрочной перспективе. COVID-19 продемонстрировал, что у обоих типов политических режимов есть свои сильные и слабые стороны, проявляющиеся при столкновении с чрезвычайными ситуациями. Автократии могут достаточно быстро и решительно реагировать на эпидемии, но склонны игнорировать проблему или манипулировать данными о числе заразившихся и смертельных случаев, что подрывает их имидж. Демократические государства обладают большей степенью открытости, но свойственная им децентрализация власти может привести к медленному и потенциально неэффективному реагированию на внешние вызовы.

Статья построена следующим образом: в первой части мы рассматриваем аналитические рамки исследования и формулируем рабочие гипотезы; во второй части представляем источники данных, методы сбора и анализа информации; в третьей части пока-

зываем результаты эмпирического анализа; наконец, в «Заключении» мы приводим основные выводы.

Теоретические рамки исследования и рабочие гипотезы

Исследователи отмечают, что в демократических странах наблюдается больше смертей на душу населения от COVID-19 и регистрируется более высокий уровень распространения коронавируса, чем в авторитарных государствах¹. Если взять в качестве показателя успешности режима уровень летальности от коронавируса, то при среднем (мировом) уровне в 1,99% выделяются «эффективные» автократии – Катар (0,25%), Сингапур (0,27%), ОАЭ (0,29%), Кувейт (0,6%), Беларусь (0,78%) и т.д. К «неуспешным» демократиям можно отнести такие государства, как Перу (9%), Китайская Республика (Тайвань) (5,11%), Болгария (4,09%), Парагвай (3,56%), Румыния (3,18%) и другие². Необходимо отметить, что рейтинг стран мира по уровню развития демократии относит эти «неуспешные» демократии к несовершенным демократиям³. Если в качестве показателя успешности режима взять среднюю заболеваемость на 100 тысяч населения, к «успешным» автократиям можно отнести ОАЭ, Мьянму, Кувейт, Египет, Узбекистан и Сирию, где регистрируемый уровень заболеваемости около одного человека на 100 тысяч населения. Примерами «неэффективных» демократий тогда являются США (25), Великобритания (64), Германия (70), Нидерланды (126), Бельгия (161)⁴.

Исходя из подобных данных, исследователи выдвинули тезис об «эффективной автократии», согласно которому автократии более эффективны в проведении антивидной политики [Cassan,

¹ Cepaluni G., Dorsch M., Dzebo S. Populism, Political Regimes, and COVID-19 Deaths. – Mode of access: <https://arxiv.org/pdf/2101.09960.pdf> (accessed: 11.11.2021); Narita Y., Sudo A. Curse of Democracy: Evidence from 2020. – Mode of access: <https://cowles.yale.edu/sites/default/files/files/pub/d22/d2281.pdf> (accessed: 11.11.2021).

² Коронавирус. Онлайн-карта распространения коронавируса. – Режим доступа: <https://coronavirus-hub.ru/> (дата посещения: 01.12.2021).

³ The Democracy Index 2020. – Mode of access: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2021/02/DI2020.pdf> (accessed: 01.12.2021).

⁴ Статистика коронавируса в мире. – Режим доступа: <https://gogov.ru/covid-19/world> (дата посещения: 01.12.2021).

Van Steenvoort, 2021]. Авторитарные режимы могут действовать успешнее, чем демократические. Они могут мобилизовать ресурсы, особо не задумываясь о последствиях для президентских и / или парламентских выборов. Кроме того, в авторитарических странах люди точнее исполняют политические инструкции, чем в либеральных государствах¹. Одна из причин думать, что авторитарии лучше справляются со сдерживанием распространения COVID-19, заключается в том, что в авторитарии может быть введен очень строгий карантин. Как подчеркивают ученые, в авторитарии не существует риска получения судебных исков (из-за ограничения фундаментальных прав человека или гражданских свобод) или массовых протестов против всеобъемлющих ограничительных мер². Авторитаризм позволяет быстро вводить радикальные меры по сдерживанию распространения вируса, авторитарные режимы не беспокоятся по поводу нарушения частной жизни и личных свобод. Авторитарные правительства, имеющие меньшее количество ограничений и меньшую подотчетность, способны быстро и своевременно реализовать меры социального дистанцирования [Stasavage, 2020].

Демократии могут быть менее подготовлены для реализации политики социального дистанцирования, так как необходимость защиты гражданских прав и свобод и принципы демократического управления, лежащие в основе процесса принятия решений, могут помешать властям быстро реагировать на кризис в области здравоохранения и устанавливать запретительные меры. Исследователи подчеркивают, что наличие большого числа судебных, законодательных и гражданских ограничений не позволяет исполнительной власти быстро реализовывать политические решения, что делает принятие быстрых и решительных мер более сложным, даже если они необходимы. Отмечается, что демократические правительства находятся в более невыгодном положении при борьбе с

¹ Cepaluni G., Dorsch M., Branyiczki R. Political Regimes and Deaths in the Early Stages of the COVID-19 Pandemic. – Mode of access: <https://preprints.apsanet.org/engage/api-gateway/apsa/assets/orp/resource/item/5ea7229e5d762d001217da9a/original/political-regimes-and-deaths-in-the-early-stages-of-the-covid-19-pandemic.pdf> (accessed: 11.11.2021).

² Cheibub J.A., Hong J.Y., Przeworski A. Rights and Deaths: Government Reactions to the Pandemic. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=3645410> (accessed: 11.11.2021).

распространением инфекционных заболеваний вроде COVID-19, потому что необходимость уважать индивидуальные права и свободы не позволяет принимать строгие или радикальные меры, которые доступны авторитарным правительствам [Engler et al., 2021]. Правительства наиболее неохотно ограничивают индивидуальные свободы в странах, где эти свободы строго защищены конституционными положениями и уважаются властями. Демократические правительства отреагировали на пандемию медленнее, чем авторитарные: сдерживающим фактором стала необходимость уважения прав граждан, в частности права на объединение, в том числе для проведения религиозных обрядов, права на свободное передвижение и права на участие в экономической деятельности. Кроме того, демократические политические системы, особенно хорошо организованные, имеют больше шансов столкнуться с трудностями в процессе принятия решений из-за влияния различных групп интересов. Сложность принятия решений ограничивает правительства в способности оперативно реагировать на такие кризисы, как COVID-19 [Олсон, 2013]. В демократии принятие решений – это процесс, требующий времени, и сложное дело, предполагающее переговоры между конкурирующими группами [Gerring, Thacker, Alfaro, 2012].

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что до того, как демократические правительства примут решения о реагировании на распространение SARS-CoV-2 и введут меры, направленные на снижение риска заражения новой коронавирусной инфекцией, в демократиях можно будет наблюдать более высокий уровень заболеваемости и летальности, чем в авторитариях. В то же время многочисленные исследования показывают, что демократии обладают преимуществами в области общественного здравоохранения по сравнению с другими типами режимов [Baum, Lake, 2003; Navia, Zweifel, 2003]. В демократиях забота о здоровье граждан более приоритетна для властивующих групп, так как игнорирование этого вопроса может привести к отстранению выборных лиц от должности [Besley, Kudamatsu, 2006]. При демократии политики предоставляют гражданам больше общественных услуг, стремясь соответствовать ожиданиям избирателей [Wang, Mechkova, Andersson, 2019]. При авторитарии политическое выживание лидера зависит не от доступности благ для основной массы населения, а от лояльности небольшой группы / «реального» элек-

тората» / «победившей коалиции» [Bueno De Mesquita, 2011]. Кроме того, авторитарные режимы могут быть заинтересованы в предотвращении развития человеческого потенциала, поскольку улучшение здоровья, образования и экономической безопасности мобилизует граждан на борьбу за большее участие в политике [Ruger, 2005]. Таким образом, можно ожидать, что после продолжительных переговоров, которые в конечном счете закончатся принятием мер против распространения вируса SARS-CoV-2, благодаря более развитой системе общественного здравоохранения демократии смогут обеспечить более эффективную государственную политику в сфере борьбы с пандемией. Мы согласны с Дж. Герингом, который подчеркивает, что преимущества демократии накапливаются с течением времени [Gerring et al., 2005]. В этом плане линия летальности от коронавируса при демократии походит на кривую С. Кузнецца, которая имеет форму перевернутой буквы «U». Исследователь полагал, что с увеличением дохода на душу населения неравенство на начальном этапе будет расти, а затем падать [Kuznets, 1955].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сформулировать две рабочие гипотезы.

Н 1: Уровень смертности от коронавируса выше в более демократических государствах на начальном этапе (в допиковый период) пандемии COVID-19.

Н 2: Уровень смертности от коронавируса SARS-CoV-2 меньше в более демократических государствах в среднесрочной перспективе¹.

Метод, переменные и источники данных

В качестве метода анализа данных избран регрессионный анализ (множественная линейная регрессия). В рамках данного метода необходимо определиться с переменными – зависимой, не зависимой и контрольными. Зависимая переменная была операционализирована через количество в стране смертей на 1000 населе-

¹ Под среднесрочной перспективой мы понимаем август 2021 г., когда прошло 1,5 года после объявления ВОЗ пандемии новой коронавирусной инфекции (март 2020 г.).

ления из-за COVID-19 (переменная DEAD). Основной объясняющей переменной (переменная REGIM), представляющей для нас интерес, является уровень демократичности страны. Необходимо отметить, что в мире существует большое количество рейтингов демократии, но самыми популярными не только в академической среде, но и в аналитической публицистике являются Nations in Transit от организации «Фридом Хаус», Democracy Index от журнала The Economist, проект «Многообразие демократии» (Varieties of Democracy или V-Dem), а также рейтинг Polity V. Источником данных нашего исследования является Democracy Index 2020. Рейтинг Nations in Transit не подходит из-за ангажированности организации, которая его составляет. Набор данных «Polity V» исключаем в качестве источника из-за того, что самые свежие оценки политических режимов датированы 2018 г. Что касается проекта V-Dem, то его набор данных основан исключительно на агрегировании экспертных суждений, в то время как используемый нами Democracy Index включает в себя не только оценки экспертов, но и результаты опросов общественного мнения от проекта «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey). Для проверки гипотезы об «эффективной автократии» мы операционализируем независимую переменную следующим образом: полноценные демократии получают значение 1, несовершенные демократии – 2, гибридные режимы – 3 и авторитарные режимы – 4. Кроме того, мы добавляем ряд дополнительных контрольных переменных для учета альтернативных объяснений наших результатов. Во-первых, демографы подчеркивают важность возраста для объяснения распространения COVID-19 и его влияния на смертность [Sasson, 2021], поэтому мы контролируем долю пожилого населения (переменная AGE). Во-вторых, уровень распространения SARS-CoV-2 и заболеваемости новым коронавирусом зависит от степени открытости страны и возможности граждан передвигаться как внутри, так и между государствами. Мы операционализируем этот фактор через количество зарегистрированных авиаперелетов на душу населения (переменная AIR). В-третьих, эффективность работы правительства (переменная GOVEFFECT) оказывает воздействие на стратегию и тактику реагирования на эпидемии. Наконец, расходы стран на здравоохранение на душу населения (переменная HEALTH) влияют на эффективность национальных систем общественного здравоохранения, количество больничных

коек, возможность проведения массового тестирования, что сказывается на уровне распространения и летальности от COVID-19.

Источники данных по переменным представлены в табл. 1.

Таблица 1
Операционализация переменных и источники данных

Переменные	Операционализация	Источник данных
DEAD	Количество смертей на 1000 человек из-за COVID-19	Johns Hopkins Coronavirus Resource Center
REGIM	Полноценные демократии получают значение 1, несовершенные демократии – 2, гибридные режимы – 3 и авторитарные режимы – 4	Economist Intelligence Unit: Democracy Index 2020
AGE	Доля лиц 65 лет и старше	База данных Всемирного банка World Development Indicators
AIR	Количество зарегистрированных авиаперелетов на одного человека	World Bank Air transport, registered carrier departures worldwide
GOVEFFECT	Баллы по показателю «эффективность работы правительства» (Government Effectiveness)	Worldwide Governance Indicators
HEALTH	Расходы на одного человека стран мира в долл. США (Current health expenditure per capita)	База данных Всемирного банка World Development Indicators

Для исследования мы взяли 100 самых крупных государств мира. В силу того что по ряду государств данные отсутствовали, итоговая выборка составила 97 стран. В географическом плане они распределены следующим образом: Европа – 19 государств, Западная, Центральная и Южная Азия – 18, Восточная и Юго-Восточная Азия – 12, Африка – 31, Северная Америка – два, Австралия и Океания – одно, Латинская Америка – 14. Мы построили две регрессионные модели: для первой данные по летальности от коронавируса были взяты на 3 августа 2020 г. (переменная DEAD 1), а для второй – на 3 августа 2021 г. (переменная DEAD 2). Первая регрессионная модель отражает начальный этап пандемии COVID-19 (к августу 2020 г. новый коронавирус уже в течение полугода распространялся по всему миру, пик первой волны пришелся на январь 2021 г.), а вторая модель основана на данных пика третьей волны в мире.

Описательная статистика по переменным представлена в табл. 2.

Таблица 2
Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Станд. отклонение	Минимум	Максимум
DEAD 1	0,71875	0,24000	0,97810	0	6,0500
DEAD 2	0,11879	0,018000	0,24552	0	1,7800
REGIM	2,8454	3,0000	1,0737	1	4
AGE	8,2466	5,5700	6,3536	0	27,280
AIR	0,0053237	0,0020000	0,0092076	0	0,050000
GOVEFFECT	45,773	43,750	28,669	0,96000	99,520
HEALTH	1138,4	228,00	2055,4	22,000	10624,00

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты статистических расчетов представлены в табл. 3.

Таблица 3
Регрессионный анализ
(зависимая переменная – количество умерших на
1000 человек, n = 97)

Переменные	Модель 1	Модель 2
REGIM	0,28 0,0186	-0,0646804 0,0492
AGE	0,0604261 0,0126	0,00151399 0,8146
AIR	9,83060 0,4425	0,516940 0,8813
GOVEFFECT	-2.12088 e-05 0,9971	-0,000275136 0,8626
HEALTH	-9,84002 e-05 0,1574	2,30846 e-05 0,2203
const	1,09736 0,0358	0,273903 0,0528
R-квадрат	0,31	0,29

p < 0,05

Как видно из табл. 3, согласно первой регрессионной модели, тезис об «эффективной автократии» нашел свое подтверждение: уровень смертности от коронавируса в более демократических государствах выше на начальном этапе пандемии COVID-19. Увели-

чение числа демократий на один пункт приводит к росту смертности от вируса SARS-CoV-2 на 0,28 человека (на 1000 населения). Это соответствует существующей в научной литературе точке зрения. В то же время, если посмотреть вторую регрессионную модель, то можно увидеть обратную ситуацию: уровень смертности от коронавируса меньше в более демократических государствах в среднесрочной перспективе. Данные статистического анализа показывают, что увеличение числа демократий на один пункт уменьшает число смертей на 0,06 человека (на 1000 населения), что явно не соответствует тезису об «эффективной авторитарии».

Как пишет Ю. Эльстер, основная задача социальной науки состоит в объяснении социальных явлений. Объяснить с точки зрения социальной науки – значит рассказать о причинах события, явления или процесса [Эльстер, 2011, с. 21]. Как отмечают исследователи, большее распространение коронавируса в менее демократических государствах может отражать отсутствие у государства возможности проводить тестирование, необходимое для определения реальной причины смерти. Кроме того, авторитарии, как правило, имеют не только меньше возможностей проводить тестирование, но и более молодое население и, следовательно, гораздо меньшую реальную смертность при прочих равных условиях¹. Необходимо сказать, что существует еще несколько возможных объяснений высокого уровня распространения эпидемии и летальности в демократических странах на начальном этапе пандемии. Во-первых, демократии в среднем богаче (имеют более высокий доход на душу населения и высокие расходы на здравоохранение в целом), чем другие режимы, поэтому могут позволить себе делать больше тестов и, как результат, выявлять больший процент зараженных новым коронавирусом. Во-вторых, демократии более открыты для путешествий, мигрантов и трансграничной торговли, что способствует распространению COVID-19. В-третьих, в демократических странах больше пожилых людей, которые более уязвимы к COVID-19².

¹ Badman R., Wu Y., Keigo Inukai K., Rei Akaishi R. Blessing or Curse of Democracy?: Current Evidence from the Covid-19 Pandemic. – Mode of access: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2105/2105.10865.pdf> (accessed: 11.11.2021).

² Kapoor M., Malani A., Ravi S., Agarwal A. Authoritarian Governments Appear to Manipulate COVID Data. – Mode of access: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2007/2007.09566.pdf> (accessed: 11.11.2021).

Одна из возможных причин, которая может объяснить успех авторитарий на первоначальном этапе, заключается в том, что авторитарные страны манипулируют данными о смертности. Ученые подчеркивают, что поскольку статистика по распространению SARS-CoV-2 отрицательным образом влияет на экономику, у национальных правительств есть стимул контролировать данные по COVID-19. В менее демократических странах может наблюдаться систематическое занижение числа смертей. В некоторых случаях искажение отчетности может быть санкционировано политическим решением. В политической науке существует точка зрения о «предвзятой авторитарии», т.е. предположение о том, что недемократические страны могут целенаправленно искажать данные о распространении эпидемии и летальности от нового коронавируса [Cassan, Van Steenvoort, 2021]. Ряд исследований подтверждает, что данные о пандемии COVID-19 в авторитариях содержат признаки манипулирования [Adiguzel et al., 2020]. Исследователи считают, что демократические страны сообщают более точные статистические данные¹, что объясняется свободой прессы, разделением властей и активностью оппозиции – в демократиях существуют сдержки и противовесы, которые не позволяют правительствам манипулировать данными. Авторитарные режимы имеют больше возможностей для фальсификации данных, поскольку авторитарные правительства контролируют большинство СМИ и часто цензурируют неудобные факты, публикация которых может подорвать правящий режим [Magee, Doces, 2015]. Исследователи подчеркивают, что государственные СМИ увеличивают предвзятость СМИ в целом [Gehlbach, Sonin, 2014]. Авторитарные лидеры манипулируют данными с помощью цензуры или фальсификаций, так как экономические и социальные проблемы, вызванные пандемией, могут привести к акциям протеста. Чтобы минимизировать ущерб, авторитарные правительства пытаются либо ограничить распространение «плохих новостей», либо манипулировать распространяемыми показателями [Rozenas, Stukal, 2019]. Политологи утверждают, что плохие экономические показатели могут представлять большую угрозу для авторитарных режимов, потому

¹ Kapoor M., Malani A., Ravi S., Agarwal A. Authoritarian Governments Appear to Manipulate COVID Data. – Mode of access: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2007/2007.09566.pdf> (accessed: 11.11.2021).

что экономический спад может привести к смене режима [Pepinsky, 2009]. Эксперты отмечают, что фальсификация данных может скрыть экономический спад, что даст правительству время на решение проблем, поможет пережить кризис, сделает его более компетентным в глазах граждан [Wallace, 2015]. Кроме того, авторитарные правительства заинтересованы в том, чтобы прессы негативные события увязывала с вмешательством внешних акторов, а позитивные – с действиями правительства [Rozenas, Stukal, 2019]. Исследователи показывают, что правительство может манипулировать информацией, чтобы избежать наказания за недостаточную экономическую эффективность. Манипуляция новостями представляет собой один из инструментов, с помощью которого авторитарные правительства могут разорвать связку между экономическими показателями и политическим выживанием. Негативные экономические новости в первую очередь снижают доверие к правительству, создавая у граждан мнение о его некомпетентности. Негативные новости подталкивают граждан к осознанию того, что их личные страдания разделяют и другие, а это позволяет гражданам солидаризироваться и координировать действия по смещению правительства [Egorov, Guriev, Sonin, 2009]. При передаче данных Всемирному банку авторитарные режимы завышают свои темпы экономического роста. Любое правительство заинтересовано в преувеличении темпов экономического роста, но в демократиях заложены институциональные ограничения, препятствующие этому. Диктаторы сталкиваются с относительным отсутствием ограничений исполнительной власти и, следовательно, имеют большую свободу лгать о своем экономическом успехе [Annaka, 2021].

Полученные результаты представляют интерес с точки зрения интерпретации. Вывод о положительном и статистически значимом влиянии демократии на сдерживание смертности от нового коронавируса стало новым результатом в области исследований политики и здравоохранения. Выдвинутые гипотезы нашли свое подтверждение, что позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, результаты данного исследования поставили под сомнение выдвинутый рядом политологов тезис об «эффективной автократии». Во-вторых, как показали статистические расчеты, авторитарные режимы имеют преимущества перед демократиями на начальном этапе пандемии, тогда как государства с демократической политической системой демонстрируют большую эффек-

тивность в среднесрочной перспективе. Эта статья вносит вклад в две научные дискуссии. Во-первых, результаты исследования важны для дискуссии о том, какие политические режимы (демократические или авторитарные) эффективнее справляются с кризисами и более успешно функционируют в «трудные времена» в целом. Во-вторых, настоящее исследование делает важный вклад в спор о том, какой тип политического режима лучше справляется с пандемией COVID-19.

Заключение

Во время пандемии COVID-19 политические системы были вынуждены справляться с серьезными человеческими и экономическими потрясениями. На международной арене между демократиями и авторитариями возникла конкуренция. Исследование было направлено на изучение уровня эффективности реагирования политических режимов на COVID-19. Обзор литературы показал, что в абсолютном большинстве работ говорится о том, что авторитарии отреагировали на пандемию более эффективно, чем демократические системы. Это объясняется быстрым процессом принятия политических решений в авторитариях, а также их более высокой способностью вводить ограничения свобод граждан, включая карантинные меры, необходимые для сдерживания распространения нового коронавируса. В связи с этим ряд исследователей выдвинули тезис об «эффективной авторитарии». Мы поставили перед собой задачу проверить этот тезис, поскольку результаты первых научных работ основывались на данных, собранных в первую фазу пандемии. В настоящей работе было решено построить две регрессионные модели, одна из которых базировалась на статистике от августа 2020 г., а вторая – от августа 2021 г. В результате расчетов было выявлено, что на начальном этапе пандемии COVID-19 уровень смертности от коронавируса был выше в более демократических государствах. Это подтвердило выдвинутый тезис об «эффективной авторитарии». Однако статистические выкладки, основанные на более поздних данных, свидетельствовали, что в среднесрочной перспективе демократии лучше справляются со сдерживанием вируса SARS-CoV-2. Разницу в уровне смертности между демократиями и авторитариями можно объяснить несколькими факторами.

Во-первых, демократические страны лучше экономически развиты, обладают более развитой системой здравоохранения и способны обеспечить тестирование, необходимое для определения реальной причины смерти. Во-вторых, ученые подчеркивают «эффективность» авторитарных режимов в манипулировании и фальсификации данных, в том числе и в занижении реального уровня распространения вируса SARS-CoV-2 и летальности от него.

R.S. Mukhametov*

**Mortality from SARS-CoV-2:
does the type of political regime matter?**

Abstract. The emergence of the SARS-CoV-2 coronavirus caused the COVID-19 pandemic, which has become a global problem since the spring of 2020. Scientists have set a goal to determine the factors affecting its spread and mortality. Most of the works were devoted to the study of demographic, social and economic determinants. Little attention was paid to political factors. An analysis of the scientific literature shows that there is a theory of «effective autocracy» in the academic environment. The purpose of this article is to assess the effectiveness of political regimes (democracies and autocracies) in the fight against the SARS-CoV-2 coronavirus. To test the thesis of «effective autocracy», we collected data on 96 countries and built two regression models. As a result of the study, we came to the conclusion that the mortality rate from coronavirus is lower in autocracies than in democracies, which confirms the theory. Statistical calculations show that with an increase of 1 point in autocracies, mortality decreases by 0,28 people (per 1000 population). The article emphasizes that this is typical for the initial stage of the COVID-19 pandemic. Calculations based on more recent data suggest that the mortality rate from coronavirus is lower in more democratic states in the medium term: with an increase in the number of democratic states by 1 point, mortality falls by 0,06 people (per 1000 population). The author notes that this is due to both a more developed health care system in more democratic countries and a purposeful policy of autocracies to underestimate statistical data on mortality from SARS-CoV-2. The author emphasizes that the type of political regime matters only in one third of cases.

Keywords: pandemic; COVID-19; 2019-nCoV; SARS-CoV-2; coronavirus; political regimes; authoritarianism; democracy.

For citation: Mukhametov R.S. Mortality from SARS-CoV-2: does the type of political regime matter? *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 16–33.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.01>

* Mukhametov Ruslan, Ural federal university (Ekaterinburg, Russia), e-mail: muhametov.ru@mail.ru

References

- Adiguzel, F.S., Cansunar, A., Corekcioglu, G. Truth or dare? Detecting systematic manipulation of covid-19 statistics. *Journal of political institutions and political economy*. 2020, N 1, P. 543–557. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/113.0000021>
- Annaka S. Political regime, data transparency, and COVID-19 death cases. *SSM Popul health*. 2021, Vol. 15, P. 100832. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100832>
- Baum M., Lake D. The political economy of growth: democracy and human capital. *American journal of political science*. 2003, Vol. 47, N 2, P. 333–347. DOI: <https://doi.org/10.1111/1540-5907.00023>
- Besley T., Kudamatsu M. Health and democracy. *American economic review*. 2006, Vol. 96, N 2, P. 313–318. DOI: <https://doi.org/10.1257/000282806777212053>
- Bhadra A., Arindam Mukherjee A., Sarkar K. Impact of population density on the Covid-19 infected and mortality rates in India. *Modeling earth systems and environment*. 2021, Vol. 7, N 1, P. 623–629. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40808-020-00984-7>
- Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*. 2020, Vol. 395, P. 912–920. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
- Bueno De Mesquita B., Smith A. *The dictator's handbook: why bad behavior is almost always good politics*. New York: Random House, 2011, 272 p.
- Cassan G., van Steenvoort M. Political regime and COVID 19 death rate: efficient, biasing or simply different autocracies? An econometric analysis. *SSM Population health*. 2021, N 16, P. 100912. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100912>
- Clark D. *Germs, genes and civilization*. Moscow: Eksmo, 2011, 300 p. (In Russ.)
- Diamond J. *Guns, germs and steel: The fates of human societies*. Moscow: LCT, ACT Moscow CORPUS, 2010, 604 p. (In Russ.)
- Durante R., Guiso K., Gulino G. Asocial capital: civic culture and social distancing during COVID-19. *Journal of public economics*. 2021, Vol. 194, N 3, P. 104342. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3611606>
- Egorov G., Guriev S., Sonin K. Why resource-poor dictators allow freer media: a theory and evidence from panel data. *American political science review*. 2009, Vol. 103, N 4, P. 645–668. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055409990219>
- Elster J. *Explaining social behavior: more nuts and bolts for the social sciences*. Moscow: Publishing house of the State University – Higher School of Economics, 2011, 472 p. (In Russ.)
- Engler S., Brunner P., Loviat R., Abou-Chadi T., Leemann L., Glaser A., Kübler D. Democracy in times of the pandemic: explaining the variation of COVID-19 policies across European democracies. *West European politics*. 2021, Vol. 44, N 5, P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2021.1900669>
- Fernandez-Perez A., Gilbert A., Indriawan I., Nguyen N. COVID-19 pandemic and stock market response: a culture effect. *Journal of behavioral and experimental finance*. 2021, Vol. 29, N 2, P. 100454. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2020.100454>

- Gehlbach S., Sonin K. Government control of the media. *Journal of public economics*. 2014, Vol. 118, P. 163–171. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1315882>
- Gerring J., Bond P., Barndt W., Moreno C. Democracy and growth: a historical perspective. *World politics*. 2005, Vol. 57, N 3, P. 323–364. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0002>
- Gerring J., Thacker S., Alfaro R. Democracy and human development. *The journal of politics*. 2012, Vol. 74, N 1, P. 1–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0022381611001113>
- Jain V., Singh L. Global spread and socio-economic determinants of Covid-19 pandemic. *Seoul journal of economics*. 2020, Vol. 33, N 4, P. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3748209>
- Jena P.R., Majhi R., Kalli R., Managi S., Majhi B. Impact of COVID-19 on GDP of major economies: application of the artificial neural network forecaster. *Economic analysis and policy*. 2021, N 69, P. 324–339. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2020.12.013>
- Kaye A.D., Okeagu C.N., Pham A.D., Silva R.A., Hurley J.J., Arron B.L., Sarfraz N., Lee H.N., Ghali G.E., Gamble J.W., Liu H., Urman R.D., Cornett E.M. Economic impact of COVID-19 pandemic on healthcare facilities and systems: International perspectives. *Best practice & research clinical anaesthesiology*. 2021, Vol. 35, N 3, P. 293–306. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bpa.2020.11.009>
- Kuznets S. Economy growth and Income inequality. *American economic review*. 1955, Vol. 45, N 1, P. 1–28.
- Magee C.S., Doces J.A. Reconsidering regime type and growth: lies, dictatorships, and statistics. *International studies quarterly*. 2015, Vol. 59, P. 223–237.
- McNeil W. *Plagues and peoples*. Moscow: Dmitry Pozharsky university press, 2021, 448 p. (In Russ.)
- Navia P., Zweifel T. Democracy, dictatorship, and infant mortality revisited. *Journal of democracy*. 2003, Vol. 14, N 3, P. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2000.0047>
- Olson M. *The Rise and decline of nations: Economic growth, stagflation and social rigidities*. Moscow: New publishing house, 2013, 324 p. (In Russ.)
- Pepinsky T. *Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes Indonesia and Malaysia in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge university press, 2009, 346 p.
- Rozenas A., Stukal D. How autocrats manipulate economic news: Evidence from Russia's state-controlled television. *Journal of politics*. 2019, Vol. 81, N 3, P. 982–996. DOI: <https://doi.org/10.1086/703208>
- Ruger J.P. Democracy and health. *QJM: monthly journal of the Association of Physicians*. 2005, Vol. 98, N 4, P. 299–304. DOI: <https://doi.org/10.1093/qjmed/hci042>
- Sasson I. Age and COVID-19 mortality: A comparison of Gompertz doubling time across countries and causes of death. *Demographic research*. 2021, Vol. 44, P. 379–396. DOI: <http://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2021.44.16>
- Shah S. *Pandemic: a world history of deadly viruses*. Moscow: Alpina publisher, 2018, 358 p. (In Russ.)
- Shcherbak A. *Viruses, epidemics and modernization theory: friends or enemies?* Preprint M-78/20. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2020, 32 p. (In Russ.)
- Stasavage D. Democracy, autocracy, and emergency threats: lessons for COVID-19 from the last thousand years. *International organization*. 2020, Vol. 74, N S1, P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000338>

- Wallace J.L. Juking the Stats? Authoritarian Information Problems in China. *British journal of political science*. 2015, Vol. 46, N 1, P. 11–29. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123414000106>
- Wang Y., Mechkova V., Andersson F. Does democracy enhance health? New empirical evidence 1900–2012. *Political research quarterly*. 2019, Vol. 72, N 3, P. 554–569. DOI: <https://doi.org/10.1177/1065912918798506>
- Xi Y.Q., Shi C.W. Impacts of social and economic factors on the transmission of coronavirus disease 2019 (COVID-19) in China. *Journal of population economics*. 2020, P. 1–46. DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.03.13.20035238>
- Yetkin Ozbük R.M., Coskun A., Filimonau V. The impact of COVID-19 on food management in households of an emerging economy. *Socio-Economic planning sciences*. 2021, P. 101094. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.seps.2021.101094>

Литература на русском языке

- Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ. – М.: ЛСТ: АСТ МОСКВА: CORPUS, 2010. – 604 с.
- Кларк Д. Микробы, гены и цивилизация. – М.: Эксмо, 2011. – 300 с.
- Макнил У. Эпидемии и народы. – М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2021. – 448 с.
- Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. – М.: Новое издательство, 2013. – 324 с.
- Шах С. Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 358 с.
- Щербак А. Вирусы, эпидемии и теория модернизации: друзья или враги? Препринт М-78/20. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 32 с.
- Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 472 с.

В.Я. ГЕЛЬМАН*

**«НЕДОСТОЙНОЕ ПРАВЛЕНИЕ»
В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕГО ШОКА:
СЛУЧАЙ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Аннотация. Хотя пандемия COVID-19 в России пока, увы, далека от завершения и подведение ее даже предварительных итогов явно преждевременно, опираясь на данные об избыточной смертности россиян сегодня можно утверждать, что Россия справилась с ней существенно хуже, нежели большинство развитых стран. Только по состоянию на конец 2021 г. избыточная смертность в России уже превысила миллион человек. На этот результат повлияли многие факторы, включая недостаточное финансирование системы здравоохранения и не-продуманную государственную политику в данной сфере на протяжении многих лет. Однако значительную роль в ходе пандемии сыграло и «недостойное правление» – политico-экономический порядок, при котором извлечение ренты представляет собой главную цель и основное содержание управления. Его следствием является низкое качество государственного управления в России по большинству параметров, отмечаемое различными международными агентствами. На этом фоне пандемия COVID-19 стала для российского государственного управления внешним шоком, который усугубил многие сложившиеся ранее тенденции. В статье рассматривается роль механизмов государственного управления в России и задаваемых ими стимулов, а также эффектыправленческих решений, принятых российскими властями, с точки зрения последствий пандемии для страны и ее граждан.

Ключевые слова: внешний шок; стрессоустойчивость; Россия; «недостойное правление»; пандемия.

* Гельман Владимир Яковлевич, кандидат политических наук, профессор факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); профессор, Александровский институт, университет Хельсинки, (Хельсинки, Финляндия), e-mail:vgelman@eu.spb.ru

Для цитирования: Гельман В.Я. «Недостойное правление» в условиях внешнего шока: случай COVID-19 // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 34–52. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.02>

Внешние шоки, стрессоустойчивость и Россия в период пандемии

Анализ внешних шоков – внезапных и сильных негативных воздействий на экономические и политические системы, вызваных влиянием экзогенных по отношению к ним факторов, – полезен для социальных исследований. Он позволяет относительно быстро обнаружить и объяснить тенденции и процессы, которые могут оставаться незамеченными и / или плохо объясняемыми в обычных «нормальных» условиях на протяжении длительного времени [Rosenfeld, 2018]. Внешние шоки, с одной стороны, могут стать приводным механизмом упадка существовавших ранее институтов, а с другой – могут создавать стимулы для ряда успешных инноваций в различных сферах в духе «созидательного разрушения» по Йозефу Шумпетеру. В связи с этим специалисты активно обсуждают стрессоустойчивость (resilience) тех или иных государств и экономик [Ungar, 2018; Thoren, Olsson, 2018]¹, выделяя три ее формы – адаптивную (способность абсорбировать внешние шоки), проактивную (способность снизить уязвимость к новым шокам) и трансформативную (способность повысить эффективность после изменений, вызванных внешними шоками) [Obrist, Pfeiffer, Henley, 2010]. Анализ стрессоустойчивости государств и экономик к внешним шокам, вызванным пандемией COVID-19, безусловно, заслуживает внимания исследователей [Boin McConnell, Hart, 2021; Linkov, Keenan, Trump, 2021].

Говоря о внешних шоках, стоит подчеркнуть, что они довольно редко выступают в качестве своего рода «черного лебедя» [Талеб, 2020] – внезапного явления, против которого бессильны все существующие институты и механизмы управления и которое само по себе способно полностью изменить сложившийся ранее социально-экономический уклад (подобно эпидемии бубонной

¹ См. также: Benedikter R., Fathi K. What is a Resilient Society? // International Policy Digest. – 2017. – September. – Mode of access: <https://intpolicydigest.org/2017/09/17/what-is-a-resilient-society/> (accessed: 28.12.2021).

чумы, охватившей Европу в середине XIV в.). Гораздо чаще реакция государств на внешние шоки выступает логическим следствием существующих институтов и механизмов управления, которые в условиях перегрузок, вызванных этими шоками, наиболее выпукло проявляют как свои сильные, так и слабые стороны. Примером такого рода может служить реакция советского государства на внешний шок, вызванный резким падением мировых цен на нефть в 1985–1986 гг. Анализируя ее, Егор Гайдар справедливо отмечал, что, с одной стороны, советская система государственного управления была не приспособлена к смене политического курса в изменившихся условиях, а с другой стороны, сложившиеся в позднем СССР политические ограничения не позволяли советскому руководству пойти на пересмотр взятых ранее на себя обязательств в экономике и в социальной сфере без кардинальной смены приоритетов. В результате реакция советского руководства на внешний шок повлекла за собой поворот к непродуманной и непоследовательной макроэкономической политике, которая наряду с другими факторами внесла свой вклад в последующий крах советского государства [Гайдар, 2006].

В более общем плане воздействие внешних шоков на системы государственного управления в значительной степени обусловлено теми характеристиками их институтов и механизмов, которые затрагивают приоритеты ключевых акторов, их ресурсы и стратегии, используемые в ходе кризисов, вызванных внешними шоками. С этой точки зрения пандемия COVID-19, затронувшая практически все страны мира, выглядит своего рода «идеальным штормом», который создал базу для кросс-национального сравнения реакций со стороны различных государств и их стрессоустойчивости к вызванным ею внешним шокам [Laruelle et al., 2021; Arkturk, Lika, 2022].

На фоне ряда других государств с сопоставимым уровнем социально-экономического развития Россия может рассматриваться как отклоняющийся случай реакции на внешний шок, вызванный пандемией. Исходя из объективных стартовых условий, российское государство могло гораздо лучше справиться с пандемией, не доводя ситуацию до столь многочисленных избыточных смертей. У России было немало сравнительных преимуществ, которые позволяли рассчитывать на иное развитие событий. Это и относительно низкая плотность населения и большие расстояния внутри

страны, ее сравнительно низкая транспортная связанность и изолированность от внешнего мира (за исключением мегаполисов и ряда приграничных регионов), относительно развитая медицинская инфраструктура и собственное производство лекарств и средств индивидуальной защиты, а также довольно высокая толерантность россиян к неизбежным в условиях пандемии ограничительным мерам и масштабный аппарат силовых ведомств, способных обеспечить соблюдение этих мер. Несмотря на то что российское государство испытывало проблемы с инфраструктурной государственной состоятельностью (*infrastructural state capacity*), предполагающей успешное обеспечение предоставления общественных благ, а также с легитимностью политico-экономического порядка в стране¹, они не имели критического характера.

Однако помимо этих предпосылок важнейший вклад в реакцию России на пандемию внесли факторы, связанные с приоритетами акторов на всех уровнях управления страной. Ключевой особенностью России по сравнению со многими другими государствами являлся тот факт, что сохранение жизней и здоровья россиян к таким приоритетам в принципе не относилось. Александр Мясников, отвечавший за государственный информационный менеджмент в ходе пандемии, суммировал этот приоритет словами: «Кому положено умереть – помрут»². Эта логика опиралась не только на глубоко укорененное в России пренебрежение к жертвам, но и на стратегические расчеты властей. Потеря здоровья граждан (тем более входящих в «группы риска», т.е. создающих дополнительную нагрузку на экономику) сама по себе не создает для авторитарного режима краткосрочных вызовов с точки зрения сохранения власти и доступа к источникам ренты, а служит источником рисков лишь постольку, поскольку может стать тригером массового недовольства граждан властями. Поэтому Кремль был в состоянии принести в жертву здоровье соотечественников ради сохранения политического статус-кво и минимизации экономических потерь, как минимум в краткосрочной перспективе.

¹ Легитимность понимается здесь как убежденность граждан в том, что существующий политический порядок предпочтительнее, нежели любые альтернативы ему [Linz, 1978, p. 17–18].

² Доктор Мясников: Кому положено умереть – помрут // YouTube. – 2020. – 20 мая. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wztfLJLUSWc> (дата посещения: 28.12.2021).

Политические приоритеты руководства сочетались с теми стимулами, которые задавали сформированные в России институты и механизмы государственного управления и которыми руководствовались акторы в ходе кризиса, вызванного внешним шоком.

Приоритеты, институты и стимулы

Приоритеты, связанные с сохранением статус-кво, несмотря на внешние шоки выступают частным проявлением адаптивной стрессоустойчивости в ущерб ее проактивной и тем более трансформативной формам. В российском случае эти приоритеты наглядно проявились в ходе первой волны пандемии, которая совпала по времени с инициированной Кремлем кампанией по принятию поправок в конституцию страны и обеспечению их одобрения на всероссийском голосовании [Новая (не)легитимность..., 2020]. Эти поправки, предполагавшие возможность продления пребывания Владимира Путина на посту главы государства до 2036 года, сами по себе были призваны, говоря словами Дмитрия Пескова, «зацементировать» Россию¹, дабы исключить любое нежелательное, с точки зрения Кремля, развитие событий в стране в среднесрочной перспективе. Такая адаптивная стрессоустойчивость предполагала принесение перспектив развития страны (включая жизни и здоровье ее граждан) в жертву текущим политическим интересам правящих групп [Застой..., 2021] и на макроуровне во многом предопределила последующие шаги властей в ходе пандемии. Поскольку конституционный плебисцит предполагал мобилизацию всех ресурсов принуждения со стороны государственного аппарата, это обусловило крайне запоздалую реакцию российских властей на пандемию: введение ограничительных мер было сперва отложено, затем растянуто во времени, и ряд объективно необходимых в ходе кризиса шагов (таких, как меры социальной поддержки, включавшие бюджетные выплаты российским семьям с детьми) был обусловлен лишь потребностями покупки лояльности граждан в преддверии голосования.

¹ Поправки в конституцию зацементируют положение России, заявил Песков // РИА Новости. – 2020. – 20 июня. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200620/1573236667.html> (дата посещения: 28.12.2021).

Но и после того, как конституционные поправки в июле 2020 г. были проведены в жизнь, политические стимулы Кремля были обусловлены тем, чтобы минимизировать потери для бюджета, с одной стороны, и избежать реализации непопулярных мер (таких, как локдауны и, позднее, – принудительная вакцинация граждан) – с другой. В целом действия руководства страны в ходе второй и последующих волн пандемии можно рассматривать как стремление переждать свалившиеся на них вследствие внешнего шока неприятности и переложить ответственность за многочисленные проблемы и провалы в противодействии пандемии на правительство, региональные власти и органы управления здравоохранением¹. При этом власти стремились обеспечить материальную поддержку граждан и бизнеса в ходе пандемии в минимальных дозах, перенеся центр своего внимания на поддержку крупных государственных предприятий [Застой..., 2021]. Иными словами, логика «приватизации выгод и национализации издержек», которыми российские власти и ранее руководствовались в процессе государственного управления [Гельман, 2019], оказалась важнейшим механизмом реакции на внешний шок. Российские граждане, видя подобный подход со стороны властей, реагировали на предпринимавшиеся ими ограничительные меры в лучшем случае безразлично (примером чему может служить практически повсеместное массовое несоблюдение масочного режима), а в худшем случае откровенно их игнорировали. В свою очередь, санкции за невыполнение этих норм по отношению к гражданам намеренно применялись правоохранительными органами крайне селективно, что лишний раз стимулировало к их несоблюдению. В результате в России возник своего рода «порочный круг», когда все новые ограничительные меры все в меньшей мере выполняли свои функции, и их запоздалое применение не достигало изначальных целей.

Сходным образом российские власти вели себя и в дальнейшем, когда оперативная разработка и опережающий запуск в про-

¹ Рустамова Ф., Перцев А. «Даже слово “карантин” стараются не употреблять». Как президент и правительство перекладывают друг на друга ответственность в борьбе с коронавирусом // Meduza.io*. – 2020. – 1 апреля. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/04/01/dazhe-slovo-karantin-starayutsya-ne-upotreblyat> (дата посещения: 28.12.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

изводство российских вакцин от коронавируса (прежде всего, «Спутник V») так и не стал средством снижения потерь жизней и здоровья россиян в ходе пандемии. На первый взгляд, этот опыт может рассматриваться как «история успеха» российских властей. В ее основе лежали персональные приоритеты высшего руководства страны, которое «поставило» на политически значимый проект и приняло на себя риски, связанные с его реализацией, а также энергия и инициатива руководителей проекта во главе с Александром Гинцбургом, которые выступили в роли предпринимателей, продвигающих новые начинания (policy entrepreneurs), и патронаж вакцинного проекта со стороны высшего политического руководства страны, позволивший создателям вакцины получить карт-бланш на реализацию своих начинаний. Наличие продвинутой технологической базы и квалифицированных кадров, необходимых для разработки и внедрения вакцины, были исключительно важными ингредиентами, но без приоритетов и патронажа руководства страны едва ли удалось бы обеспечить достаточную для реализации проекта в столь сжатые сроки концентрацию немалых материальных и финансовых ресурсов [Гельман, 2021]. Однако вакцинация в России разворачивалась крайне вяло, как в силу недоверия к новым вакцинам со стороны многих россиян, так и в силу отсутствия стимулирующих действий по вакцинации со стороны федеральных и региональных властей. Их усилия по вакцинации граждан по большей части ограничивались указаниями, спускавшимися на низовой уровень в рамках иерархии «вертикали власти», что влекло за собой массовые искажения отчетности со стороны руководителей нижнего звена. Лишь в некоторых регионах власти оказались в состоянии в целях повышения уровня вакцинации использовать дополнительные выплаты медицинскому персоналу (Белгородская область) и привитым гражданам (Москва). Тем не менее по состоянию на конец декабря 2021 г. доля полностью вакцинированных россиян едва превышала 45%¹, заметно уступая по этому показателю практически всем развитым и ряду развивающихся стран.

¹ Coronavirus (COVID-19) Vaccinations // The our world in data. – Mode of access: https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=OWID_WRL (accessed: 28.12.2021).

При этом производство и продвижение российских вакцин рассматривалось в Кремле прежде всего не как средство борьбы с пандемией как таковой, а как инструмент soft power на международной арене. Российские власти всячески стремились обменять поставки вакцин и / или их обещания на всевозможные выгоды для своей внешней политики на пространстве от Восточной Европы до Латинской Америки. Однако в ряде стран переговоры о поставке «Спутника V» сопровождались скандалами, заключенные от имени России договоры о поставках вакцины систематически не выполнялись, так что российские внешнеполитические успехи в связи с этим стоит охарактеризовать как сомнительные¹. В то же время переговоры о международном признании российской вакцины на уровне ВОЗ и регулирующих органов Европейского союза застопорились. В ответ на это российские власти, исходя из соображений поддержания международного статуса страны и из логики политики протекционизма, не давали согласия на то, чтобы использовать внутри России зарубежные вакцины иначе как на основе взаимного признания (нет оснований считать, что при принятии решений по этим вопросам всерьез принимались во внимание соображения сохранения здоровья россиян и / или их низкое доверие к отечественным вакцинам). В этом смысле можно предположить, что сравнительное преимущество России в плане производства собственных вакцин обернулось своей противоположностью: если бы страна вообще не стала производить свои суверенные вакцины в целях политически мотивированного экспорта, а обеспечила бы массовые прививки российских граждан вакцинами, купленными у зарубежных производителей, то, возможно, это оказалось бы полезнее для здоровья россиян. Так или иначе, шанс на конвертацию «истории успеха» «Спутника V» в реальные достижения страны оказался упущен.

Стимулы на макроуровне, связанные с приоритетами политического руководства страны, в ходе пандемии дополнялись институциональными стимулами на микроуровне, заданными для чиновников и руководителей медицинских учреждений в рамках

¹ Михлин-Шапир В., Хвостунова О. Взлет и падение «Спутника V»: Как Кремль использует вакцину от коронавируса как инструмент информационной войны, октябрь 2021. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1nTc7dDFOe0cEmiaSTAG5E0-Q-vt_RWw0/view (дата посещения: 28.12.2021).

системы общественного здравоохранения. Эти стимулы были обусловлены ключевыми характеристиками российского «зарегулированного государства» [Панеях, 2013]: сочетанием чрезвычайно высокой плотности и крайне низкого качества государственного регулирования и широкой дискрецией многочисленных контрольно-надзорных органов, заинтересованных в максимизации числа выявленных нарушений нормативных актов и соответствующих наказаниях подконтрольных им лиц и организаций. Эти тенденции оформились в российском государственном управлении задолго до пандемии, а в ее преддверии распространялись и на сферу здравоохранения, когда, например, в органах прокуратуры были созданы соответствующие подразделения, надзирающие за законностью в данной сфере и заинтересованные в выявлении нарушений со стороны поднадзорных им организаций. Неудивительно, что стимулы руководителей всех уровней (помимо извлечения ренты) включали в себя минимизацию рисков наказания за реальные или приписываемые им нарушения многочисленных и противоречивых правил и норм, а иерархия «вертикали власти» транслировала эти стимулы сверху вниз, усугубляя демонстрируемое руководством стремление уйти от ответственности за результаты действий по борьбе с пандемией¹. Предельно огрубляя: с точки зрения интересов всех акторов российского здравоохранения не вызывающая претензий со стороны контролеров отчетность и формальное соблюдение регулирующих норм оказались важнее [Novkunskaya, 2020, Chapter 2], нежели сохранение жизней и здоровья пациентов².

Наконец, важнейшие стимулы к поведению акторов задавали сформированные в России механизмы «информационной автократии» [Guriev, Treisman, 2019]. В этих условиях распространение нежелательной для властей информации о заболеваемости и

¹ Рустамова Ф., Перцев А. «Даже слово “карантин” стараются не употреблять». Как президент и правительство перекладывают друг на друга ответственность в борьбе с коронавирусом // Meduza.io.* – 2020. – 1 апреля. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/04/01/dazhe-slovo-karantin-starayutsya-ne-upotrebyat> (дата посещения: 28.12.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

² Сафонова К. «Мы все боимся – и руководство, и врачи» // Meduza.io.* – 2020. – 21 апреля. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/04/21/my-vse-boimsya-i-rukovodstvo-i-vrachi> (дата посещения: 28.12.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

смертности в результате пандемии не без оснований рассматривалось российскими властями как потенциальный источник угроз подрыва легитимности политического режима. Поэтому введение уголовной ответственности за распространение недостоверных сведений (*fake news*) о пандемии, запугивание персонала государственных учреждений и борьба с утечками сведений служили важнейшими инструментами российских властей для обеспечения контроля за ситуацией. Эти механизмы задавали сильные стимулы к систематическому и преднамеренному искажению информации со стороны глав регионов и муниципалитетов, главных врачей больниц и других должностных лиц. Таким образом, механизм обратной связи в процессе государственного управления в ходе пандемии оказался не просто выключен, а преднамеренно заблокирован, в то время как заведомо недостоверные сведения широко тиражировались в пропагандистских целях. Когда же недостоверность официальной статистики была разоблачена специалистами по анализу данных и предана огласке, в том числе и в зарубежных СМИ¹, этот факт вызвал бурное негодование российских властей, которые позднее оказались вынуждены задним числом корректировать официальные сведения. Стоит иметь в виду, что стремление пресечь распространение нежелательной информации не является чем-то новым: в позднем СССР, который во многом служит нормативным идеалом для нынешних российских руководителей [Гельман, 2019], сведения об эпидемиях и авариях, как правило, официально замалчивались вплоть до катастрофы на Чернобыльской АЭС, когда этот подход продемонстрировал свою неприемлемость [Плохий, 2021]. В свою очередь, официальная демографическая статистика в СССР и России также была подвержена цензуре и умолчаниям [Tolz, 2008], что также могло играть немалую роль в информационных манипуляциях в ходе пандемии.

Какие государственные акторы в России играли главную роль в борьбе с пандемией? Прежде всего следует отметить, что

¹ См.: Meyer H. Experts Question Russian Data on COVID-19 Death Toll // Bloomberg.com. – 2020. – 13 May. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-13/experts-question-russian-data-on-covid-19-death-toll> (accessed: 28.12.2021); Troianovski A. You Can't Trust Anyone: Russia's Hidden Covid Toll is an Open Secret // The New York Times. – 2021. – 10 April. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2021/04/10/world/europe/covid-russia-death.html> (accessed: 28.12.2021).

еще в начале первой волны заболеваний ответственность была переложена на региональные власти (которым были выделены дополнительные – хотя и явно недостаточные – денежные средства для решения этих задач). Во многом такое решение было оправданным: слишком разными оказались характер и масштаб тех проблем, с которыми в ходе столкнулись российские регионы¹. Но политические и институциональные стимулы, которые обусловили поведение региональных чиновников, во многом усугубляли многочисленные проблемы. Поэтому реакция на пандемию в регионах в лучшем случае была запоздалой и неполной, а в худшем – напоминала попытки «замести мусор под ковер» любой ценой². За исключением Москвы, располагавшей значительным объемом ресурсов и выступавшей приоритетной территорией борьбы с пандемией как в медицинском, так и в политическом отношении, большинство регионов в ходе пандемии по большей части репродуцировали тот же политический курс, который стремились проводить федеральные власти. Они не предпринимали проактивных мер самостоятельно, да и не имели такой возможности из-за ограниченности ресурсов и тех институциональных барьеров, которые были созданы в условиях «зарегулированного государства».

Примечательно, что на фоне регионализации противодействия COVID-19 на федеральном уровне роль координирующего ведомства по борьбе с пандемией в России оказалась возложена не на органы управления здравоохранением – такие, как Министерство здравоохранения или специализированные государственные агентства (как, например, THL в Финляндии), а на контрольно-надзорные органы. Эти функции выполняла Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). Данное ведомство, сформированное в 2000-е годы на основе «наследия» санэпидстанций советского периода и повысившее свой статус в 2012 г. в качестве отдельной

¹ Smyth R., Sharafutdinova G., Model T., Klein A. The Russian Power Vertical and the COVID-19 Challenge: The Trajectories of Regional Responses // PONARS Policy Memos. – 2020. – N 646. – Mode of access: <https://www.ponarseurasia.org/the-russian-power-vertical-and-the-covid-19-challenge-the-trajectories-of-regional-responses/> (accessed: 28.12.2021).

² Калашиников С. Липецкий губернатор попросил подчиненных поправить статистику по коронавирусу // Коммерсант. – 2020. – 25 мая. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4356084> (дата посещения: 28.12.2021).

службы в рамках правительства, – и ранее проявляло себя отнюдь не с лучшей стороны как контрольно-надзорный орган по сравнению с другими государственными регуляторами в России [Кучаков, 2020]. Приоритет контроля за соблюдением норм и правил над задачами противодействия COVID-19 во многом отражал подходы политического руководства России к реакции на внешний шок. Неудивительно, что роль Роспотребнадзора в борьбе с пандемией едва ли можно охарактеризовать как позитивную: это ведомство в основном регулировало процедуры и механизмы, создавая порой «узкие места» (как происходило с тестированием на коронавирус в начале первой волны пандемии), но оно объективно не могло, да и не было способно решать проблемы российского здравоохранения как такового. Скорее, его задачи суммировала вице-премьер правительства России Татьяна Голикова, которая напутствовала главу Роспотребнадзора Анну Попову словами «чтобы все было хорошо, и чтобы потом не было стыдно [перед начальством]»¹. В целом Роспотребнадзор вполне последовательно выполнял эти указания, внося значительный вклад в искажение статистики коронавируса и в пассивную и вялую реакцию властей в плане ограничительных мер. Такой подход был равнозначен тому, как если бы тушение пожара российские власти доверили не пожарникам с брандспойтами, а пожарным инспекторам, которые призваны следить за наличием огнетушителей.

Вместе с тем координация действий различных ведомств и выработка и реализация стратегии по борьбе с пандемией в России оказалась распределена между специально созданным оперативным штабом под руководством Голиковой, рабочей группой Госсовета под руководством мэра Москвы Сергея Собянина и собственно политическим руководством страны в лице Путина и Мишустина. В результате не только ответственность за борьбу с пандемией была «размазана» между различными политиками и чиновниками, но и в целом на федеральном уровне не нашлось тех людей, кто принял бы на себя фактическое руководство противодействием COVID-19 – подобно вице-премьеру советского прави-

¹ Барабанов И., Сошинков А., Рейтер С. Кто такая Анна Попова, возглавившая борьбу с коронавирусом в России // BBC Russian. – 2020. – 29 мая. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-52775158> (дата посещения: 28.12.2021).

тельства Борису Щербине, руководившему борьбой с чернобыльской катастрофой 1986 г. и внесшему немалый личный вклад в предотвращение и / или смягчение ее наиболее тяжелых последствий [Плохий, 2021]. Дефицит эффективного управленческого лидерства сам по себе отчасти выступал оборотной стороной «недостойного правления» в России и в обычных, рутинных условиях, но в ситуации вызванного пандемией внешнего шока он играл наиболее пагубную роль.

Насколько велики в ходе пандемии были политические риски для Кремля, связанные с вероятностью необратимого масштабного падения массовой поддержки Путина и российского режима в целом, а тем более с вероятностью массовых протестных выступлений? Ответ на этот вопрос мы, скорее всего, вряд ли узнаем, однако если вывести за скобки манипуляции в ходе подготовки и проведения голосования по поправкам в конституцию в ходе первой волны пандемии [Новая (не)легитимность..., 2020], то следует признать, что эти риски были не столь уж велики. С точки зрения массовой поддержки властей в ряде стран, предпринимавших решительные шаги по борьбе с пандемией вкупе с обширной финансовой поддержкой граждан и бизнеса, скорее, напротив, отмечался краткосрочный всплеск популярности правительства, обусловленный феноменом «сплочения вокруг флага» (хотя в ряде демократий избиратели на очередных выборах и наказывали правительства, неудачно проявившие себя в противодействии COVID-19). Однако в России спад популярности Путина в ходе первой волны пандемии, отмечавшийся по данным массовых опросов, носил краткосрочный характер. Сам по себе он отнюдь не был критическим с точки зрения поддержания политического статус-кво¹. Более того, можно предположить, что более значительные меры социальной поддержки граждан, с одной стороны, и более активная политика властей по противодействию COVID-19 (особенно после начала вакцинации россиян), скорее всего, сделали бы этот спад менее ощутимым. Вместе с тем помимо отдельных проявлений, вызванных локальными причинами, серьезных публичных выступ-

¹ Zavadskaya M., Sokolov B. The Linkages between Experiencing COVID-19 and Levels of Political Support in Russia // PONARS Policy Memos. – 2020. – N 677. – Mode of access: <https://www.ponarseurasia.org/linkages-between-experiencing-covid-19-and-levels-of-political-support-in-russia/> (accessed: 28.12.2021).

лений, вызванных собственно последствиями внешнего шока, в ходе пандемии в России не отмечалось – массовые протесты в 2020–2021 гг. были вызваны совершенно иными причинами. Слабость массовой мобилизации в России в этот период отмечалась отнюдь не только из-за угроз репрессий со стороны властей. Проведенные ранее исследования свидетельствуют, что в российском авторитарном контексте кризисы и сопутствующий им спад реальных доходов скорее способствует снижению протестных настроений: такие настроения острее проявляются не в периоды наиболее тяжелых кризисов, а, напротив, тогда, когда намечается некоторое ослабление кризисных явлений на фоне более позитивных ожиданий будущего [Семенов, 2020].

Так или иначе, сочетание приоритетов политического руководства страны, с одной стороны, и неэффективных институтов и задаваемых ими стимулов – с другой, оказало серьезное негативное воздействие на реакцию России на внешние шоки. Российские власти действовали в ходе пандемии весьма вяло, и как минимум упустили многие возможности для более успешного противодействия COVID-19.

Уроки российской пандемии: внешние шоки, стрессоустойчивость и инволюция

Реакция российских властей на пандемию COVID-19 может служить наглядным проявлением адаптивной стрессоустойчивости к внешнему шоку, которая была обусловлена не только и не столько объективно сложившимися структурными условиями, сколько тем выбором, который сделало политическое руководство страны. Ценой тяжелых потерь для российских граждан (и, в меньшей мере, для экономики страны) российские власти в ходе пандемии смогли добиться своих основных целей – им удалось сохранить и приумножить свою политическую власть, не допустив утраты своего контроля над ситуацией в России, и при этом не слишком растеряв свои ресурсы, как финансовые, так и политические. Такая консервативная реакция властей на внешний шок не предполагала ни мер по снижению уязвимости страны к новым внешним шокам (проактивная стрессоустойчивость), ни тем более каких-либо изменений в российском государственном управлении, направлен-

ном на повышение его эффективности (трансформативная стрессоустойчивость): эти решения заведомо и сознательно оказались исключены Кремлем из меню опций для страны. Подобный вариант консервативной адаптации к последствиям внешних шоков выступает частным случаем процесса инволюции – т.е. своего рода защитного «сворачивания внутрь» всех ранее существовавших институтов и практик, призванного не допустить кардинальных перемен прежнего порядка или, по крайней мере, минимизировать эффекты этих перемен.

Социолог Майкл Буравой, анализировавший российскую реакцию на рыночные реформы 1990-х годов и непосредственно наблюдавший ее на низовом уровне в российской провинции [Bura-woy, 1996, 2001], рассматривал инволюцию как основной способ адаптации российского общества к трудностям перехода к новым экономическим условиям. В результате, по его мнению, вместо трансформации экономики и общества России в условиях переходного периода происходила консервация многих прежних и усугубление новых патологий. И, хотя многие оценки Буравого были как минимум спорными, а ряд описанных им противоречий и проблем рыночных преобразований со временем утратили актуальность для России, эти наблюдения имеют смысл при анализе российской реакции на внешние шоки в более широком контексте.

Почему инволюция, как свидетельствует опыт пандемии, оказывается главным, если не единственным принципом российской стрессоустойчивости, а любые иные варианты реакции на внешние шоки заведомо остаются за пределами повестки дня? Разумеется, интересы как правящих групп, так и иных акторов, стремящихся не допустить ухудшения собственного положения в краткосрочной перспективе, играют огромную роль в выборе подобных стратегий в условиях «недостойного правления» с обусловленными им институтами и стимулами. Но важно также и стремление акторов избегать рисков в условиях высокой неопределенности [Канеман, Словик, Тверски, 2005], помноженное на житейский опыт прежних разочарований после ряда попыток трансформативных реакций на внешние шоки в конце 1980-х годов [Гайдар, 2006] и особенно в 1990-е годы. Если исходить из этих соображений, то трудно не согласиться с мнением экономических экспертов о том, что реакция России на возможные внешние шоки, способные вызвать глубокий и длительный застой в

российской экономике, вероятнее всего будет носить сходный характер инволюции [Застой..., 2021]. Проблема состоит в том, что инволюция сама по себе не только не способна решить социально-экономические проблемы, столь остро проявляющиеся в ходе внешних шоков, но лишь усугубляет их, отодвигая на будущее многие решения, которые со временем могут стать все более болезненными. А это означает, что и без того невысокий потенциал проактивной и трансформативной стрессоустойчивости скорее всего будет снижаться и далее, делая Россию все более уязвимой по отношению к новым (и, вероятно, иным, нежели пандемия) внешним шокам.

Следует ожидать, что проблемы низкого качества государственного управления в России скорее всего после пандемии не только никуда не денутся, а лишь будут углубляться и далее. И помимо непосредственных потерь, которые понесли многие россияне (не только те, кто лично столкнулся с COVID-19) в результате реакции российского государства на вызванные пандемией внешние шоки, не менее важны долгосрочные потери и их последствия. Рано или поздно и тем, кто управляет Россией сегодня, и тем, кто будет управлять страной завтра, как и большинству российских граждан, придется расплачиваться по счетам, выписанным в период внешнего шока.

V.Ya. Gel'man*
Bad Governance under Exogenous Shock:
The Case of COVID-19 Pandemic

Abstract. Although COVID-19 pandemic is far from its ending, and it is too early to draw even tentative conclusions regarding its effects, judging by excessive mortality of Russian citizens, one may argue that Russia responded to pandemic much worse than most of developed countries – by the end of 2021, the number of victims exceeded 1 million persons. This outcome resulted from numerous factors, including insufficient funding of public health and ineffectiveness of health policy in Russia during the entire post-Soviet period. However, pernicious effects of bad governance – a politico-economic order, which is aimed at rent-seeking as the major goal of governing Russia – played a major role in devastating outcomes of pandemic. Bad governance

* **Gel'man Vladimir**, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia); University of Helsinki (Helsinki, Finland), e-mail: vgelman@eu.spb.ru; vladimir.gelman@helsinki.fi

contributed to a poor quality of governance in Russia, according to evaluations of several international agencies. It emerged and consolidated in Russia in the early twenty-first century due to many actions of political leadership. Against this background, the pandemic became an exogenous shock, which aggravated numerous previous vices of bad governance in Russia. The article is focused on the impact of mechanisms of governing the Russian state, their incentives for various actors, and effects of political and policy decisions of Russian authorities from the viewpoint of consequences of pandemic for Russia and its citizens.

Keywords: exogenous shock; resilience; Russia; bad governance; COVID-19 pandemic.

For citation: Gel'man V.Ya. Bad governance under exogenous shock: The case of COVID-19 pandemic. *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 34–52. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.02>

References

- Arkturk S., Lika I. Varieties of resilience and side effects of disobedience: cross-national patterns of survival during the coronavirus pandemic. *Problems of Post-Communism*. 2022, Vol. 69, N 1, P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1894405>
- Boin A., McConnell A., Hart P. *Governing the pandemic: the politics of navigating a mega-crisis*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021, 130 p.
- Burawoy M. The state and economic involution: Russia through a Chinese lens. *World development*. 1996, Vol. 24, N 6, P. 1105–1117. DOI: [https://doi.org/10.1016/0305-750x\(96\)00022-8](https://doi.org/10.1016/0305-750x(96)00022-8)
- Burawoy M. Transition without transformation: Russia's involutionary road to capitalism. *East European politics and societies*. 2001, Vol. 15, N 2, P. 269–290. DOI: <https://doi.org/10.1177/088832501766276407>
- Gaidar Ye. *Collapse of an Empire: lessons for modern Russia*. Moscow: ROSSPEN, 2006, 448 p. (In Russ.)
- Gel'man V. *Bad governance: politics in contemporary Russia*. St. Petersburg: European university at St. Petersburg press, 2019, 254 p. (In Russ.)
- Guriev S., Treisman D. Informational autocrats. *Journal of economic perspectives*. 2019, Vol. 33, N 4, P. 100–127.
- Kahneman D. Slovik P., Tversky A. *Judgement under uncertainty: heuristics and biases*. Kharkiv: Gumanitarnyi tsentr, 2005, 632 p. (In Russ.)
- Kuchakov R. *Reforming of state control and supervision activities in Russia in 2016–2019: tentative results*. St. Petersburg: Institute for the rule of law, European university at St. Petersburg, 2020, 12 p. (In Russ.)
- Laruelle M., Alexseev M., Buckley S., Clem R.S., Goode J.P., Gomza I., Hale H.E., Herron S., Makarychev A., McCann M., Omelicheva M., Sharafutdinova G., Smyth R., Sokhey S.W., Troitskiy M., Tucker J., Twigg J., Wishnik E. Pandemic politics in Eurasia: roadmap for a new research subfield. *Problems of Post-Communism*. 2021, Vol. 68, N 1, P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1812404>

- Linkov I., Keenan J.M., Trump B.D. (eds). *COVID-19: Systemic risk and resilience.* Cham: Springer, 2021, 440 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-71587-8>
- Linz J.J. *The breakdown of democratic regimes: crisis, breakdown, and re-equilibration.* Baltimore: Johns Hopkins university press, 1978, 144 p.
- Novkunskaya A. *Professionalism, agency, and institutional change: case of maternity services in small-town Russia.* PhD dissertation, University of Helsinki, 2020, 182 p.
- Obrist B., Pfeifer C., Henley R. Multi-layered social resilience: a new approach in mitigation research. *Progress in development studies.* 2010, Vol. 10, N 4, P. 283–293. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F146499340901000402>
- Paneyakh E. The Overregulated State. *Pro et Contra.* 2013, Vol. 17, N 1–2, P. 58–92. (In Russ.)
- Plohy S. *Chernobyl: the history of a nuclear catastrophe.* Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2021, 480 p. (In Russ.)
- Rogov K. (ed.). *New (il)legitimacy. How rewriting of the Russian constitution occurs and what it brought to Russia.* Moscow: Liberal mission foundation, 2020, 82 p. (In Russ.)
- Rogov K. (ed.). *Stagnation-2: consequences, risks, and alternatives for the Russian economy.* Moscow: Liberal mission foundation, 2021, 80 p. (In Russ.)
- Rosenfeld R. Studying crime trends: normal science and exogenous shocks. *Criminology.* 2018, Vol. 56, N 1, P. 5–26. DOI: <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12170>
- Semenov A. An uneven rhythm: the dynamics of willingness to economic protests in Russia (1996–2019). *Economic sociology.* 2020, Vol. 21, N 4, P. 107–124 (In Russ.)
- Taleb N. *Black swan: the impact of highly improbable.* Moscow: KoLibri, 2020, 736 p. (In Russ.)
- Thoren H., Olsson L. Is resilience a normative concept? *Resilience: international policies, practices, and discourses.* 2018, Vol. 6, N 2, P. 112–128. DOI: <https://doi.org/10.1080/21693293.2017.1406842>
- Tolz M. Population trends in the Russian Federation: reflection on the legacy of Soviet Censorship and distortion of demographic statistics. *Eurasian geography and economics.* 2008, Vol. 49, N 1, P. 87–98. DOI: <https://doi.org/10.2747/1539-7216.49.87>
- Ungar M. Systemic resilience: principles and processes for a science of change in context of adversity. *Ecology and society.* 2018, Vol. 23, N 4. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-10385-230434>

Литература на русском языке

- Гайдар Е. Гибель империи: уроки для современной России. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
- Гельман В. «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 254 с.
- Застой-2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики / под ред. К. Рогова. – М.: Либеральная миссия, 2021. – 80 с.
- Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. – Харьков: Гуманитарный центр, 2005. – 632 с.

- Кучаков Р.К.* Реформа контрольно-надзорной деятельности России в 2016–2019 гг. Промежуточные итоги / под ред. Д.А. Скугаревского. – СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2020. – (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения; вып. 4 (2020)). – 12 с.
- Новая (не)легитимность: Как проходило и что принесло России переписывание конституции / под ред. К. Рогова. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. – 82 с.
- Панеях Э.* Зарегулированное государство // *Pro et Contra*. – 2013. – Т. 17, № 1–2. – С. 58–92.
- Плохий С.* Чернобыль: история ядерной катастрофы. – М.: Новое издательство, 2021. – 480 с.
- Семенов А.* Неровный ритм: динамика готовности к экономическим протестам в России (1996–2019) // Экономическая социология. – 2020. – Т. 21, № 4. – С. 107–124.
- Талеб Н.* Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, 2020. – 736 с.

К. МИКЛОШИ*

**СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД КРИЗИСА:
СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ¹**

Аннотация. В статье анализируются стратегии политических элит ряда стран Восточной Европы, которые позволили им в период кризиса пандемии не только сохранить власть, но и расширить применение авторитарных практик посредством ослабления внешнеполитического давления со стороны Брюсселя. Используя кейс Венгрии как основу для эмпирического анализа, автор показывает, как кризис расширил возможности для властующих элит укрепить свое господство. Ограничительные меры, введенные западными странами в борьбе с пандемией, венгерские власти использовали как оправдание для очередной попытки снизить политическую конкуренцию и ограничить гражданские свободы. Однако главным итогом политического развития в период кризиса пандемии в Венгрии можно назвать не столько явный подрыв демократии и верховенства права, сколько очередной раунд национализации ряда экономических предприятий, попавших под контроль властующих элит. Это укрепило экономический фундамент автократии в современной Венгрии и сделало режим более автономным по отношению к давлению ЕС. Автор утверждает, что автократизация Венгрии в условиях пандемии основывается на успешном применении элитами стратегии маневрирования. Выбор в пользу применения этой стратегии, в свою очередь, обусловлен историческим наследием. Венгрия впервые применила стратегию маневрирования в период коммунистического правления для отражения давления со стороны Москвы. Два важнейших фактора – темпоральность и пространственность – являются ключевыми для понимания причин стабильности текущего политического режима в Венгрии. Фактор темпоральности проявляется в том, что венгерская элита на современном этапе реанимирует арсенал стратегий, уже

* **Миклоши Каталин**, Александровский институт, Университет Хельсинки (Хельсинки, Финляндия), e-mail: katalin.miklossy@helsinki.fi

© Миклоши К., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.02.03

¹ Научный редактор перевода: д-р полит. наук С.Н. Шкель.

показавших свою эффективность в советский период. Фактор пространственности обеспечивает обмен идеями между лидерами восточноевропейских стран – членов ЕС. Таким образом, «обучение» и успешное применение стратегий, укрепляющих авторитарные тенденции в современной Венгрии, имеет как историческое (temporальное), так и пространственное измерения.

Ключевые слова: стрессоустойчивость; авторитаризм; кризис; политические стратегии; Европа; Венгрия.

Для цитирования: Миклоши К. Стрессоустойчивость и политическое развитие Европы в период кризиса: случай Венгрии // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 53–73. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.03>

Введение: исследование стрессоустойчивости

Борьба с эпидемией COVID-19 заставила многие западные государства применить ограничительные меры, которые по многим параметрам противоречат либерально-демократическим ценностям. В стремительно меняющейся кризисной ситуации граждане довольно быстро приняли новую реальность. Люди приняли новую риторику правительственные чиновников, которые в своих речах стали выражать гражданам недоверие и подвергать сомнению их способность ответственно вести себя в условиях пандемии. Несмотря на то что большинство жителей в странах ЕС были воспитаны в условиях демократии и жили в *открытых обществах*, в условиях кризиса они поддержали авторитарных лидеров и безропотно подчинились им. Это произошло несмотря на то что эти лидеры принимали решения, которые существенно ограничили конституционные права граждан, а также их гражданские и экономические свободы. Процесс принятия решений стал заметно менее прозрачным, но люди приняли этот факт. На фоне негативных последствий кризиса политики стали разговаривать с гражданами как с детьми, постоянно подчеркивая, что серьезность ситуации требует принятия быстрых решений. Всякий раз новые меры политического принуждения оправдывались чрезвычайной ситуацией, и эти объяснения находили поддержку большинства населения.

Ключевое для данного исследования понятие «стрессоустойчивость» в научной литературе имеет два фундаментально различных определения. Согласно типологии, представленной Л. Оллсон с соавторами [Olsson et al., 2015], концептуально стрессоустойчивость можно рассматривать либо как «способность сис-

темы справляться со стрессом и восстанавливаться», либо как способность системы «восстанавливаться и трансформироваться». Первое определение в большей степени свойственно либерально-демократическим политическим режимам, в то время как второе – недемократическим режимам. В основе либеральных демократий лежит система прочных и довольно жестких институтов. Это делает их устойчивыми, поскольку наделяет такие режимы способностью подавлять беспорядки и противостоять крупным изменениям в ядре системы [Walker et al., 2006; Boese et al., 2021]. Однако преимуществом недемократических систем является иной тип стрессоустойчивости, при котором «восстановление» и защита основных структур и ценностей системы зависят от способности режима к преобразованию [Obrist, Pfeifer, 2010; Folke et al., 2010]. Разница между этими двумя типами стрессоустойчивости заключается в том, что второй из них предлагает более широкий спектр возможностей для выживания, потому что структура институтов в недемократической системе менее жесткая. Они могут меняться и быстро адаптироваться к новым условиям среды. В сравнении с либеральными демократиями в недемократических режимах спектр ответов на вызовы более широк и менее ограничен рутинными правилами и институтами. Постоянная потребность в гибкости делает такие режимы сравнительно более инновационными и изменчивыми, чем это позволяет или даже требует прочная основа либеральных демократий.

Авторитарные тенденции в политическом развитии ряда восточных стран – членов Евросоюза давно замечены и активно изучаются социальными учеными и экспертами. Эти тенденции не могут не вызывать беспокойства: подрыв верховенства права, рост коррупции, расширение государственных функций, чрезмерная концентрация власти в одних руках, ограничения гражданских свобод и другие элементы автократизации, наблюдавшиеся в таких странах, как Венгрия или Польша, ставят под угрозу общие ценности ЕС и подрывают его стабильность. Западные страны – члены ЕС жестко критикуют внутреннюю политику этих государств и пытаются усилить давление на их правительства. Хотя конфликт внутри ЕС начался несколько лет назад, современный глобальный кризис пандемии придал ему новый импульс и существенно изменил позиции противостоящих сторон. Внутренний конфликт в ЕС наложился на внешний кризис пандемии, общий для всех стран.

Это углубило противоречия между членами ЕС, одновременно актуализировав проблему их взаимодействия в ситуации множественных экзогенных шоков.

Целью данной статьи является анализ отношений между западными и восточными членами ЕС в период кризиса пандемии. Утверждается, что западные и восточные члены ЕС имеют разные типы стрессоустойчивости, что обусловлено различиями их политических режимов. Западные члены ЕС – это либеральные демократии с жестким типом стрессоустойчивости. Восточные члены ЕС далеки от идеала либеральных демократий и имеют мягкий тип стрессоустойчивости. В статье продемонстрировано, как взаимодействие и конфликт между разными типами режимов внутри ЕС не ослабили, а напротив, усилили авторитарные тенденции в Венгрии. Более того, несмотря на то что пандемия одновременно вызвала кризисы схожего типа по всему миру, она в разной степени повлияла на разные режимы. Главный аргумент состоит в том, что эффективность политического выживания элит в современной Венгрии обусловлена двумя факторами: 1) историческим наследием (фактор темпоральности) и 2) сотрудничеством авторитарных элит из разных стран ЕС (фактор пространственного воздействия). Центральный вопрос исследования следующий: как политики использовали кризис, чтобы усилить контроль над обществом? Чтобы ответить на этот вопрос, исследуется *природа кризисов*, тесно связанная с политическими стратегиями и антикризисными мерами, которые, в свою очередь, обусловлены историческими традициями и предшествующим опытом.

В этой статье анализируется случай Венгрии по двум причинам. Во-первых, Венгрия является одной из первых стран ЕС, которая стала демонстрировать тренд автократизации. Первые признаки эрозии верховенства права в этой стране проявились уже более десяти лет назад. Примечательно, что долгое время ситуация в Венгрии оставалась без внимания со стороны западных стран – членов ЕС. Затем по стопам Венгрии пошли Польша, Словения и Болгария. Во-вторых, случай Венгрии позволяет исследовать вопрос о выборе политическими элитами стратегий в условиях кризиса в расширительной ретроспективе. Так, режим Яноша Кадара в коммунистическую эпоху также был образцом стратегии маневрирования (так называемой стратегии *танцев на канате*). В то время с ее помощью режим Я. Кадара успешно решил сразу

две задачи: с одной стороны, он нейтрализовал внешнее давление Москвы, с другой – защитил национальные интересы Венгрии. Другими словами, кейс Венгрии позволяет выявить роль исторических традиций и оценить влияние прошлого опыта на стратегии, используемые элитами для сохранения стрессоустойчивости системы в условиях новых кризисных вызовов.

COVID-маневры: Закон о полномочиях для антикризисного управления

С начала глобальной пандемии многие западные страны, которые ранее критиковали Венгрию за ограничение гражданских прав, сами начали применять более централизованные методы управления, ограничивающие свободы граждан. Правительство Венгрии использовало это для оправдания новых решений, направленных на укрепление авторитаризма в стране. Руководство Венгрии ссылалось на то, что западные страны первыми начали применять подобные практики, а Венгрия лишь следует их примеру. Были и другие факторы, которые способствовали новой волне автократизации.

Введение новых способов «антикризисного управления» и ограничение гражданских свобод требовало предварительной подготовки общества к принятию этих чрезвычайных мер. Глобальный кризис пандемии облегчил выполнение этой задачи. Публикация сводок о смертности в ходе пандемии сделала людей более чувствительными к централизованному распределению информации через официальные СМИ. В результате их влияние на общественное мнение резко возросло. Официальные СМИ подчеркивали, что болезнь занесли из-за границы иностранцы. Такая расстановка акцентов позволила им убедить большинство граждан в том, что пандемия – это прежде всего внешняя угроза. Так получилось, что первыми зарегистрированными заболевшими в Венгрии стали иранские студенты. Эта деталь помогла венгерским властям в проведении политики по ограничению миграции с Ближнего Востока и Африки. Правительство закрыло внешние границы, заявив, что выходцы из стран Азии, Африки и Ближнего Востока являются разносчиками заразы. Кроме того, правительство отказалось от

транзитных зон¹, т.е. каналов въезда беженцев. Ранее западные страны ЕС критиковали Венгрию за создание транзитных зон и требовали от нее либерализации миграционной политики. На деле же правительство Венгрии не закрыло, а перенесло транзитные зоны в посольства других стран. Таким образом, решение закрыть транзитные зоны шло вразрез с требованиями ЕС: теперь беженцы должны были обращаться за убежищем в венгерские посольства далеко за рубежом, что скорее усугубляло проблемы беженцев, а не вело к либерализации политики в сфере миграции.

Все это является хрестоматийными примерами того, что Копенгагенская школа назвала в конце 1990-х годов «секьюритизацией». Согласно данной концепции, разработанной в основополагающей работе Б. Бьюзена, О. Уивера и Я. Вильде [Buzan, Wæver, Wilde, 1998], кризисная риторика всегда является мощным политическим инструментом, с помощью которого политики используют неуверенность людей в своих интересах. С начала пандемии «секьюритизация» проявилась почти во всех странах мира, и Венгрия не стала исключением.

Началом венгерского антикризисного управления можно считать «Закон о полномочиях»², принятый парламентом в конце марта 2020 г. Правящая партия «Фидес» имеет квалифицированное парламентское большинство в две трети голосов, поэтому законотворческий процесс находится под надежным контролем властей. Новый закон не имел никаких четко прописанных хронологических ограничений. Указывалось, что он должен действовать до тех пор, пока будет продолжаться «кризис и его последствия». Другими словами, отмена закона в полной мере зависела от оценки ситуации правительством. Закон «развязал руки» правительству, расширив его полномочия по изменению законодательства.

Неудивительно, что власти сразу воспользовались этим. Они не только запретили проведение собраний, митингов и выборов, но и внесли поправки в Уголовный кодекс. Согласно новым законо-

¹ Zubor Z. A tranzitzónák bezárása után is bizonytalan a menedékkérők helyzete Magyarországon // Átlátszó. – 2020. – May. – Mode of access: <https://atlatszo.hu/kozpenz/2020/05/26/a-tranzitzonak-bezarasa-utan-is-bizonytalan-a-menedekkerok-helyzete-magyarorszagon/> (accessed: 26.02.2022).

² 2020. évi XII. törvény a koronavírus elleni védekezésről, Hatályos Jogszabályok // Wolters Kluwer. – 2020. – Mode of access: <https://net.jogtar.hu/jogsabaly?docid=A2000012.TV> (accessed: 26.02.2022).

дательным нормам, слухи и дезинформация о кризисе пандемии влекут за собой наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Следует отметить, что указанные поправки вносились в период, когда суды не работали из-за принятых ранее ограничений на проведение собраний и массовых мероприятий. Введение этих норм вернуло воспоминания о коммунистической самоцензуре. При этом под угрозой уголовного преследования за дезинформацию оказались не только представители СМИ, но и обычные граждане.

К середине мая 2020 г. стало очевидно, что принятые поправки в Уголовный кодекс нанесли удар по гражданскому обществу, независимым органам местного самоуправления, работникам здравоохранения и даже обычным гражданам, обсуждающим социальные проблемы в социальных сетях. Оказалось, что голоса несогласных можно заглушить посредством изменения законодательных норм, повысив для граждан цену публичной критики правительства.

Между тем само принятие «Закона о полномочиях» не было столь необходимым, потому что нормы, регламентирующие чрезвычайное положение, уже прописаны в Конституции Венгрии и других венгерских законах¹. Кроме того, на старте пандемии в начале марта 2020 г. венгерское правительство не нуждалось в дополнительных мерах по борьбе с COVID-19. У правящей партии «Фидес» было парламентское большинство в две трети мест, а потому парламент или другие институты политической системы никак не ограничивали деятельность правительства. В такой ситуации руководство Венгрии имело настолько широкие полномочия, что даже могло при желании принять новую Конституцию. И все же партия «Фидес» не упустила шанса, чтобы принять «Закон о полномочиях». Возникает вопрос: зачем это нужно было делать? Принятие этого закона кажется тем более странным, что премьер-министр Виктор Орбан сразу же заявил, что действовать он будет недолго и будет отменен уже в июне 2020 г.²

¹ Szitás K. Nem jelenti a kritika hiányát. Political capital. – 2020. – March. – Mode of access: https://www.politicalcapital.hu/hirek.php?article_read=1&article_id=2510 (accessed: 26.02.2022).

² Orbán Viktor. We could return special mandate to the Parliament at the end of May // Government, The Prime Minister website. – 2020. – May. – Mode of access: <https://2015-2019.kormany.hu/en/the-prime-minister/news/we-could-return-special-mandate-to-parliament-at-the-end-of-may> (accessed: 26.02.2022).

Трюк фокусника

Ответ на этот вопрос кроется в том, что можно определить как «трюк фокусника». Имеется в виду довольно распространенный трюк, когда фокусник отвлекает внимание зрителей с помощью одной руки, в то время как совершают трюк другой. В случае с Венгрией власти отвлекали внимание с помощью дискурса секьюритизации – «Закона о полномочиях». Этот закон вызвал новую волну критики Венгрии со стороны западных стран ЕС¹. Но на самом деле он лишь отвлекал внимание от других новаций венгерских властей. В то время как «Закон о полномочиях» стал главным объектом критики в европейских либеральных кругах, правительство Венгрии приняло ряд решений в сфере, за которой никто не следил. Этой сферой была экономика.

Венгерское правительство заявило, что для борьбы с пандемией актуальным вопросом становится управление стратегически важными предприятиями. После этого последовала волна национализации многих из них. Некоторые были просто захвачены государством². Всего весной 2020 г. было национализировано более 100 предприятий³. Правительство также создало специальные экономические зоны, в которых налоги и сборы были переданы из под юрисдикции местных органов власти в более крупные территориальные единицы под централизованным контролем государства⁴. Нельзя не обратить внимание на то, что подобная стратегия сильно напоминает китайский стиль экономического управления.

¹ Hungary is no longer a democracy,’ says Hungarian legal scholar // – 2020. – May. – Mode of access: <https://www.dw.com/en/hungary-is-no-longer-a-democracy-says-hungarian-legal-scholar/a-53442394> (accessed: 26.02.2022).

² Domány András. Azonnali hatállyal állami felügyelet alá vonták a Kartonpack // HVG. – 17.4. 2020. – Mode of access: https://hvg.hu/gazdasag/20200417_AzonNALI_hatallYAL_allAMI_felugyelet_ala_vontak_a_Kartonpackot?fbclid=IwAR0ZLXAAAsv9fkpT7TIvA6fNfeyJ4AQGG68GtQL6hYina5VWw4z8GHhFZY (accessed: 26.02.2022).

³ Coronavirus: military taskforces to oversee more strategic companies // Hungary Today (HT). – 17.04.2020. – Mode of access: <https://hungarytoday.hu/coronavirus-hungary-companies-military-taskforces/> (accessed: 26.02.2022).

⁴ Rogán Antal. Another 2,700 jobs to come into being at Samsung plant in Göd // Cabinet Office of the Prime Minister. – 22.4.2020. – Mode of access: <https://2015-2019.kormany.hu/en/cabinet-office-of-the-prime-minister/news/another-2-700-jobs-to-come-into-being-at-samsung-plant-in-god> (accessed: 26.02.2022).

Кроме того, в ответ на рост электоральной поддержки оппозиции по итогам муниципальных выборов 2019 г.¹ власти, снова ссылаясь на чрезвычайные кризисные условия, изъяли у муниципалитетов основные источники доходов, а также различные формы местных налогов².

Схожие тенденции наблюдались на рынке массмедиа, где более 500 компаний были интегрированы в единый государственный медиахолдинг³. Все это является не просто демонстративным ограничением свободы рынка и честной экономической конкуренции, а представляет собой трансформацию рынка СМИ и получение авторитарного контроля над ними. После этих изменений сектор независимых СМИ существенно сократился. Вместе с упомянутым выше изменением уголовного кодекса в части статей о наказании за «дезинформацию» все это привело к усилению эффекта самоцензуры в обществе и ускорило авторитарную консолидацию.

Изменения в структуре СМИ привели к росту популярности правящей партии «Фидес»,⁴ которая рапортует через официальные медиа о своих успехах в борьбе с пандемией. В условиях усиливающейся монополизации рынка СМИ убедить в этом граждан становится не очень трудным. Подобного рода *секьюритизация*, однако, не была необходима в сфере внутренней политики, потому что основные «карты фокусника» уже были на столе. Налицо факт, что правящая элита и без нового закона уже имела настолько широкие полномочия, что он фактически ничего принципиально не поменял. Принятие закона нельзя объяснить намерениями властей обеспечить себе народную поддержку: правительство не имеет с

¹ Helyi önkormányzati választások 2019 // Nemzeti Választási Iroda. – 13.10.2019. – Mode of access: <https://www.valasztas.hu/helyi-onkormanyzati-valasztasok-2019> (accessed: 26.02.2022).

² Szlavkovits Rita. Trükköznék és kétségbe esnek: heteken belül elindulhat az önkormányzati csôdhullám // HVG. – 25.4.2020. – Mode of access: https://hvg.hu/gazdasag/20200425_onkormanyzat_jarvany_koronavirus_orban_allam_t_amogatas_koltsegvetes (accessed: 26.02.2022).

³ Vass Ábrahám. Former Ambassador to US Takes over Pro-Fidesz Media Holding // Hungary Today. – 16.4.2020. – Mode of access: <https://hungarytoday.hu/former-ambassador-us-take-over-pro-fidesz-media-holding/> (accessed: 26.02.2022).

⁴ Tartja megnevezkedett népszerűségét a Fidesz.” Közvéleménykutatás // Nézőpont. – 12.5.2020. – Mode of access: <https://nezopont.hu/tartja-megnevezkedett-nepszeruseget-a-fidesz/> (accessed: 26.02.2022).

этим проблемам, поскольку правящая партия «Фидес» с 2010 г. уверенно выигрывает на выборах. Можно заключить, что народ Венгрии был консолидирован вокруг сильного лидера и до кризиса, и сами последствия пандемии не оказали негативного влияния на легитимность режима. Однако секьюритизация была очень полезным инструментом для отвлечения международного внимания от реальной цели венгерских властей.

Заново изобретенный фокус

Тем не менее власти Венгрии могут столкнуться с новым вызовом: весной 2022 г. состоятся парламентские выборы. С одной стороны, вакцинация и нормализация эпидемиологической ситуации сокращают возможности для использования кризиса в политических целях. Успехи в борьбе с пандемией не позволяют элитам использовать кризисный режим как действенное политическое средство секьюритизации. При этом чем дольше длится эпидемия и чем больше венгров умирает из-за перегруженной, некачественной и недофинансированной системы здравоохранения, тем больше растет недовольство граждан, что может иметь негативные последствия для электоральной поддержки власти.

Однако, как показывает пример Венгрии, новые волны и новые мутации вируса позволяют извлечь выгоду, если текущий кризис намеренно усугубить. Так произошло трижды в 2021 г., когда правительство, опираясь на сверхбольшинство в парламенте, принимало решение о продлении «чрезвычайного положения». В этот период был установлен особый правовой порядок, при котором правительство имеет право приостанавливать или отменять действия законов, а также оперативно принимать решения вне демократических процедур обсуждения посредством парламентских актов¹. Хотя изначально такое положение продлевалось только на три месяца, фактически оно продлилось дольше и завершилось лишь 15 октября, поскольку в летние месяцы парламент не заседал

¹ Lomnici Zoltán. A veszélyhelyzet meghosszabbítása a kormány gyorsreagálású képességét erősíti // Alaptörvény. – 29.09.2021. – Mode of access: https://alaptorvenyblog.hu/a_veszelyhelyzet_meghosszabbitasa_a_kormany_gyorsreasu_kepesseget_erositi.html (accessed: 26.02.2022).

из-за каникул¹. 21 сентября «чрезвычайное положение» было продлено до 1 января 2022 г.², а 30 ноября 2021 г. правительство распорядилось продлить его до 1 июня 2022 г.³

Между тем в мае 2022 г. должны пройти очередные парламентские выборы. Правительство пообещало, что продление «чрезвычайного положения» не приведет к их отсрочке. Тем не менее у властей сохраняются возможности повлиять на прозрачность и конкурентность избирательной кампании, ограничив права граждан на проведение собраний. Игра со временем – центральный инструмент в этой «пьесе». «Чрезвычайное положение» длилось практически весь 2021 год, и правительство оправдывало им попранье основных принципов верховенства права. Властвующие элиты регулярно, каждые три месяца использовали тему кризиса пандемии, чтобы оправдать очередные решения, направленные против гражданских свобод.

С помощью регулярного продления «чрезвычайного положения» власти добились не только сокращения политической конкуренции, но и перераспределения экономических активов. Закон о «чрезвычайном положении» позволил правительству переводить в государственную собственность компании, которые признаны стратегически важными для антикризисного управления. Согласно постановлению правительства от апреля 2021 г., в числе таковых оказались многие области производства, включая информационные технологии, строительную отрасль, транспорт, логистику, пищевую промышленность, сельское хозяйство, туризм и т.д.⁴ Это привело к усилению экономической мощи правящей партии. Верные партии олигархи смогли распространить свой контроль на но-

¹ 2021. évi XCIX. törvény a veszélyhelyezettel összefüggő átmeneti szabályokról. Hatályos Jogszabályok // Wolters Kluwer. – 2021. – Mode of access: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a2100099.tv> (accessed: 26.02.2022).

² 2021. évi I. törvény a koronavírus-világjárvány elleni védekezésről. Hatályos Jogszabályok // Wolters Kluwer. – 2021. – Mode of access: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a2100001.tv> (accessed: 26.02.2022).

³ Miniszterelnökség, Törvényjavaslat // parliament.hu. – 23.11.2021. – Mode of access: <https://www.parliament.hu/irom41/17671/17671.pdf> (accessed: 26.02.2022).

⁴ 289/2020. (VI. 17.) Korm. Rendelet a magyarországi székhelyű gazdasági társaságok gazdasági célú védelméhez szükséges tevékenységi körök meghatározásáról // Nemzeti Jogszabálytár. – 2020. – Mode of access: <https://njt.hu/jogszabaly/2020-289-20-22> (accessed: 26.02.2022).

вые предприятия¹. Хотя «чрезвычайное положение» должно закончиться в июне 2022 г., приобретенные по специальному мандату экономические активы не вернутся к своим первоначальным владельцам. Таким образом, властвующие элиты Венгрии использовали кризис для удовлетворения своих экономических и политических интересов. Важно подчеркнуть, что хотя в будущем западные страны ЕС могут заставить правительство Венгрии вернуться к принципам верховенства права, они не могут в той же мере повлиять на распределение экономических активов в стране. Политические инструменты ЕС не могут изменить структуру собственности, поскольку это противоречит идеи верховенства права. Поэтому вернуть экономические предприятия прежним собственникам будет крайне сложно, и это создает более прочные экономические условия для политического выживания властвующей элиты Венгрии.

Темпоральное измерение кризисов

Венгерский случай показывает значение темпоральности для политического выживания. Поскольку нынешняя пандемия носит глобальный характер, мы часто пренебрегаем пространственным фактором, а актуальность времени размывается. Однако влияние любого кризиса трудно представить без учета временного и пространственного контекстов. Как историк я утверждаю, что темпоральность всегда была важным фактором, который обусловливал выбор политического решения элитами. Поэтому ее важно учитывать для понимания того, как властвующие элиты отдельной страны могут противостоять внешним вызовам – будь то внешнеполитическое давление более могущественной державы или внешний шок в виде пандемии. Подобные экзогенные шоки часто происходят внезапно. Внезапность – это отдельный вызов для процесса принятия политических решений. Внезапность кризисов вынуждает политиков делать выбор и не оставляет им возможности сохра-

¹ Szabó Yvette, Ágnes Gyenis. A fülkeforradalom felfalja sajátjait: bevált receptek alapján viszik Fidesz-közeliék cégeit is // HVG. – 25.11.2021. – Mode of access: https://hvg.hu/360/20211125_fulkeforradalom_Fidesz_uzlet_felvasarlas_kleptokracia_Vitezy_Tamas_Meszaros_Lorinc_Garancsi_Istvan_Orban_Viktor (accessed: 26.02.2022).

нить статус-кво. Решения в условиях кризиса всегда рискованны с точки зрения власть имущих, потому что они, как правило, имеют непредсказуемые последствия.

Продолжительность кризиса. Однако если кризис длится долго, то это дает политикам время на то, чтобы приспособиться к нему и выработать более эффективную антикризисную стратегию. Следовательно, продолжительность «трудных времен» имеет значение. Хорошим примером является вышеупомянутый конфликт между Брюсселем и Венгрией по поводу проблемы верховенства права. Несмотря на то что западные страны ЕС критикуют властивуюшие элиты Венгрии за антидемократическую внутреннюю политику уже более 11 лет, это не привело к заметным позитивным изменениям. Я утверждаю, что неэффективность угроз Брюсселя связана с длительностью противостояния. Предупреждающая риторика ЕС и постоянные задержки с принятием санкций против венгерских властей дали последним время для коррекции и переосмысления своих стратегий. Другими словами, у венгерского правительства оказалось достаточно времени, чтобы «обучиться» и использовать в своих интересах накопленный опыт.

Преимущество одновременности кризисов. Темпоральность особенно важна, если разные по своей природе кризисы происходят одновременно. В случае с Венгрией пандемия разворачивалась на фоне конфликта с ЕС по проблемам верховенства права. Эффект «накладывающихся» друг на друга кризисов предоставил венгерской правящей элите новые возможности. Кризис пандемии разделил членов ЕС по вопросу антикризисного управления с точки зрения допустимости ограничения прав и свобод граждан. Очевидно, что многие меры антикризисного управления требовали введения экстраординарных мер, которые входили в ясное противоречие с базовыми либерально-демократическими ценностями. Тем не менее именно западные страны ЕС начали вводить подобные меры первыми. Это усилило переговорные позиции Будапешта в споре с Брюсселем по проблемам верховенства права. Ссылаясь на введенные ограничительные меры во многих странах Запада, правящие элиты Венгрии могли проще оправдать авторитарные тренды внутри страны и парировать критику со стороны оппонентов. Таким образом, прикрываясь борьбой с эпидемией и якобы следуя западным практикам, венгерское правитель-

ство смогло ужесточить контроль над обществом и в еще большей степени подорвать основы верховенства права.

Чтобы понять значение накладывающихся друг на друга кризисов, важно определить, какой из них политические элиты рассматривают как более важный, а какой – как второстепенный. С точки зрения венгерского режима очевидно, что главным является кризис в отношениях с ЕС, критикующим венгерские правящие элиты за нарушения демократических правил. Брюссель запланировал новые меры, направленные против ограничения верховенства права в восточных странах ЕС¹. Эти меры могут нанести серьезный финансовый ущерб венгерской правящей элите, поэтому для режима в Венгрии важнее сохранить свою автономию от Брюсселя. Проблема COVID-19 для него, очевидно, представляется меньшей угрозой. В таком контексте пандемия стала рассматриваться венгерскими элитами в качестве возможности смягчить как внешнеполитическое, так и внутриполитическое давление. Систему аргументации, выработанную венгерским правительством и направленную на дальнейшую централизацию власти, можно рассматривать как необходимое, но временное решение в условиях пандемии. Эффективность данного типа стратегии во многом зависит от длительности кризиса. Стратегия, используемая нынешними венгерскими властями, имеет историческую преемственность и уходит корнями во времена коммунистического правления в условиях Восточного блока, когда Венгрии приходилось приспособливаться к постоянному внешнеполитическому давлению со стороны СССР.

Уроки исторического опыта. Нельзя недооценивать значение исторического опыта. Поскольку некоторые ранее использовавшиеся стратегии вновь стали актуальными в нынешних кризисных условиях, необходимо кратко рассмотреть типологию средств, применявшихся для нейтрализации внешнего давления в прошлом. Арсенал таких стратегий широк, но из-за ограниченного объема этой статьи приведены здесь лишь несколько примеров. Различаются риторические и институциональные стратегии противодействия

¹ Regulation 2020/2092 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2020 on a general regime of conditionality for the protection of the Union budget // EUR-Lex. – 2020. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?toc=OJ%3AL%3A2020%3A433I%3ATOC&uri=uriserv%3AOJ.LI.2020.433.01.0001.01.ENG> (accessed: 26.02.2022).

внешнему давлению. Это сугубо аналитическое разграничение. На практике они могут использоваться одновременно и смешиваться.

Разработка риторической стратегии необходима для переключения внимания, в нашем случае, с одного кризиса на другой. Другими словами, правительство Венгрии использовало эту стратегию, чтобы переключить внимание ЕС с проблемы верховенства права на проблемы пандемии. В центре этой стратегии находится создание двусмысленности, широко использовавшейся в 1950-х годах коммунистическими сателлитами во взаимодействии с Москвой. Ее суть заключается в том, что, с одной стороны, во взаимодействии с СССР лидеры стран-сателлитов демонстрировали идеологическую покорность, но, с другой стороны, одновременно с этим для внутренней аудитории использовали патриотическую риторику. В советский период эта стратегия доказала свою эффективность. Элиты современной Венгрии стали снова ее использовать примерно с 2012 г. во взаимодействии с западными странами ЕС¹. Это позволило им сохранить необходимую процедурную коммуникацию с ЕС и институциональные рычаги воздействия на Брюссель. Одновременно с этим для внутренней аудитории венгерские политики особым образом интерпретировали намерения ЕС, описывая их как несправедливые и позиционируя себя в качестве защитников национальных интересов.

Возможно, одним из последних нововведений в этой области является использование венгерскими элитами особой стратегии, которая определяется как «семантическое пространство для маневра». На практике это означает, что центральные понятия дискуссии, такие, например, как верховенство права или демократия, намеренно используются политиками в специальном значении, которое не соответствует общепринятым конвенциям. Таким способом создается нечеткая и сложная паутина двусмысленных выражений, когда оппонент, принадлежащий к другой политической культуре, не понимает смысла употребляемых понятий и правил игры².

¹ Török Gábor, ha Habony Árpád lennék... A kettős beszédről // HVG. – 19.03.2012. – Mode of access: https://hvg.hu/napi_merites/20120319_torok_gabor_kettos_beszed_habony (accessed: 26.02.2022).

² Turtiainen Svi. Unkari pitää Suomen tavoittettua sitoa EU-rahat oikeusvaltioperiaatteeseen turhana // YLE Uutiset. – 1.10.2019. – Mode of access: <https://yle.fi/uutiset/3-10998236> (accessed: 26.02.2022).

Обе стратегии (риторическая и институциональная) были впервые использованы в коммунистическую эпоху. Границы советского блока и организации внутри него (Варшавского договора, СЭВ или организации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи) определяли рамки формального (институционального) сотрудничества. Они также обусловливали основные способы взаимодействия стран внутри Восточного блока. Эта институциональная структура была следствием ухода от практик ручного управления сталинского типа и жесткой иерархии в отношениях между центром (Москвой) и периферией (странами Восточного блока). Возможность создания горизонтальных договоренностей и союзов между членами Восточного блока предоставила странам новое пространство для маневра (Miklóssy, 2010). Поскольку «спутники» не могли изменить свое геополитическое положение, они постепенно вырабатывали стратегии выживания, чтобы развиваться внутри существующего статус-кво. В период системного кризиса, когда сталинская модель экстенсивного экономического развития зашла в тупик, страны Восточного блока получили дополнительные возможности для маневрирования. Снижение уровня жизни в Восточном блоке привело к протестам, забастовкам и восстаниям. В этих условиях для сохранения режима в целом потребовалось основательное изменение модели управления. Новые условия, требующие реструктуризации управления экономикой, предоставили странам Восточного блока новые рычаги воздействия на Москву. Реформистский коммунизм, построенный в Чехословакии, Венгрии и Польше, повысил автономность управления этих стран и снизил их зависимость от диктата Москвы. Это привело к общему ослаблению жесткой, директивной структуры отношений между центром и периферией.

В этом смысле Центральная и Восточная Европа представляет собой двойное «промежуточное состояние»: пересечение горизонтальных и вертикальных пространств. По горизонтали эта область расположена на перекрестке, где восточные (в основном российские) и западные (в основном немецкие) влияния смешивались, а интересы великих держав сталкивались на протяжении столетий [Szűcs, 1983, Trencsényi, 2017]. Географическое положение между двумя идеологически, политически или экономически расходящимися антиномиями (такими как Восток – Запад, коммунизм – капитализм, демократия – авторитаризм) влияет на полити-

ческие перспективы государств. По вертикали регион Центральной и Восточной Европы в целом служит посредником между национальной и наднациональной средой и оказывает глубокое влияние на то, как национальная и международная среды взаимодействуют друг с другом. Горизонтальное измерение создает пространственный контекст, в котором региональные акторы могут организовываться, создавать институты, изобретать краткосрочные стратегии и генерировать долгосрочные планы. Тем не менее вертикальное измерение тоже важно, потому что именно оно создает возможности для преобразования горизонтальных геополитических ограничений стран Восточного блока в рычаги их воздействия на центр [Miklóssy, 2020]. Описанный феномен влияния двух измерений (горизонтального и вертикального) необходим для понимания того, как страны кооперируются друг с другом и создают союзы. Не менее он важен для понимания логики внутренней политики и динамики общественных политических предпочтений. Однако наиболее важно то, что эти два измерения – горизонтальное и вертикальное – влияют на способность этих стран противостоять экзогенным шокам и внешнеполитическим потрясениям.

В рамках Восточного блока сотрудничество между странами строилось на общности опасений по поводу безопасности, экономического и общественного развития. Вышеупомянутая стратегия по увеличению автономии стран Восточного блока от Москвы является типичным примером влияния «промежуточного состояния» этих стран. Эта стратегия опиралась на причудливый («промежуточный») симбиоз рыночной и социалистической моделей, в котором с восточной системой смешивались западные элементы. Это открыло возможности для предпринимательства, развития мелкой частной собственности и промышленности, ориентированной на потребление, что также способствовало либерализации социальной атмосферы. Такое «промежуточное» (гибридное) развитие еще больше усилилось в 1970-х годах благодаря Хельсинкскому процессу. Его результатом стала новая идея о многосторонности сотрудничества, которая пришла на смену господствовавшей на протяжении десятилетий идее поляризации, возглавляемой сверхдержавами. Этот процесс помог странам Восточной и Центральной Европы восстановить прямые контакты с Западом [Miklóssy, 2013]. Хотя восточноевропейские государства в рамках советского

блока не смогли создать независимую коалицию, они тем не менее неофициально объединились. Это, в свою очередь, помогло им защитить свое право на торговлю с западными странами, и, вопреки желаниям Москвы, избежать односторонней интеграции в СЭВ [Kansikas, 2014; Dragomir, 2020].

Подобный способ координации под давлением можно наблюдать и в настоящее время. Одним из наиболее примечательных примеров в этом отношении является обмен идеями и сотрудничество между восточными членами ЕС для выработки общей стратегии по сопротивлению давлению Брюсселя. Так, например, Польша и Венгрия укрепили сотрудничество за последние пять лет, чтобы разработать общий алгоритм поведения для противостояния давлению со стороны ЕС. Страны поддерживают друг друга, подрывая консенсус внутри ЕС, что позволяет им значительно ослабить исходящие от него угрозы и воспрепятствовать их реализации¹.

Заключение

В этой статье уточняется, как факторы темпоральности и пространственности влияют на стрессоустойчивость режима в период кризиса. Темпоральность важна потому, что длительная и повторяющаяся история кризисов позволяет накопить опыт, который политические элиты могут новаторски использовать в новых условиях. Именно поэтому у стран Центральной и Восточной Европы появилось особое отношение к кризисам, когда эффекты одного кризиса используются для того, чтобы нейтрали-

¹ Hungarian government, About Hungary, *PM Orbán assures Poland of Hungary's support over EU's 'unlawful' Article 7 procedure* // About Hungary. – 4.01.2018. – Mode of access: <https://abouthungary.hu/prime-minister/pm-orban-assures-poland-of-hungarys-support-over-eus-unlawful-article-7-procedure> (accessed: 26.02.2022); Hungarian government, About Hungary, “*Justice Minister: Hungary and Poland represent common sense in the EU.*” // About Hungary. – 25.08.2021. – Mode of access: <https://abouthungary.hu/news-in-brief/justice-minister-hungary-and-poland-represent-common-sense-in-the-eu> (accessed: 26.02.2022); Kovács Zoltán. “*PM Orbán: This debate is not about money.*” // About Hungary, Blog. – 26.11.2020. – Mode of access: <https://abouthungary.hu/blog/pm-orban-this-debate-is-not-about-money> (accessed: 26.02.2022).

зователь другой, еще более болезненный. Этим объясняется то, как и почему системные базовые ценности режима и долгосрочная структура власти могут быть сохранены с помощью краткосрочных мер и стратегии маневрирования.

Историческая повторяемость и длительность кризисов позволили политическим элитам Венгрии провести анализ и сравнение их прошлого опыта и выбрать наиболее эффективные стратегии для нейтрализации внешних угроз. Наличие исторического опыта и уроки прошлого наделяют такие режимы высокой способностью адаптироваться к новым обстоятельствам и нейтрализовать давление, исходящее извне, будь то современный ЕС или бывший советский центр [Miklóssy, Smith, 2019].

Данная устойчивость также зависела от пространственного фактора. Пространственное расположение Центральной и Восточной Европы указывало на общую транснациональную и межпоколенческую память о великих исторических событиях. Так возник общий, специфичный для данной геополитической зоны опыт, обусловленный сочетанием масштаба колебаний и частоты кризисов, поражающих Европу. Следовательно, политические лидеры в таких режимах не только использовали уроки прошлого, но и обменивались идеями друг с другом. Кроме того, частота последовательных внешних и внутренних кризисов, равно как и практика их преодоления, наделяли эти страны особой устойчивостью и стабильностью управления.

K. Miklossy*

**Resilience and political development of Europe during the crisis:
evidence from Hungary**

Abstract. The article reveals the strategies of the political elites in a number of East European countries, which allowed them during the pandemic crisis not only to maintain stability, but also to expand the use of authoritarian practices by easing foreign policy pressure from Brussels. Using the case of Hungary as a basis for empirical analysis, I show how the crisis has increased the opportunity for power elites to consolidate their dominance. The restrictive measures imposed by Western countries were used by the Hungarian authorities as an excuse to carry out another attack against po-

* **Miklossy Katalin**, Aleksanteri Institute, University of Helsinki (Helsinki, Finland), e-mail: katalin.miklossy@helsinki.fi

litical competition and civil liberties. However, the main outcome of the political development during the pandemic crisis in Hungary was not so much a clearly observed undermining of democracy and the rule of law, as another round of nationalization of a number of economic enterprises that fell under the control of the ruling elites. This strengthened the economic foundation of autocracy in contemporary Hungary, making the regime more autonomous from EU pressure. I argue that the autocratization of Hungary in the context of the pandemic is based on the successful application of the maneuvering strategy by the elites. Their choice, in turn, is shaped by the historical legacy of Hungary, which pioneered this strategy to resist Moscow's pressure during the Communist rule. I show that the two most important factors – temporality and spatiality – are key to the effectiveness of the political survival of the current political regime in Hungary. The first of them provided an arsenal of strategies that were effectively used in the Soviet period and reapplied by the Hungarian elite nowadays. The second factor ensures the exchange of ideas between the leaders of the East European countries – EU member states. Thus, the “learning” and successful application of strategies that reinforce authoritarian tendencies in contemporary Hungary has both historical (temporal) and spatial dimensions.

Keywords: resilience; authoritarianism; crisis; political strategies; Europe; Hungary.

For citation: Miklossy K. Resilience and political development of Europe during the crisis: evidence from Hungary. *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 53–73. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.03>

References

- Boese W.A., Edgell A.B., Hellmeier S., Maerz S.F., Lindberg S.I. How democracies prevail: democratic resilience as a two-stage process. *Democratization*. 2021, Vol. 28, N 5, P. 885–907. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2021.1891413>
- Buzan B., Wæver O., Wilde J. *Security: A new framework for analysis*. Boulder: Lynne Rienner publishers, 1998, 240 p.
- Dragomir E. Breaking the CMEA hold: Romania in search of a ‘strategy’ towards the European economic community, 1958–1974. *European review of history*. 2020, Vol. 27, N 4, P. 494–526. DOI: <https://doi.org/10.1080/13507486.2019.1694492>
- Folke C., Carpenter R., Walker B., Scheffer M., Chaplin T., Rockström J. Resilience thinking: integrating resilience, adaptability and transformability. *Ecology and society*. 2010, Vol. 15, N 4. DOI: <https://doi.org/10.5751/es-03610-150420>
- Kansikas S. *Socialist countries face the European community: Soviet bloc controversies over East-West trade*. New York, London: Peter Lang, 2014, 224 p.
- Miklóssy K., Smith H. (eds). *Strategic culture in Russia's neighborhood: change and continuity in an in-between space*. New York, London: Lexington Books, 2019, 302 p.
- Miklóssy K. Khrushchevism after Khrushchev: the rise of national interest in the Eastern Bloc. In: Smith J., Ilic M. (eds). *Khrushchev in the Kremlin: Policy and*

- government in the Soviet Union, 1953–1964. London, New York: Routledge, 2010, P. 150–170.
- Miklóssy K. Subregional integration in East Central Europe: strategies in the in-between sphere. In: Broad M., Kansikas S. (eds). *European integration beyond brussels*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, P. 269–290.
- Miklóssy K. The Helsinki Process and the Finnish model from small states' perspective: Hungarian and Romanian CSCE-strategies in comparison. In: Blomqvist A., Iordachi C., Trencsényi B. (eds). *Comparisons and entanglements: Hungary and Romania beyond national narratives*. New York, London: Peter Lang, 2013, P. 485–514.
- Obrist B., Pfeifer C. Multi-layered social resilience: a new approach in mitigation research. *Progress in development studies*. 2010, Vol. 10, N 4, P. 283–293. DOI: <https://doi.org/10.1177/146499340901000402>
- Olsson L., Jerneck A., Thoren H., Person J., O’Byrne D. Why resilience is unappealing to social science: theoretical and empirical investigations of the scientific use of resilience. *Science advances*. 2015, Vol. 1, N 4, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.1400217>
- Szűcs J. *Vázlat Európa három regiójáról*. Budapest: Magvető, 1983, 136 p.
- Trencsényi B. Central Europe. In: Mishkova D., Trencsényi B. (eds). *European regions and boundaries: a conceptual history*. New York and Oxford: Berghan Books, 2017, P. 166–188.
- Walker B.H., Gunderson L., Knozig A., Folke C., Carpenter S., Schultz L. A handful of heuristics and some propositions for understanding resilience in social-ecological systems. *Ecology and society*. 2006, Vol. 11, N 1. DOI: <https://doi.org/10.5751/es-01530-110113>

КОНТЕКСТ

И.М. БУСЫГИНА, А. ЧЕКАЛЕНКО*

ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Статья посвящена проблемам координации в Европейском союзе в период кризиса COVID-19. Результаты исследования показывают, что на первом этапе пандемии центральную роль в противодействии кризису играли национальные правительства стран – членов ЕС. В условиях слабой интегрированности политики здравоохранения это привело к появлению большой асимметрии в реакциях стран-членов и «откату» в уровне координации. Однако на втором этапе Евросоюз, проявив высокий уровень стрессоустойчивости, продемонстрировал способность активизировать существующие и создавать новые площадки для координации политики стран – членов ЕС. Кроме того, запрос на повышение уровня координации демонстрировали и граждане стран Евросоюза.

Ключевые слова: координация; многоуровневые системы; Европейский союз; кризис; COVID-19.

Для цитирования: Бусыгина И.М., Чекаленко А. Проблемы координации в Европейском союзе в период пандемии COVID-19 // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 74–94. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.04>

* **Бусыгина Ирина Марковна**, доктор политических наук, директор Центра сравнительных исследований власти и управления, профессор департамента прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ira.busygina@gmail.com; **Чекаленко Анатолий**, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: a.chekalenko@hse.ru

Стабильность и дальнейшее развитие Европейского союза (ЕС) напрямую зависят от его способности выработать и имплементировать эффективную стратегию по борьбе с пандемией COVID-19. Кроме того, происходящее в ЕС крайне важно и для других региональных объединений по всему миру, поскольку фактически именно Евросоюз сегодня отвечает на вопрос, способны ли эти объединения (хотя бы потенциально) дать *коллективный скоординированный ответ* на новый общий вызов и вызванный им кризис.

Евросоюз представляет собой интегрированную многоуровневую политическую систему, а интеграция по определению предполагает достаточный уровень координации, поскольку координация является следствием (результатом) интеграции [Lillrank, 2012]. Вместе с тем в случае региональной интеграции (интеграции между несколькими государствами) неизбежна значительная асимметрия глубины интеграционных процессов и, соответственно, степени координации в различных сферах. Внешний шок и порожденный им кризис могут вызывать разнонаправленные последствия с точки зрения изменений уровня координации в интеграционных объединениях и способствовать либо углублению интеграции и, следовательно, координации, либо провоцировать дивергенцию, фрагментацию и ослабление координации. Предположительно, эффекты кризиса будут зависеть от (а) глубины интеграции в конкретной сфере накануне шока и (б) характера кризиса (его продолжительности и глубины).

Евросоюз накопил большой опыт управления разнообразными кризисами и научился работать в режиме едва ли не постоянной готовности к ним. Прошлые кризисы действительно проявляли себя по-разному – стимулировали центробежные явления в ЕС, или, напротив, подталкивали ЕС к реформам, что в результате приводило к углублению интеграции. Так, кризис зоны евро создал стимулы для углубления интеграции, миграционный кризис таких стимулов не создал, а Brexit, напротив, обострил дезинтеграционные тенденции [Schimmelfennig, 2018]. В 2015 г., невзирая на слабость общей внешней политики ЕС, аннексия Крыма привела к тому, что Союз сумел скоординировать позиции государств-членов, и в отношении России был введен санкционный режим, который пролонгируется вплоть до настоящего времени [Бусыгина, Филиппов, 2020].

Однако кризис, связанный с пандемией COVID-19, необычен прежде всего потому, что он затрагивает одновременно множество сфер: здравоохранение и социальную политику, пограничный контроль и безопасность, а также основы единого рынка. Кроме того, этот кризис трансграничен и затрагивает все без исключения страны – члены Евросоюза. Кризис пандемии, будучи вызовом очень большого масштаба, способен сильно «сдвинуть» ЕС как в сторону консолидации, так и в сторону фрагментации, и направление этого вектора будет не в последнюю очередь зависеть от способности ЕС проводить *скоординированную* политику. А способность к координации зависит не только от скоординированных действий институтов Евросоюза (прежде всего генеральных директоратов Комиссии), но и не в меньшей степени от готовности стран-членов прикладывать усилия для координации своих действий с институтами ЕС. Речь, таким образом, идет и о горизонтальном, и о вертикальном измерениях координации.

В статье мы рассматриваем политику здравоохранения в Евросоюзе и реакции ЕС и отдельных его стран-членов на кризис пандемии. Старт общей политики Евросоюза в сфере здравоохранения состоялся фактически только в 1985 г., с запуском первой программы действий по борьбе с раком. Впоследствии в Маастрихтский договор была включена статья, которая открыла для ЕС возможность предпринимать действия, направленные на улучшение состояния здоровья населения. В 1999 г. был создан Генеральный директорат Европейской комиссии по здравоохранению, призванный координировать политики стран-членов, обмен опытом и передовыми практиками. Комплексная стратегия здравоохранения «Вместе ради здоровья», принятая в 2007 г., и разработанная в ее рамках многолетняя программа по здравоохранению «Здоровье ради роста», направляют и финансируют всю деятельность ЕС по укреплению здоровья и защите граждан Союза от трансграничных угроз здоровью. Однако расходы на эту программу составляют менее 0,1% от общего бюджета ЕС [Palm, Wismar, 2018, р. 20]. С начала 2000-х годов в ЕС обсуждается применение к сфере здравоохранения «открытого метода координации»¹, однако реальных

¹ Открытый метод координации (Open Method of Coordination) – межправительственный механизм принятия решений в Евросоюзе, который основан на добровольном участии стран-членов, не приводит к принятию обязательных за-

подвижек в этом направлении до сих пор сделано не было. Сложность измерения прогресса в области политики здравоохранения связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, эта политика до последнего времени имела реактивный характер, а во-вторых, и это даже более важное обстоятельство, эта политика тесно переплетается с другими направлениями политики Евросоюза (социальной политикой, политикой в области единого рынка и т.п.).

В статье мы хотели бы получить ответ на следующий вопрос: как оказывается кризис, вызванный пандемией, на уровне координации в Евросоюзе? Мы утверждаем следующее: если глубина интеграции в сфере, затронутой кризисом (а значит, и уровень координации в этой сфере), до его начала относительно невысока, а вызванный внешним шоком кризис имеет внезапный, длительный, многофазный характер, то вначале при высокой степени неопределенности можно ожидать «откат» – ослабление уровня координации. Впоследствии, напротив, наблюдается усиление запроса на интенсификацию координации с возможностью ее перехода на более высокий уровень.

Роль координации в политических системах

Проблема координации в политических системах существует столько же времени, сколько сами политические системы, однако особую остроту эта проблема приобрела в 80-е годы прошлого века, и с тех пор не теряла актуальности. При этом одними из важнейших факторов, объясняющих все большую важность координации в политических системах, стали, во-первых, появление проблем, решение которых требовало скоординированных усилий многих стран, таких как изменение климата и решение задач устойчивого развития, а во-вторых, появление и распространение различных форм многоуровневых политических систем [Peters, 2018]. Так, в федеративных системах существенный уровень автономии субнациональных правительств требовал от центра постоянного поддержания координации центра и регионов для сбалансированного развития системы (федеративного государства) в

целом. Та же задача вертикальной координации, т.е. координации между политиками стран-членов и наднациональных институтов, встала и перед Европейским союзом [Bolleyer, Börzel, 2010]. А дальнейшая интеграция и усложнение системы наднациональных институтов поставили задачу поддержания координации между такими институтами – т.е. горизонтальной координации.

Ф. Шарпф определил в качестве негативной координации ситуацию, когда решения, принимаемые на одном уровне (или же одним институтом, или в рамках одного политического курса), учитывают те решения, которые сделаны на другом уровне (другим институтом или в рамках другого курса). Целью таких расчетов является предотвращение конфликта интересов [Scharpf, 1994]. Позитивная координация решает более амбициозную задачу: она призвана не только предотвратить конфликт, но и найти решения, которые путем сотрудничества между уровнями или институтами позволили бы приумножить коллективное благо. А коллективное благо, согласно Олсону, невозможно приумножить без достижения определенного уровня координации и / или организации [Olson, 1971, р. 46, 50]. Так, если речь идет о Евросоюзе, то общим благом будет тот результат, который будет на пользу всем его гражданам (к примеру, эффективное противодействие кризисам и их последствиям). Наконец, можно говорить и о еще одном уровне координации – стратегической координации. В этом случае речь идет о координации по широким стратегическим вопросам, например, устойчивого развития или повышения продолжительности жизни населения. Борьба с последствиями кризиса, в частности пандемии, также относится к стратегическим целям. Важно, что стратегическая координация предполагает не столько ретроспективные, сколько перспективные действия, т.е. действия, направленные в будущее.

Здравый смысл говорит нам о том, что координация – это объективно «хорошая вещь», однако задача повышения ее уровня объясняется и более рациональными причинами. Для Евросоюза одной из важнейших причин постоянной заботы о вертикальной координации является поддержание и возможное повышение уровня легитимности его институтов в глазах граждан. Иными словами, способность к координации – это само по себе коллективное благо для Евросоюза; при этом крайне важно постоянное

поддержание координации на определенном, достаточно высоком уровне.

Вертикальная и горизонтальная координация любого типа – от негативной до стратегической – предусматривает постоянный обмен информацией и разнообразные виды коммуникации между уровнями, что в итоге должно привести к сближению позиций между акторами и адаптации (изменению) их поведения. Большинство механизмов координации определяются структурными факторами и взаимодействием акторов, однако стратегическая координация требует большего. Если правительства разных уровней, сосуществующих в рамках одной политической системы, придерживаются разных взглядов относительно приоритетности «больших» проблем и способов их решения, то стратегическая координация недостижима (хотя координация относительно отдельных вопросов, конечно, остается возможной). С другой стороны, если акторы разных уровней в состоянии достичь некоего базового соглашения относительно характера общих проблем и вызовов, их приоритетности и подходов к их решению, то стратегическая координация возможна, как возможно и появление более эффективной политики.

Е. Бардах [Bardach, 1998] назвал процесс создания общего понимания проблемы «коллаборацией». Примерно так же Шон и Рейн [Schon, Rein, 1994] обсуждали «рефрейминг» как средство решения трудноразрешимых политических проблем. В обоих случаях логика заключается в том, что если можно определить общие рамки проблемы, которые могут принять и с которыми могут работать различные субъекты, то проблема координации, или, возможно, более точно – проблема интеграции политики, может быть решена. Эта общая рамка является результатом переговоров между представителями различных организаций. Решение проблем координации путем сотрудничества или переосмысления подхода к общим проблемам может быть очень сложным и длительным, поскольку существующие изначально представления могут быть глубоко укоренены. Кроме того, при попытке найти компромиссную позицию между субъектами торг может привести к решению, основанному на наименьшем общем знаменателе (как это часто происходит, например, в сфере внешней политики Евросоюза), и по факту не привести к решению проблемы [Scharpf, 1988]. Однако если этот процесс будет успешным, он может привести к более

устойчивой координации, чем разовые решения по отдельным вопросам.

В том случае, если перед политической системой стоит задача усиления координации (прежде всего стратегической, но не только), ответом на этот вызов может стать расширение полномочий центральных институтов, т.е. централизация. Это решение выглядит весьма естественным, и аргумент здесь может состоять в том, что «большие» приоритеты «сверху» видны лучше. Кроме того, центральные институты предположительно более объективны и нейтральны, т.е. не ограничены соображениями повышенной лояльности в отношении определенной группы или особым набором убеждений.

Кризисы и координация в многоуровневых системах управления. Случай ЕС

Концепция многоуровневого управления описывает системы, в которых существует распределение полномочий между уровнями управления – местным, региональным, национальным и наднациональным, а также между сферами и секторами, включая государства, рынки и гражданское общество [Daniell, Kay, 2018]. Такое распределение полномочий существует в федеративных и децентрализованных государствах, однако и Европейский союз после подписания Маастрихтского договора, учредившего Европейский союз на базе Европейских экономических сообществ, стали рассматривать и изучать как «систему непрерывных переговоров между правительствами на нескольких территориальных уровнях», причем эти уровни автономны, но при этом стратегически взаимосвязаны [Marks, 1993, р. 393]. Впоследствии применительно к ЕС этот процесс был концептуализирован в рамках теоретической модели многоуровневого управления (*multilevel governance*) [Hooghe, Marks, 2003; Marks, Hooghe, Blank, 1996]. Затем исследователями были предложены более общие модели многоуровневого управления, а европейская интеграция рассматривалась уже как частный случай глобального процесса дисперсии власти [Panizzon, Riemsdijk, 2019; Cairney, Heikkila, Wood, 2019; Harmes, 2019; León, Jurado, 2020]. Однако наиболее теоретически

разработанными остаются исследования многоуровневого управления в ЕС [Chacha, 2020; Börzel, Risse, 2019; Бусыгина, Филиппов, 2010; Hoghe, Marks, Schakel, 2020].

Многоуровневая система управления в ЕС – это адаптация процесса принятия решений к территориям, находящимся одновременно под несколькими юрисдикциями, что позволяет учитывать при выработке решений как региональные и национальные предпочтения, так и интересы ЕС в целом. Речь идет о взаимодействии множества ключевых для принятия решений акторов, таких как субнациональные правительства, национальные правительства и парламенты, Европейская комиссия и Европейский парламент [Бусыгина, Филиппов, 2020]. Таким образом, речь идет как о вертикальной (между институтами ЕС и странами-членами), так и горизонтальной (между институтами ЕС) координации, имеющей характер постоянного, но при этом асимметричного процесса (его механизмы зависят от конкретного направления политики).

Кризис значительно повышает значимость координации, однако при этом вовлеченность множества акторов в процесс принятия решений в многоуровневой системе резко повышает затраты на координацию [Carley, Christie, 2017], что в свою очередь потенциально сокращает шансы на то, что механизмы координации начнут оперативно работать, особенно в условиях резкого возрастания уровня порождаемой кризисом неопределенности.

Солидарность государств – членов ЕС подразумевает, что государство отказывается от части своей независимости в принятии внутренних решений, позволяя ЕС координировать совместные усилия для решения коллективных проблем [Hayward, Wright, 2020; Wurzel, Hayward, 2012]. Речь идет о компромиссе между солидарностью и суверенитетом, однако в период кризиса возможен *пересмотр компромисса*, поскольку кризис меняет стимулы как национальных правительств, так и граждан (общественного мнения) в сторону большей солидарности. Кроме того, возрастают шансы на усиление *стратегической координации*, поскольку граждане в большей степени осознают свою принадлежность к наднациональному и широкому, однако относительно сплоченному сообществу, члены которого обмениваются информацией, поддерживают друг друга и имеют схожие представления о желаемом будущем. В то же время повышается и ответственность институтов Евросоюза: демонстрация дефицита координации или, что еще

хуже, ее провала, способны довольно быстро лишить Союз этой повышенной поддержки граждан.

ЕС: вызов пандемии и способность к координации

Евросоюз приступил к выработке решений в связи с пандемией уже ранней весной 2020 г. 17 марта на заседании Европейского совета была достигнута договоренность о создании плана экономической поддержки стран в период пандемии COVID-19¹. В апреле Европейская комиссия предложила два пакета мер по поддержке стран – членов ЕС в период пандемии: Инвестиционную инициативу по реагированию на коронавирус (CRII) и Инвестиционную инициативу по реагированию на коронавирус Плюс (CRII +). Эти инициативы предполагали помочь государствам-членам на сумму 37 млрд евро за счет перераспределения средств из Фонда сплочения (Cohesion Fund)². Средства должны были целевым образом тратиться на покупку медицинского оборудования, дополнительную оплату труда врачей и медицинских работников, поддержку потерявшим работу, сохранение рабочих мест и поддержку малого и среднего бизнеса.

В мае эти инициативы были дополнены пакетом REACT-EU (Помощь в восстановлении единства и территории Европы)³, который предполагал привлечение дополнительных средств в Европейский фонд регионального развития и Европейский социальный фонд, а также Европейский фонд помощи наиболее нуждающимся. Однако основным планом по восстановлению экономики ЕС стал

¹ Conclusions by the President of the European Council following the video conference with members of the European Council on COVID-19 // European Council. – 2020. – March. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/03/17/conclusions-by-the-president-of-the-european-council-following-the-video-conference-with-members-of-the-european-council-on-covid-19> (accessed: 19.11.2021).

² Cohesion policy action against coronavirus // European commission. – 2020. – Mode of access: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/newsroom/coronavirus-response/projects (accessed: 10.11.2021).

³ Recovery Assistance for Cohesion and the Territories of Europe (REACT-EU) // European Structural and Investment Funds. – 2020. – Mode of access: <https://cohesiondata.ec.europa.eu/stories/s/REACT-EU-Fostering-crisis-repair-and-resilience/26d9-dqzy> (accessed: 10.11.2021).

пакет «Следующее поколение ЕС» (NextGenerationEU (NGEU)) на сумму 806,9 млрд евро в текущих ценах (750 млрд евро в ценах 2018 г.)¹.

Евросоюз оказался в состоянии оперативно мобилизовать средства для борьбы с пандемией и ее последствиями, однако его действия непосредственно в области здравоохранения были объективно ограничены, поскольку само расширение компетенций Союза в этой сфере сдерживается национальными правительствами стран-членов, которые стремятся сохранить контроль над своими системами здравоохранения и политиками в этой области. Действующие договоры позволяют ЕС гармонизировать национальные законы в узких сегментах, относящихся к органам и веществам человеческого происхождения, фармацевтическим препаратам и медицинскому оборудованию. Во всех остальных областях здравоохранения, включая реагирование на кризисы, закупки фармацевтических препаратов и борьбу с инфекционными заболеваниями, роль ЕС ограничивается лишь поддержкой национальных политик и поощрением координации [Brooks, Geyer, 2020]. Таким образом, политика в области здравоохранения ЕС относится к числу относительно слабо интегрированных.

Тем не менее следует отметить, что у Евросоюза уже существуют институциональные структуры для координации в области политики здравоохранения, поскольку прежние кризисы, связанные с распространением инфекционных заболеваний, уже способствовали появлению новых европейских институтов как «площадок для координации». Так, вспышка тяжелого острого респираторного синдрома (*Severe Acute Respiratory Syndrome – SARS*) в 2003 г. способствовала созданию Европейского центра по профилактике и контролю заболеваний (ECDC), а слабая координация во время эпидемии свиного гриппа в 2009 г. привела к созданию механизма совместных закупок вакцин [Brooks, Geyer, 2020]. Тот же свиной грипп привел к появлению «Решения об угрозах здоровью»², кото-

¹ European Commission The EU's 2021–2027 long-term budget & NextGenerationEU: facts and figures. The EU's 2021–2027 long-term budget & NextGenerationEU. LU: Publications Office of the European Union, 2021.

² Decision No 1082/2013/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2013 on serious cross-border threats to health and repealing Decision No 2119/98/EC Text with EEA relevance // European Council. – 2013. – October. –

рое определяет роль государств – членов и институтов ЕС в обеспечении готовности к чрезвычайным ситуациям, текущем мониторинге, сборе данных и координации. Государства-члены должны отчитываться о положении в области планирования и подготовки к чрезвычайным ситуациям каждые три года. Сбор данных и эпидемиологический надзор осуществляются Европейским центром по профилактике и контролю заболеваний (*European Centre for Disease Prevention and Control – ECDC*), который собирает и обрабатывает эпидемиологическую информацию, регулярно передаваемую ему национальными органами власти. В случае кризиса или появления новой угрозы через систему раннего предупреждения и реагирования объявляется тревога, риск эпидемии оценивается Центром, после чего национальные ответные меры координируются через Комитет по охране здоровья (*Health Security Committee – HSC*) – орган, состоящий из высокопоставленных представителей государств-членов, а также экспертов Еврокомиссии. Именно этот комитет является своего рода «средоточием» процесса координации, местом, где национальные правительства либо проводят консультации по предлагаемым мерам борьбы с серьезными угрозами здоровью на своей территории, либо информируют своих партнеров об уже принятых мерах [Ruijter, 2019].

Кроме того, отдельные усилия по координации с самого начала кризиса предпринимала Хорватия как государство – председатель в Совете Евросоюза. Хорватское председательство уже с конца января 2020 г. активировало механизм Интегрированного политического реагирования на кризис (*Integrated Political Crisis Response – IPCR*)¹: на решение повлияли крайне высокая степень неопределенности, постоянно меняющаяся ситуация и то, что кризис затронул несколько областей, прежде всего здравоохранение и экономику. Данный механизм дает возможность регулярного обмена отчетами о ходе кризиса, а также аналитическими отчетами, обращения в круглосуточные контактные пункты, веб-платформу

Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:32013D1082> (accessed: 19.11.2021).

¹ Этот инструмент вправе активировать страна-председатель для координации политического реагирования на крупные межсекторальные и сложные кризисы, включая террористические акты.

для обмена и сбора информации, встречи с послами или министрами ЕС.

В первые недели пандемии, невзирая на то что Комитет по охране здоровья доказал свою ценность как площадка для координации, координационные совещания в его рамках проводились относительно редко, а многие государства-члены не сообщали о своих планах готовности и реагирования в соответствии с требованиями [Beaussier, Cabane, 2020, p. 812]. В этих условиях Центру приходилось полагаться на неполные данные, передаваемые национальными органами, он сталкивался с тем, что отдельные члены не желали передавать эти данные или просто затягивали процесс.

Первоначально институты ЕС весьма ограниченно реагировали на пандемию, за что подверглись серьезной критике [Paccès, Weimer, 2020; Renda, Castro, 2020], в том числе за неспособность вовлечь национальные правительства во взаимодействие. Несмотря на все призывы к координации со стороны ЕС, государства-члены не могли договориться ни о неотложных мерах в области здравоохранения, ни о темпах их реализации по мере развития ситуации. Различия в подходах привели к принятию чисто национальных решений¹. Таблица иллюстрирует чрезвычайно большую вариативность в принятии первоначальных ограничительных мер в связи с пандемией по странам – членам Евросоюза (см. в приложении)².

В ходе второй фазы пандемии ЕС начал играть гораздо более активную роль, и ценность координации и коллективных действий стали более очевидными для национальных лидеров [Alemanno, 2020]. Европейский центр по профилактике и контролю заболеваний стал постоянной площадкой координации национальных действий и европейских институтов. Как и в случаях предыдущих кризисов, пандемия еще раз доказала «добавленную стоимость» координации и последующих коллективных действий.

¹ Maurice E., Bloj R., Buzmaniuk S., Antonini C., d'Angelo C. Covid-19: European Responses, a complete picture // Foundation Robert Schuman Policy Paper. – 2020. – Mode of access: <https://www.robert-schuman.eu/en/doc/actualites/covid19-26032020-en.pdf> (accessed: 07.02.2022).

² Таблица сделана на основе данных Европейского центра профилактики и контроля заболеваний. Сноска на источник: Data on country response measures to COVID-19// European Centre for Disease Prevention and Control. – 2022. – February. – Mode of access: <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/download-data-response-measures-covid-19> (accessed: 20.12.2021).

Следует подчеркнуть не только важность формальных площадок для координации, но и значимость механизмов неформальной координации, как, например, неформальные телефонные конференции и использование мессенджеров. Во многих ситуациях формальные механизмы реагирования не смогли обеспечить последовательную поддержку и / или координацию действий государств-членов, несмотря на «гораздо более интенсивное использование имеющихся инструментов, чем когда-либо прежде» [Schomaker, Hack, Mandry, 2021, p. 1285]. В период пандемии неформальные и формальные действия по обеспечению вертикальной и горизонтальной координации не заменяют друг друга, но представляют собой взаимодополняющие подходы в управлении кризисами [Schomaker, Hack, Mandry, 2021, p. 1293].

Важно, что кризис пандемии подверг координационные механизмы в ЕС своего рода проверке (и в этом ценность кризисов). Так, кризис не только привел к повышению запроса на координацию и усложнение ее механизмов, но и обнажил проблемы, с ней связанные. В Еврокомиссии ответственность за различные элементы повестки в области здравоохранения распределена между Генеральными директоратами (*Directorates General – DG*) в соответствии с их мандатами. Например, DG по вопросам здоровья и потребителей (DG SANTE) и DG по исследованиям и инновациям (DG RTD) имеют в основном внутренние мандаты в отношении политики здравоохранения, т.е. их действия ограничены территорией ЕС. С другой стороны, DG DEVCO (Директорат по международному сотрудничеству и развитию), DG NEAR (Директорат по европейской политике соседства и переговорам о расширении) и DG ECHO (Директорат по международной гуманитарной помощи и гражданской защите) имеют международные мандаты. Все они принимают участие в борьбе с пандемией и работают не только внутри ЕС, но и в рамках глобальной повестки Союза. Несмотря на существование механизмов координации через межведомственную группу с участием DG NEAR, DEVCO, SANTE и RTD и общее намерение работать вместе, организовать совместную работу оказалось весьма непростой задачей, в том числе из-за огромного количества самых разных вопросов, относящихся к сфере здравоохранения [Veron, Di Ciommo, 2020]. Различные мандаты и приоритеты создают препятствия для выработки комплексного коллективного подхода. Ответом на это может быть либо

централизация руководства, либо введение специальных механизмов посредничества для разрешения конфликтов вокруг наиболее сложных решений¹.

Индикатором растущего запроса на координацию в ЕС являются и опросы общественного мнения. Так, опрос, проведенный группой Kantar по запросу Европарламента, показал, что две трети респондентов (69%) согласны с утверждением о том, что «ЕС должен располагать большими компетенциями для борьбы с кризисами, подобными пандемии COVID-19». При этом призыв расширить компетенции ЕС и наладить более надежную и масштабную координацию сочетается с недовольством, которое испытывает большинство респондентов по поводу солидарности между государствами – членами ЕС в борьбе с пандемией: 57% недовольны текущим состоянием солидарности, включая 22%, которые «совсем не удовлетворены»². В восьми странах – членах ЕС, граждане которых были опрошены в период с июня по август 2020 г., в среднем 61% заявили, что ЕС хорошо справляется с пандемией. Наибольшее одобрение действия Евросоюза получили в Германии и Нидерландах (68% опрошенных)³. Базиле и Конти на примере Италии показали, как в период кризиса пандемии вырос не только запрос на координацию, но и на общее расширение полномочий ЕС в области политики здравоохранения, т.е. на углубление интеграции. Исследование показывает, что пандемия создала условия, в которых граждане Италии готовы поддержать расширение полномочий ЕС по вопросам, которые в настоящее время находятся в исключительном ведении государств-членов. Даже в таких странах, как Италия, где поддержка ЕС до начала пандемии

¹ Glassman A., Konyndyk J., Schnabel L., McClelland A. Strengthening European leadership on global health security // Center for global development. – 2019. – Mode of access: <https://www.cgdev.org/publication/strengthening-european-leadership-global-health-security> (accessed: 20.11.2021).

² Public opinion in the EU in time of coronavirus crisis // European Parliament. – 2020. – April. – Mode of access: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer/public-opinion-in-the-eu-in-time-of-coronavirus-crisis> (accessed: 19.11.2021).

³ Majorities in the European Union Have Favorable Views of the Bloc // PEW RESEARCH CENTER. – 2020. – November. – Mode of access: <https://www.pewresearch.org/global/2020/11/17/majorities-in-the-european-union-have-favorable-views-of-the-bloc/> (accessed: 19.11.2021).

находилась практически на историческом минимуме, в условиях кризиса граждане требуют большего вовлечения Союза в решение трансграничных проблем [Basile, Cilento, Conti, 2021].

Швеция: европейская «коронавирусная девиация»

По мнению экспертов Немецкого фонда мирового населения (Deutsche Stiftung Weltbevölkerung), «государства – члены ЕС, похоже, применяют оппортунистский подход: они координируют свои действия, сотрудничают или же отказываются от согласованных действий в тех случаях, когда их национальные интересы расходятся»¹. Действительно, несмотря на общий характер внешнего вызова и наличие ряда рекомендаций со стороны наднациональных институтов ЕС, страны – члены ЕС первоначально предпринимали несогласованные и порой даже противоречавшие друг другу действия. Так, общей реакцией на распространение COVID-19 стало введение локдауна в середине марта 2020 г., однако модели локдауна значительно отличались от страны к стране по скорости принятия решений и характеру вводимых ограничений. Так, страны Центральной Европы, более консервативные в социальном плане, быстрее закрыли границы и ввели ограничения для населения на самом раннем этапе эпидемической кривой, а Нидерланды, напротив, сделали это гораздо позже. Однако наиболее обсуждаемым стал случай Швеции, подходы и действия властей которой резко отличались от других стран – членов ЕС. При этом для нас важен не ответ на вопрос, почему именно власти Швеции отказались от координации, а то, к каким последствиям это привело.

Первый случай заражения COVID-19 в Швеции был зафиксирован 31 января 2020 г., но первые ограничительные меры были введены только 12 марта и включали в себя лишь ограничение собраний численностью более 500 человек в помещениях и более 1000 человек в любых других местах. Следующей ограничительной мерой, принятой правительством Швеции, стал запрет на въезд в страну иностранных граждан из стран вне ЕС / ЕЭЗ с

¹ A new EU global health strategy: why it's needed and how it should look // WASH Matters. – 2020. – Mode of access: <https://washmatters.waterraid.org/sites/g/files/jkxoof256/files/a-new-eu-global-health-strategy-why-its-needed-and-how-it-should-look.pdf> (accessed: 20.11.2021).

17 марта, а также закрытие учебных заведений среднего и высшего звена. В конце марта меры стали строже, были введены: социальная дистанция в ресторанах и барах, ограничения на собрания в публичных местах численностью более 50 человек, посещение домов престарелых. Все остальные меры носили рекомендательный характер: людям старше 70 лет рекомендовалось оставаться дома и ограничить социальные контакты, работодателям рекомендовалось перевести сотрудников на удаленную работу, людям с минимальными симптомами разрешалось оставаться дома на больничном без необходимости получения больничного листа в течение 14 дней [Tegnell, 2021]. «Свобода» граждан Швеции вызывала своего рода зависть у граждан других стран: для немцев, например, Швеция выглядела почти раем по сравнению с закрытой, «обездевшей» Германией¹. В дальнейшем, однако, оказалось, что стратегия правительства Швеции была далеко не самой эффективной, как относительно всего ЕС, так и относительно стран-соседей.

Эпидемиологическая стратегия правительства Швеции базировалась на принципах веры в коллективный иммунитет, индивидуальную ответственность, доверие лишь доказательной медицине [Lindström, 2020]. Безусловно, принципы и ценности – это своего рода фундамент государственности. Примечательно, однако, что основываясь на доверии и индивидуальной ответственности, правительство Швеции не только не показало более эффективную модель противодействия пандемии, но и значительно потеряло в доверии граждан, которое снизилось, по данным Еврофонда, за период пандемии на 25,5% (с 6,4 в апреле / мае 2020 г. до 5,1% в феврале / марте 2021 г.)². Более того, из-за нескоординированных односторонних решений ряда государств – членов ЕС, в числе которых Швеция, кризис наряду со сферой здравоохранения начал охватывать и более общие сферы интеграции, в частности функционирование Шенгенской зоны и единого рынка³.

¹ Sweden goes it alone: The EU's coronavirus exception // European council on foreign relations. – 2020. – April. – Mode of access: https://ecfr.eu/article/commentary_sweden_goes_it_alone_the_eus_coronavirus_exception/ (accessed: 10.11.2021).

² Democracy and trust during COVID-19// Eurofound. – 2021. – July. – Mode of access: <https://www.eurofound.europa.eu/data/covid-19/democracy-trust> (accessed: 10.11.2021).

³ Maurice E., Bloj R., Buzmanuk S., Antonini C., d'Angelo C. Covid-19: European Responses, a complete picture // Foundation Robert Schuman Policy Paper. –

Заключение

Для многоуровневых политических систем постоянное поддержание координации на достаточном уровне является не выбором, но императивом. Кризис, особенно такой глубокий и длительный, как кризис пандемии, не только «бьет» по координации в интегрированных наднациональных многоуровневых системах, но и одновременно резко повышает ее цену. Так, вовлеченность множества акторов в процесс принятия решений в многоуровневой системе повышает затраты на координацию.

В первую волну кризиса страны – члены ЕС пытались «спасаться поодиночке»; даже существующие площадки для координации использовались далеко не полностью. Однако ко второй волне кризиса Евросоюз, продемонстрировав значительную стрессоустойчивость, активизировал работу на существующих площадках координации и создал новые – формальные и неформальные. Кроме того, «снизу» на национальные правительства оказывали давление граждане, которые в целом поддерживали активные действия ЕС по борьбе с пандемией. В этих условиях лидеры стран – членов ЕС выбрали подход «поддержания политики», избрав приоритетом цель сохранения единства Евросоюза независимо от дивергенции национальных интересов [Ferrera, Miro, Ronchi, 2021].

Различий в национальных реакциях на COVID-19 избежать невозможно, однако эти реакции возможно скоординировать, иначе цена разнообразия может оказаться чрезмерно высокой [Racces, Weimer, 2020]. Национальные правительства, возможно, предпослали бы реализовывать собственные модели борьбы с кризисом пандемии (как, например, Швеция), однако в условиях тяжелого и длительного кризиса они рассчитывают на помощь Евросоюза. В том случае, если повышенный запрос на координацию сохранится и после разрешения острой ситуации с кризисом, это может в перспективе привести к расширению полномочий ЕС в области здравоохранения, т.е. к углублению интеграционных процессов.

I.M. Busygina, A. Cecalenco*

**The problems of coordination in a multilevel governance system
at a time of crisis (the EU and the Covid-19 pandemic)**

Abstract. The article is devoted to the problems of coordination in the European Union during the COVID-19 crisis. We show that in the first phase of the pandemic, the national governments of the EU member states played a central role in responding to the crisis. Under conditions of weak integration of health policy, this has led to a large asymmetry in the reactions of member countries and a “backtrack” in the level of coordination. However, at the second stage, the European Union, having shown a high level of resistance to stress, has demonstrated the ability to activate existing and create new platforms for coordinating the policies of member countries. In addition, citizens of the EU countries also showed a demand in increasing the level of coordination in the EU.

Keywords: coordination; multilevel systems; European Union; crisis; Covid-19.

For citation: Busygina I.M., Cecalenco A. The problems of coordination in a multilevel governance system at a time of crisis (the EU and the Covid-19 pandemic). *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 74–94.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.04>

References

- Alemanno A. The European response to COVID-19: from regulatory emulation to regulatory coordination? *European journal of risk regulation*. 2020, Vol. 11, N 2, P. 307–316. DOI: <https://doi.org/10.1017/err.2020.44>
- Bardach E. *Getting agencies to work together: the practice and theory of managerial craftsmanship*. Washington, D.C: Brookings institution press, 1998, 348 p.
- Basile L., Cilento M., Conti N. The Coronavirus crisis as catalyst for EU legitimacy? Italian public opinion and the EU during the pandemic. *Partecipazione e Conflitto*. 2021, Vol. 14, N 3, P. 202–220. DOI: <https://doi.org/10.1285/i20356609v14i1p202>
- Beaussier A.-L., Cabane L. Strengthening the EU’s response capacity to health emergencies: insights from EU crisis management mechanisms. *European journal of risk regulation*. 2020, Vol. 11, N 4, P. 808–820. DOI: <https://doi.org/10.1017/err.2020.80>
- Bolleyer N., Börzel T.A. Non-hierarchical policy coordination in multilevel systems. *European political science review*. 2010, Vol. 2, N 2, P. 157–185. DOI: <https://doi.org/10.1017/S175577391000007X>
- Börzel T.A., Risse T. Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism. *Journal of European public policy*. 2019, Vol. 26, N 8, P. 1231–1252. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1622589>

* **Busygina Irina**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: ibusygina@hse.ru; **Cecalenco Anatolie**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: a.chekalenko@hse.ru

- Brooks E., Geyer R. The development of EU health policy and the Covid-19 pandemic: trends and implications. *Journal of European integration*. 2020, Vol. 42, N 8, P. 1057–1076. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1853718>
- Busygina I., Filippov M. Changing incentives and strategies of national governments in multilevel governance across the European Union. *Polis. Political studies*. 2020, N 5, P. 148–163. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.11> (In Russ.)
- Busygina I., Filippov M. European Union: from particular to general. *Russia in global affairs*. 2010, Vol. 8, N 1, P. 121–133. (In Russ.)
- Cairney P., Heikkila T., Wood M. *Making policy in a complex world*. Cambridge: Cambridge university press, 2019, 75 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108679053>
- Carley M., Christie I. *Managing sustainable development*. London: Routledge, 2017, 336 p.
- Chacha M. European Union membership status and decentralization: A top-down approach. *Regional & federal studies*. 2020, Vol. 30, N 1, P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597566.2019.1632296>
- Daniell K.A., Kay A. *Multi-level governance: conceptual challenges and case studies from Australia*. Canberra: ANU press, 2018, 474 p. DOI: <http://doi.org/10.22459/MG.11.2017>
- Ferrera M., Miro J., Ronchi S. Walking the road together? EU polity maintenance during the COVID-19 crisis. *West European politics*. 2021, Vol. 44, N 5–6, P. 1329–1352. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2021.1905328>
- Harmes A. *The Politics of fiscal federalism: neoliberalism versus social democracy in multilevel governance*. Montreal; Kingston; London; Chicago: McGill-Queen's university press, 2019, 328 p.
- Hayward J., Wright V. *Governing from the Centre: core executive coordination in France*. Oxford: Oxford university press, 2002, 272 p.
- Hooghe L., Marks G. Unraveling the central state, but how? Types of multi-level governance. *American political science review*. 2003, Vol. 97, N 2, P. 233–243. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055403000649>
- Hooghe L., Marks G., Schakel A.H. Multilevel governance. In: Caramani D. (ed.). *Comparative politics*. Oxford: Oxford university press, 2020, P. 193–210.
- León S., Jurado I. Multilevel Governance in Spain. In: Muro D., Lago I. (eds). *The oxford handbook of Spanish politics*. Oxford: Oxford university press, 2020, P. 223–240. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198826934.013.14>
- Lillrank P. Integration and coordination in healthcare: an operations management view. *Journal of Integrated Care*. 2012, Vol. 20, N 1, P. 6–12. DOI: <https://doi.org/10.1108/14769011211202247>
- Lindström M. The COVID-19 pandemic and the Swedish strategy: Epidemiology and postmodernism. *SSM – Population Health*. 2020, Vol. 11, P. 100643. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2020.100643>
- Marks G. Structural policy and multilevel governance in the EC. *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique*. 1993, Vol. 28, N 1, P. 391–411.
- Marks G., Hooghe L., Blank K. European integration from the 1980 s: state-centric v. multi-level governance. *JCMS: Journal of common market studies*. 1996, Vol. 34, N 3, P. 341–378. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1996.tb00577.x>
- Olson M. *The logic of collective action: public goods and the theory of groups. The logic of collective action*. Cambridge: Harvard university press, 1971, 186 p.

- Pacces A.M., Weimer M. From diversity to coordination: A European approach to COVID-19. *European journal of risk regulation*. 2020, Vol. 11, N 2, P. 283–296. DOI: <https://doi.org/10.1017/err.2020.36>
- Palm W., Wismar, M. EU integration and health policy at the cross-roads. *Eurohealth*. 2018, Vol. 24, N 2, P. 19–22.
- Panizzon M., Riemsdijk M. van. Introduction to special issue: ‘migration governance in an era of large movements: a multi-level approach’. *Journal of ethnic and migration studies*. 2019, Vol. 45, N 8, P. 1225–1241. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1441600>
- Peters B.G. The challenge of policy coordination. *Policy design and practice*. 2018, Vol. 1, N 1, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1080/25741292.2018.1437946>
- Renda A., Castro R. Towards stronger EU governance of health threats after the COVID-19 pandemic. *European journal of risk regulation*. 2020, Vol. 11, N 2, P. 273–282. DOI: <https://doi.org/10.1017/err.2020.34>
- Ruijter A. de. *EU health law & policy: the expansion of EU power in public health and health care*. Oxford: Oxford university press, 2019, 256 p.
- Scharpf F. Games real actors could play: positive and negative coordination in embedded negotiations. *Journal of theoretical politics*. 1994, Vol. 6, N 1, P. 27–53. DOI: <https://doi.org/10.1177/0951692894006001002>
- Scharpf F.W. The joint-decision trap: lessons from German federalism and European integration. *Public administration*. 1988, Vol. 66, N 3, P. 239–278. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1988.tb00694.x>
- Schimmelfennig F. European integration (theory) in times of crisis. A comparison of the euro and Schengen crises. *Journal of European public policy*. 2018, Vol. 25, N 7, P. 969–989. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1421252>
- Schomaker R.M., Hack M., Mandry A.-K. The EU’s reaction in the first wave of the Covid-19 pandemic between centralisation and decentralisation, formality and informality. *Journal of European public policy*. 2021, Vol. 28, N 8, P. 1278–1298. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1942153>
- Schon D.A., Rein M. *Frame reflection: toward the resolution of intractable policy controversies*. New York: Basic Books, 1994, 272 p.
- Tegnell A. The Swedish public health response to COVID-19. *APMIS*. 2021, Vol. 129, N 7, P. 320–323. DOI: <https://doi.org/10.1111/apm.13112>
- Veron P., Di Ciommo M. *Fit for purpose: The EU’s role in global health in the era of COVID-19*. Maastricht, Brussels: European Centre for development policy management, 2020, 34 p.
- Wurzel R.K.W., Hayward J. European disunion: between sovereignty and solidarity. In: Hayward J., Wurzel R. (eds). *Palgrave studies in European Union politics*. London: Palgrave Macmillan UK, 2012. Conclusion. P. 314–328.

Литература на русском языке

Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Изменение стимулов и стратегий национальных правительств в условиях многоуровневого управления в Европейском союзе //

Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 148–163. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.11>

Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Евросоюз: от частного к общему // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 1. – Р. 121–133.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Количество дней до введения мер по нераспространению COVID-19 в странах ЕС

Таблица

Страны ЕС	Обязательное нахождение дома для всего населения (локдаун)		Закрытие образовательных учреждений		Закрытие публичных мест (включая рестораны, развлекательные заведения, магазины не первой необходимости, частичное или полное закрытие общественного транспорта, тренажерные залы и спортивные центры и т. д.)		Обязательное ношение медицинских масок в закрытых помещениях		Закрытие магазинов не первой необходимости		Введение карантина для въезжающих в страну	
	ПЗ	ПС	ПЗ	ПС	ПЗ	ПС	ПЗ	ПС	ПЗ	ПС	ПЗ	ПС
Австрия	14	0	20	3	20	3	40	23	20	3	14	0
Бельгия	44	8	39	3	39	3	90	54	39	3	147	111
Болгария	0	0	5	1	5	1	22	18	5	1	9	5
Хорватия	20	0	20	0	23	0	58	29	23	0	75	46
Кипр	14	0	0	0	3	0	54	39	6	0	110	95
Чехия	43	9	9	0	8	0	17	0	12	0	11	0
Дания	-	-	19	0	14	0	242	223	61	42	21	2
Эстония	-	-	18	0	14	0	266	238	29	1	0	0
Финляндия	-	-	48	0	48	0	-	-	48	0	48	0
Франция	52	32	51	31	51	31	113	93	51	31	494	474
Германия	311	269	45	3	48	6	89	47	48	6	16	0
Греция	26	11	14	0	17	2	61	46	17	2	22	7
Венгрия	22	11	11	0	8	0	59	48	23	12	176	165
Ирландия	26	15	11	0	11	0	118	107	23	12	0	0
Италия	40	17	34	11	40	17	86	63	40	17	34	11
Латвия	291	260	14	0	14	0	14	0	246	215	9	0
Литва	288	265	18	0	18	0	42	19	18	0	0	0
Люксембург	17	4	15	2	15	2	17	4	15	2	425	412
Мальта	-	-	6	0	11	0	75	43	16	0	6	0
Нидерланды	20	11	14	5	14	5	93	84	287	278	16	7
Польша	20	11	8	0	10	1	42	33	10	1	11	2
Португалия	16	1	13	0	10	0	235	220	12	0	0	0
Румыния	25	0	19	0	21	0	78	52	25	0	28	2
Словакия	235	205	9	0	5	0	18	0	9	0	5	0
Словения	225	212	7	0	9	0	25	12	10	0	29	16
Испания	43	9	41	7	43	9	93	59	43	9	24	0
Швеция	-	-	42	5	146	109	-	-	394	357	347	310

Комментарии: ПЗ – кол-во дней после первого случая заражения COVID-19 в стране; ПС – кол-во дней после первого смертельного случая от COVID-19 в стране; тире – мера не была введена; 0 – мера была введена до первого случая заражения (ПЗ) или смерти от COVID-19 (ПС).

Источник данных: составлено авторами на основе данных Европейского центра профилактики и контроля заболеваний¹.

¹ Data on country response measures to COVID-19// European Centre for Disease Prevention and Control.– 2022. – February. – Mode of access: <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/download-data-response-measures-covid-19> (accessed: 20.02.2021).

Р.Ф. ТУРОВСКИЙ, Е.А. ИОХИМ*

**ВЫБОРЫ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ:
АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
ПРАВЯЩИХ ПАРТИЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ¹**

Аннотация. В статье с помощью метода качественного сравнительного анализа (QCA) проведено исследование результатов 43 избирательных кампаний в различных странах мира, прошедших в условиях пандемии коронавируса в 2020 г. Учитывая практически повсеместное ухудшение социально-экономических показателей, мы ставили целью выявить механизм работы ретроспективного экономического голосования как создающего потенциально критические риски для правящей партии. Учитывая, что в реальности в отношении роста или снижения электоральной поддержки инкумбентов страны поделились примерно пополам, авторы рассмотрели действие факторов, связанных со степенью ухудшения социально-экономической ситуации, ограничительными мерами государства и ходом самой пандемии, приняв во внимание и характеристики политического режима. Были выявлены девять конфигураций, представляющих собой различные сочетания условий. В шести случаях был выявлен рост поддержки инкумбента, а в трех – ее снижение. Исследование показало, что классическое ретроспективное голосование в духе «наказания» инкумбента за спад в экономике чаще проявляется в демократических режимах. Примечательно также, что социально-экономические факторы, обусловленные последствиями пандемии, оказываются в глазах électo-

* **Туровский Ростислав Феликсович**, доктор политических наук, профессор, заведующий лабораторией региональных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: rturovsky@hse.ru; **Иохим Елизавета Андреевна**, стажер-исследователь лаборатории региональных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: eaiokhim@gmail.com

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

рата более значимыми, чем факторы, прямо связанные с заболеваемостью населения. В частности, невысокий уровень снижения ВВП всегда присутствует в конфигурациях роста поддержки инкумбента, а значительный рост безработицы – во всех конфигурациях снижения его рейтинга. В авторитарных режимах избиратели более склонны поддерживать правящие партии при мягких ограничительных мерах, тогда как в демократиях люди готовы голосовать за инкумбентов в случае жестких, но обязательно в чем-то эффективных ограничений. Характер ограничительных мер почти всегда влияет на выборы, но их эффект зависит от других условий. Учитывая естественные ограничения в виде выборки стран, особенностей применяемого метода и дальнейшего развития пандемии, представляется важным продолжение подобных исследований с целью уточнения выводов и тенденций.

Ключевые слова: пандемия; ретроспективное голосование; инкумбент.

Для цитирования: Туровский Р.Ф., Иохим Е.А. Выборы во время чумы: анализ электоральной поддержки правящих партий в период пандемии // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 95–121. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.05>

Ретроспективное голосование и пандемия: подходы к исследованию

В настоящее время уже можно говорить о теоретическом поле, сформировавшемся вокруг вопроса о влиянии пандемии коронавируса на политические процессы, в частности на выборы. С точки зрения общей теории электорального поведения выборы в условиях нарастания социально-экономических проблем, связанных с пандемией, могут, на наш взгляд, рассматриваться в парадигме ретроспективного голосования, предложенной Фиориной. В данной логике избиратели оценивают перед выборами свое экономическое благополучие и наказывают инкумбента за его ухудшение, отказывая правящим акторам в голосах на выборах, или же поощряют их за успешную экономическую ситуацию [Fiorina, 1981]. В дальнейших исследованиях теоретическая рамка ретроспективного голосования была расширена авторами, предложившими рассматривать помимо социально-экономических показателей и другие факторы, влияющие на благосостояние избирателей [Bovan et al., 2018; Rubin, 2020].

Ответвлением исследований ретроспективного голосования является рассмотрение электоральных процессов, непосредственное влияние на которые оказывают внешние шоки, выходящие за рамки обычных экономических флюктуаций: это могут быть при-

родные катаклизмы, эпидемии и катастрофы. Общий вывод исследователей особых форм ретроспективного голосования заключается в том, что катастрофа меняет поведение избирателя на выборах, а опасность, страх и риск для жизни и здоровья провоцируют избирателя возлагать ответственность за катастрофу на инкумбента: «избиратели представляют собой “внимательный электорат”, способный после стихийного бедствия хвалить и обвинять (правительство), учитывая не только последствия катастрофы, но и операции по оказанию помощи» [Heersink et al., 2017, p. 260–261].

Современные исследования, акцентирующие внимание на факторе ответных действий властей в случае той или иной катастрофы, демонстрируют зависимость электорального результата от качества предоставленной властями помощи [Healy, Malhotra, 2010]. Исследователи американского опыта XX в. настаивают на так называемой слепой ретроспективе [Heersink et al., 2017; Achen, Bartels, 2017], но их оппоненты, чьи модели включают переменные, связанные не только с экономическими показателями, но и с правительственные реакциями, демонстрируют значимость последних, в частности, на примере наводнения в Германии в 2002 г. [Bechtel, Hainmueller, 2011].

Несмотря на то, что разработка проблематики ретроспективного голосования в условиях природных внешних шоков продолжается уже не первый год, среди исследователей не существует единого мнения о том, насколько избиратели рациональны при оценке правящих сил и есть ли действительная взаимосвязь между правлением инкумбента и результатами голосования. Часть исследователей по-прежнему придерживаются теории слепой ретроспективы: по их мнению, избиратели без разбора наказывают власти за неблагоприятные ситуации [Achen, Bartels, 2017; 2004; Bodet et al., 2016]. Другие видят взаимосвязь между действиями властей и их электоральной поддержкой [Heersink et al., 2017; Eriksson, 2016; Gasper, Reeves, 2011]. Мы согласны с точкой зрения, согласно которой умение избирателя различать некомпетентность правительства и влияние неподвластного правительству внешнего шока являются важной основой демократической подотчетности.

В порядке компромисса между акцентом на слепой ретроспективе и приоритетным оцениванием избирателями работы властей некоторые эмпирические исследования доказывают, что действия правительства, направленные на нивелирование последствий

природных бедствий, или делают снижение поддержки инкумбента менее явным, или полностью компенсируют электоральное влияние кризиса. В частности, это доказывается примером Индии, где, с одной стороны, малое количество осадков в засушливых аграрных регионах побуждает избирателей искать виноватого и наказывать инкумбента снижением поддержки, но с другой – денежные выплаты на территориях, пострадавших от засухи, побуждают избирателей вознаграждать инкумбента [Cole et al., 2012].

Неоднозначность связи между природными бедствиями и голосованиями заставляет вводить поправки на базовые политические или же социальные характеристики территорий, электоральная реакция которых в одних и тех же условиях может быть разной. Например, исследование муниципальных выборов в канадском городе Калгари в 2013 г. показало, что уровень поддержки мэра в целом был ниже в районах, пострадавших от наводнения, но в зависимости от выбранной методики анализа это могло быть следствием как силы самого наводнения, так и различий между районами в плане поддержки действующего городского правительства [Bodet et al., 2016]. Схожий вывод был получен в Хорватии: при исследовании наводнения в 2014–2015 гг. авторы обнаружили, что снижение поддержки инкумбента в пострадавших от наводнения районах в первую очередь обусловлено социально-экономическими характеристиками районов, а не собственно последствиями наводнения [Bovan et al., 2018]. Другими словами, исследовательским мейнстримом является признание ограниченного влияния экзогенных шоков и катастроф на динамику голосования за инкумбента.

События, связанные с развитием пандемии коронавируса, дают богатую почву для исследования влияния этой катастрофы на электоральные процессы: по данным, агрегированным исследовательским центром университета им. Дж. Хопкинса, пандемия затронула весь мир¹. Ранее исследователи электоральных процессов в условиях катастроф обращали основное внимание на крупные и «разовые» природные бедствия – наводнения, землетрясения, извержения вулканов и прочее. Пандемия растянута по

¹ COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). Mode of access: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/dashboards/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6> (accessed: 20.02.2022).

времени, обладает внутренней волнообразной динамикой, характеризуется крайне неравномерным распространением, что делает анализ ее влияния на выборы непростым вызовом для политической науки с точки зрения выбора методики исследования и формулирования рабочих гипотез.

Существующие исследования можно разделить на те, в которых изучается воздействие пандемии на институт голосования, и те, где в центре внимания оказываются изменения в избирательных предпочтениях.

Согласно мнению многих исследователей, выборы как механизм демократии в период пандемии подверглись значительной угрозе: в разных странах, в зависимости от принятых мер по обеспечению безопасного голосования, наблюдались манипуляции избирательным процессом, ставящие под сомнение прозрачность, справедливость и эффективность выборов как механизма подотчетности действующего правительства. Большое внимание привлекли выборы в посткоммунистических государствах, имеющих сравнительно небольшой опыт демократического развития. В частности, в Польше президент Анджей Дуда использовал административный ресурс и контроль над СМИ, чтобы повысить уровень своей поддержки, а в Черногории и Хорватии правящие элиты манипулировали датой переноса выборов таким образом, чтобы дата голосования совпала с более благоприятной социальной-экономической ситуацией. Не были исключением и западные демократии: из-за того что выборы мэра в Лондоне были отложены на год, независимые кандидаты были фактически лишены возможности участвовать в них, так как не обладали достаточной ресурсной базой для проведения новой предвыборной кампании [James, Alihodzic, 2020].

Исследователями однозначно обозначена проблема неочевидности прозрачного и равного голосования в условиях пандемии [Safarpour, Hanmer, 2020; Landman, Spledore, 2020]. Ожидаемым последствием пандемии становится и проблема обеспечения явки, что в свою очередь влияет на легитимность выборов. Снижение явки рассматривается как прямое следствие опасений избирателей за свою жизнь и здоровье: чем ближе эпицентр заболеваемости, тем ниже явка. Например, это касается муниципальных выборов во Франции, прошедших весной – летом 2020 г. – даже если в планы властей не входило намеренное ограничение явки, оно стало неиз-

бежным последствием распространения болезни [Noury et al., 2021]. Наиболее значительным считается снижение явки в Сирии, которое отчасти объясняется опасением избирателей за жизнь и здоровье, а отчасти – недоверием к честности выборов. Также явка сильно понизилась в Иране и Гвинее (в Гвинее дополнительной причиной стало бойкотирование выборов оппозицией). Тем не менее в Бурунди, Польше и Южной Корее явка, напротив, возросла [James, Alihodzic, 2020].

Еще один аспект, освещенный в исследованиях, – слабость и неспособность демократических институтов обеспечить эффективное выполнение введенных правительствами ограничительных мер и нежелание отдельных электоральных групп следовать ограничениям. В частности, в Италии приверженцы правых партий соблюдали введенный правительством режим в меньшей степени, а территории, поддерживающие правых, при этом сильнее пострадали от коронавируса [Barbieri, Bonini, 2021]¹.

Авторы, рассматривающие отдельные страновые кейсы, не объясняют общей логики и обычно обосновывают произошедшие изменения через те или иные частности, что не позволяет понять общую картину влияния пандемии на институт выборов. Изменение электоральных предпочтений в исследованиях также носит фрагментарный характер. Многие исследователи обсуждают влияние партийной идеологии на динамику поддержки в условиях пандемии. Кейс Испании, где проводились серии опросов до и после начала пандемии, демонстрирует рост спроса на сильное лидерство и уверенный «национальный, а не европейский или международный» ответ на вызов пандемии: «чрезвычайное событие, такое как пандемия COVID-19, создает, по крайней мере в краткосрочной перспективе, благоприятные условия для эрозии демократических принципов, поскольку общественное мнение, похоже, относительно готово принять технократический или авторитарный поворот. Следовательно, COVID может предоставить акторам возможность централизовать и накопить власть, а также усилить наблюдение и контроль» [Amat et al., 2020, p. 3–4].

¹ При этом кейс Италии демонстрирует независимость результатов от контрольных переменных, представленных социально-экономическими и географическими характеристиками территорий, и акцентирует внимание исследователей на идеологическом расколе в обществе.

В логике выявления наиболее успешных идеологий в период пандемии главный интерес представляет феномен популярности правых партий, но и в этом вопросе между исследователями существует коренное расхождение: пока одни рассуждают о вызванном пандемией «правом повороте», другие акцентируют внимание на потере поддержки правыми партиями. Кейсы США и Польши подтверждают рост популярности правых игроков: из-за тревоги за жизнь и здоровье избиратели активнее, чем на предыдущих выборах, голосовали за консервативных кандидатов [Karwowski et al., 2020]¹. Тем не менее в Польше успеху А. Дуды отчасти способствовали манипуляции общественным мнением и блокирование оппозиции [James, Alihodzic, 2020]. Аналогично в США республиканцы на выборах в парламент могли пользоваться преимуществом своего инкумбента, так как Д. Трамп, представитель Республиканской партии, находился у власти. А вот в странах, где правые были в оппозиции во время пандемии, их положение, напротив, могло еще больше пошатнуться. Дело в том, что коронавирус затмил проблемы миграции и национальной идентичности, которым в предвыборном контексте правые политики уделяют особое внимание, что в свою очередь лишило их части ядерного избирателята [Bar-On, Molas, 2020].

Интересным оказывается не само по себе « поправление» избирателя (там, где оно действительно случилось), а его причины, вызванные условиями пандемии. Как уже упоминалось в контексте Испании, пандемия коронавируса могла сыграть роль в повышении популярности националистических идей и вызвать так называемый эффект « сплочения вокруг флага» – в борьбе с коронавирусом некоторые правительства, даже позиционирующие себя левыми или центристскими, могли задействовать «жесткую» риторику, типичную для правых сил. Тем не менее, как показал пример Чешской Республики, повышение интереса общества к правым идеям определялось не объединением против «внешнего врага», а углублением раскола между националистами и глобалистами внутри страны, что оказалось одним из интересных последствий пандемии [Šebesta, Turcsanyi, 2021].

¹ В случае США отмечается прирост числа голосов в поддержку республиканского инкумбента, что, однако, не спасло его от поражения.

Таким образом, существующие исследования динамики эlectorальных предпочтений в период пандемии могут быть сфокусированы на двух измерениях. С одной стороны, ставятся исследовательские вопросы о возможном росте поддержки правых, националистических и авторитарных идей. Как ясно из сказанного выше, подобные исследования не дают однозначных результатов ни в отношении наличия общей тенденции, ни по поводу возможных причин данного явления. С другой стороны, интерес представляет поддержка инкумбентов в период пандемии, где их идеологическая ориентация становится второстепенной, а на первый план выходит успешность борьбы с социально-экономическими последствиями пандемии.

При этом важно учитывать возможность использования инкумбентами своих «встроенных» институциональных преимуществ. Особо можно выделить исследования, в которых пандемия представлена в качестве инструмента манипуляции общественным мнением. Отмечена склонность инкумбентов в предвыборный период смягчать противокоронавирусные меры и концентрироваться на поддержании экономической ситуации, рассчитывая на положительный эффект ретроспективного голосования. Политики, рассчитывающие на переизбрание, обычно склонны вводить более мягкие ограничения, чем те, кто не может переизбраться [Pulejo, Querubin, 2021].

В целом исследования эlectorального влияния пандемии, как правило, ограничиваются изучением отдельных кейсов, относящихся к выборам в демократических государствах Северной Америки или Европы. Даже в условиях ограниченной выборки имеющиеся исследования не выявляют общих закономерностей и оставляют без внимания вопрос о том, как в целом трансформируется эlectorальное поведение в эпоху пандемии.

Учитывая противоречивые результаты анализа эlectorального поведения в условиях пандемии, в данной работе мы ставим исследовательский вопрос о том, какая комбинация условий обеспечивает рост или снижение эlectorальной поддержки инкумбента в том или ином государстве. Вопрос о сочетании условий или, иными словами, о сценарном разнообразии избирательных кампаний представляется нам особенно важным и оправданным, поскольку проведенный обзор литературы свидетельствует о том,

что связи между явлениями в период пандемии не носят одномерного и одностороннего характера.

Наше исследование построено в традиции анализа ретроспективного голосования, учитывающего как динамику социально-экономических показателей, так и действия правительства в связи с этим. Одновременно ретроспективное голосование в условиях гуманитарного кризиса предполагает учет не только экономики, но и обстоятельств развития кризисного процесса, вызвавшего экономическую динамику и активность правительства, т.е. пандемии.

Конечной целью исследования является выявление условий определенной (позитивной или негативной) динамики электоральной поддержки инкумбента. На наш взгляд, условия, в которых проходит избирательная кампания, можно разделить на четыре группы. Во-первых, это ход пандемии, т.е. динамика заболеваемости и смертности, связанных с коронавирусом. Во-вторых, – социально-экономические условия, сформировавшиеся под воздействием пандемии и представляющие собой, как правило, ухудшение показателей экономического развития, уровня жизни граждан, безработицы и т.п. В-третьих, интерес представляют действия правительства, связанные с введением, отменой и корректировкой разного рода ограничений на передвижение граждан, работу тех или иных предприятий, использование средств индивидуальной защиты, а также действия, направленные на поддержку граждан и экономики. В-четвертых, нам представляется важным учесть фактор политического режима, поскольку в разных политических условиях инкумбент может по-разному или в разной степени использовать свои институциональные преимущества для сохранения власти. Кроме того, режимные характеристики могут по-разному влиять на поведение граждан в условиях кризиса.

Гипотезы исследования основываются на предположениях о том, какое влияние на позиции инкумбента способны оказать отмеченные выше условия проведения кампании.

H1 предполагает, что в логике «классической» экономической ретроспектизы резкое ухудшение социально-экономической ситуации в период пандемии приведет к снижению поддержки инкумбента.

H2 исходит из того, что эффективные ограничительные меры в период пандемии способны сохранить или повысить поддержку инкумбента на выборах.

НЗ постулирует, что более высокий уровень политической свободы делает избирателей более требовательными к своим правительствам.

Данные и отбор предикторов

В работе рассмотрено влияние факторов, так или иначе связанных с пандемией COVID-19, на поддержку инкумбента. Анализ ретроспективного голосования включает в их число основные, и при этом наиболее доступные для сравнительного кросс-национального исследования, экономические переменные – динамику ВВП на душу населения и динамику уровня безработицы¹. Изменение уровня безработицы – особенно интересная переменная, так как пандемия и введенные правительствами ограничительные меры спровоцировали массовую потерю рабочих мест, невозможность людей продолжать работу из-за введения карантина или в связи с экономическим кризисом [Adams-Prassl et al., 2020].

Другая категория переменных – «ковидная», где мы рассматриваем уровень заболеваемости (количество заболевших на 1 млн человек в день выборов). Наряду с этим рассматривается строгость введенных правительством ограничений, оцененная проектом «COVID-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University» по 100-балльной шкале² – показатели взяты на дату выборов.

В качестве дополнительной переменной рассматривается влияние уровня политической свободы. Тем самым осуществляется попытка ответить на вопрос о том, корректирует ли политический режим восприятие правящей партии в период пандемии, а

¹ При анализе используются динамика ВВП на душу населения, рассчитанная как разница между уровнем ВВП на душу населения в 2020 и 2019 гг. в долларах США, приведенных к 2015 г., динамика уровня безработицы, рассчитанная как разница процентных пунктов между уровнем безработицы в 2020 и 2019 гг. Естественные ограничения такого подхода обусловлены отсутствием подобных данных непосредственно на дату выборов (подробнее см.: The World Bank. Indicators. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата посещения: 14.12.2021)).

² 0 – правительство не предприняло меры по борьбе с заболеванием, 100 – меры максимально строгие (см.: <https://ourworldindata.org/coronavirus>).

также помогают ли инкумбенту его преимущества в авторитарных режимах¹.

Временные ограничения для массива данных заданы началом пандемии (11 марта 2020 г.) и концом 2020 г. Они определяются сложностью обеспечить исследование достоверной единообразной статистикой за более поздний период 2021 г. Из анализа исключены несколько стран, в которых выборы прошли в самом начале периода и не были подвержены влиянию пандемии (в них на момент выборов отсутствуют заболевшие или умершие из-за коронавируса, не введены меры против распространения вируса). При этом мы не исключали из исследования несвободные государства (как для обеспечения полноты спектра исследуемых примеров, так и с учетом того, что при более низком уровне достоверности результатов их динамика, которую мы и рассматриваем в работе, может быть корректной). Однако мы не рассматривали президентские выборы в Таджикистане, где полностью отсутствовала реальная конкуренция, и выборы президента Беларуси, завершившиеся массовыми протестами против их итогов. Кроме того, в анализ не были включены выборы в некоторых небольших островных государствах (из-за сложностей со сбором статистики), выборы в верхние палаты парламентов, избыточные для анализа, некоторые выборы в государствах, не предоставляющих полноценную электоральную статистику.

Количественно в анализ включены 43 наблюдения, каждое из которых представляет собой общенациональные президентские или парламентские выборы².

В качестве инкумбента рассматривается партия, контролирующая исполнительную власть (президентская партия или, для режимов со «слабыми» президентами или их отсутствием, партия премьер-министра). В случае проведения выборов в два тура исследовался результат первого тура, как демонстрирующий более

¹ Анализ проводится с использованием соответствующего индекса Freedom House. Индекс рассматривается как сумма двух показателей: политических прав, измеренных по шкале от 0 до 40, и гражданских свобод, измеренных по шкале от 0 до 60 (подробнее см.: Freedom House. Countries and territories. Washington, DC, 2021. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores> (accessed: 14.12.2021)).

² Подробнее см.: International Foundation for Electoral Systems (IFES). – Mode of access: <https://www.electionguide.org/elections/> (accessed: 14.12.2021).

искренние предпочтения избирателей (динамика также рассчитывалась как разница результатов инкумбента в первых турах на выборах в настоящем и предыдущем электоральном циклах).

Выборка, анализируемая в работе, отличается высокой неоднородностью показателей. Большинство кампаний – 27 из 43 – парламентские выборы. В двух случаях всеобщих выборов динамика даже была разнонаправленной: в Буркина-Фасо поддержка президента, принадлежащего к партии «Народное движение к прогрессу», возросла на 4,4 п. п., в то время как поддержка его партии на парламентских выборах снизилась на 13,6 п. п., а в Нигере на парламентских выборах Партия за демократию и социализм Нигера получила прирост голосов на 0,9 п. п., тогда как на президентских наблюдалось снижение поддержки на 9,1 п. п.

По вектору динамики поддержки инкумбента выборка поделилась примерно пополам, но все же с перевесом в пользу положительной динамики, что отражает неоднозначность изучаемого электорального процесса. Немногим более половины всех кейсов демонстрируют рост поддержки инкумбента – всего таких случаев 25 из 43. Наиболее значительный рост поддержки наблюдался в Исландии: там 27 июня 2020 г. прошли выборы, на которых действующий президент был переизбран, набрав 92,2% голосов (на 53,7 п. п. больше, чем на предыдущих выборах). Значительно укрепить свой успех (с ростом поддержки более чем на 10 п. п.) смогли правящие акторы в Новой Зеландии, Сербии, Бурунди, Кот-д'Ивуаре на парламентских выборах и в Танзании на президентских. Наиболее значительное снижение поддержки произошло на парламентских выборах в Суринаме, где партия-инкумбент потеряла 21,4 п. п., а в Доминиканской Республике кандидат в президенты от правящей партии лишился 24,32 п. п.

Раскол выборки на две почти равные части с возможностью резких электоральных сдвигов в обе стороны контрастирует с более однозначной негативной экономической динамикой. Как продемонстрировала динамика ВВП на душу населения, экономический спад испытали все страны, кроме Гвинеи. Наиболее резкий спад наблюдался в Исландии и Сингапуре, где ВВП упал на 1 тыс. долл. на душу населения¹. Практически односторонней является и динамика безработицы, которая в наибольшей мере выросла в

¹ В долларах 2015 г.

США (на 4,64 п. п.) и Тринидаде и Тобаго (на 3,28 п. п.). Снижение безработицы удалось обеспечить только в Грузии (на 2,3 п. п.).

Наибольшее количество заболевших непосредственно в день выборов было отмечено в США (28,5 тыс. новых случаев заболевания коронавирусом на млн человек). Также высокие показатели заболеваемости наблюдались в Румынии, Молдавии, Боливии и Белизе. Страны, в которых выборы прошли в начале весны 2020 г., напротив, демонстрировали низкий уровень заболеваемости (Израиль, Гвинея – около одного заболевшего на млн человек), но ограничения (в случае Израиля) уже вводились.

По строгости введенных правительством мер на момент выборов страны распределены более-менее равномерно. В Северной Македонии и Черногории, где выборы прошли в июле и августе 2020 г. соответственно, информации по введенным ограничениям нет, и они рассматриваются экспертами как страны, где правительства не предприняли значительных мер для борьбы с пандемией. Наибольшей строгостью ограничительных мер отличаются Южная Корея, где парламентские выборы состоялись в апреле 2020 г. (82,41 балла из 100), и Боливия, где всеобщие выборы прошли в октябре (81,48 балла).

На этапе предварительной работы с данными была выявлена высокая неоднородность выборки: одно и то же значение каждого параметра могло соответствовать как росту поддержки инкумбента в одних случаях, так и ее снижению в других. В этих условиях требовалось выбрать метод исследования, позволяющий учесть столь существенные различия между страновыми тенденциями.

Применяемый в работе метод – качественный сравнительный анализ нечетких множеств (fuzzy set QCA) – позволяет исследовать выборку, имеющую недостаточную размерность для большинства статистических методов, учитывая при этом индивидуальные особенности наблюдений. Результат подобного инструмента анализа соответствует поставленному нами исследовательскому вопросу – он позволяет выделить группы наблюдений, объединенные общими наборами характеристик, и выявить совокупности характеристик, наиболее характерные для исследуемого явления [Ragin, 2000; Ragin, 2008].

Учитывая специфику метода, данные были преобразованы в значения в диапазоне от 0 до 1, где «1» – это значение показателя, при котором поддержка инкумбента будет расти, а «0» – значение,

при котором поддержка инкумбента снизится. Предварительно предполагается, что росту поддержки инкумбента будут способствовать положительная динамика ВВП (или, возвращаясь к характеру данных, менее выраженная отрицательная динамика), снижение уровня безработицы (или умеренный прирост), низкий уровень заболеваемости и низкий уровень политической свободы в стране, а также строгие меры по борьбе с пандемией.

Границы калибровки были определены графическим образом (на основе графиков разброса значений). Для изменения уровня поддержки инкумбента пороговыми значениями являются: -5 п. п., 0 п. п., 5 п. п.¹, для уровня свободы – 28 баллов, 55,4 балла и 78 баллов², для изменения ВВП на душу населения: -1000 долл. на душу населения, -500 долларов на душу населения, 0 долларов на душу населения, для изменения уровня безработицы: 3 п. п., 0 п. п., -3 п. п., для логарифмированного количества заболевших: 4, 2 и 0, для уровня строгости мер: 10, 45 и 80 баллов. Откалибранные данные, превращенные в строгие множества, путем булевой минимизации (отсева нерелевантных условий) позволили получить представление о наиболее простых сочетаниях объясняющих факторов, о конфигурациях, отражающих закономерности, которые ведут к росту или снижению избирательной поддержки.

Результаты анализа

Анализ необходимости условий продемонстрировал низкую инклузивность условий «снижение уровня безработицы», «количество заболевших на млн населения» и «строгость мер» (см. табл. 1) – это фактически означает, что не существует однозначной зависимости изменения поддержки инкумбента от данных параметров: кейсы распределены по исходам примерно поровну, подчеркивая, что именно эти параметры, будучи значимыми, не дают сами по себе однозначных результатов.

¹ Здесь и далее калибровка произведена посредством логистической функции. Первым дан нижний порог (содержательно – неуспешный исход), средний порог (нейтральный исход), верхний порог (успешный исход).

² Данные границы соответствуют эмпирическим границам свободных и несвободных стран, а также среднему значению индекса частично свободных стран.

Таблица 1
Анализ необходимости условий в модели

	Инклузивность	Покрытие	Релевантность
Уровень свободы	0,651	0,517	0,488
Рост ВВП	0,717	0,656	0,665
Снижение уровня безработицы	0,458	0,699	0,857
Количество заболевших на млн населения	0,411	0,746	0,902
Строгость мер	0,536	0,582	0,705

Согласно используемому нами методу, процесс минимизации моделей выводит на девять конфигураций – следующие формальные комбинации условий¹, ведущие в шести случаях к росту поддержки инкумбента, а в трех – к снижению (табл. 2).

Таблица 2
Таблица истинности и количественная оценка конфигураций²

N	Уровень свободы	Изменение ВВП	Изменение уровня безработицы	Низкая заболеваемость	Строгость мер	Число случаев
Конфигурации положительных исходов*						
1.	0	1	-	1	0	4
2.	0	1	0	0	-	6
3.	0	1	0	-	0	5
4.	1	1	-	1	1	1
5.	1	1	0	-	1	5
6.	-	1	0	0	1	5
Конфигурации отрицательных исходов**						
7.	1	0	0	-	1	5
8.	1	-	0	0	0	6
9.	-	0	0	0	1	5

* Среди конфигураций с положительным исходом алгоритмически было выявлено уникальное объяснение парламентских выборов в Израиле, прошедших в начале марта 2020 г., и в Сербии во второй половине июня 2020 г. В силу индивидуальных особенностей (очень ранняя дата выборов, не вполне релевантные значения переменных) кейс Израиля не был включен в итоговый анализ. Уникальность случая Сербии может быть объяснена отказом оппозиции от участия в выборах, что повлияло на их исход самым решающим образом.

** Конфигурации действительны для порога инклузивности, равного 0,6.

¹ Конфигурации действительны для порога инклузивности, равного 0,7.

² В таблице 2 единицы и нули соответствуют проведенной нами калибровке значений. Следуя предварительным предположениям, единице соответствуют ситуации, ведущие к укреплению позиций инкумбента, – невысокий спад ВВП, снижение безработицы, низкая заболеваемость, высокая строгость ограничительных мер. Также в качестве единицы зафиксирован более высокий уровень политической свободы.

Первая конфигурация позитивного исхода для правящей партии, как и вторая, и третья, встречается в условиях низкого уровня политической свободы. В силу географической специфики их можно назвать «африканскими». При первом сценарии избирателю важно, чтобы власти, учитывая небольшой уровень заболеваемости, не вводили жестких ограничительных мер, а экономика не испытывала резкого падения. Такому «спокойному» варианту избирательной кампании в авторитарном режиме соответствовали выборы президента Танзании. Аналогичный и географически соседний пример – Бурунди, где в один день прошли президентские и парламентские выборы. Вторая конфигурация демонстрирует отсутствие негативной реакции избирателей уже на высокую заболеваемость, но при сохранении ВВП и несмотря на рост безработицы, третья конфигурация – спокойное отношение к безработице опять-таки при отсутствии резкого экономического спада и сохранении мягкого ограничительного режима. Этим сценариям соответствовали выборы в ряде африканских стран: более аутентичными примерами второго сценария служат президентские выборы в Гвинее и Кот-д'Ивуаре, а третьего – парламентские выборы в Гвинее. К этой группе сценариев относятся парламентские выборы в Нигере, президентские в Центрально-Африканской Республике и Буркина-Фасо. Наконец, ко второму сценарию близки парламентские выборы в Мьянме¹.

Четвертая и пятая «позитивные» конфигурации, напротив, предполагают более высокий уровень политической свободы в государстве, и вместе с тем – строгие ограничительные меры. Если при этом падение экономики и заболеваемость невелики (в четвертом сценарии), то избиратели положительно оценивают строгость ограничений и охотно поддерживают инкумбента. Эмпирически четвертый сценарий оказался в нашем исследовании очень редким (ближе к нему находится только пример Малави), более распространенной стала логичная для ретроспективного голосования пятая конфигурация, при которой отсутствие резкого спада ВВП и строгие ограничительные меры приводят к росту поддержки ин-

¹ В случае Мьянмы речь идет об электоральной поддержке демократически избранного правительства, сосуществовавшего с военным режимом, наличие которого и приводит к тому, что государство принято считать несвободным. Собственно, выборы закончились отменой их результатов и концентрацией власти в руках военных.

кумбента несмотря на сильный рост безработицы. Ярким примером этого сценария стали парламентские выборы в Румынии, где Национальная либеральная партия, к которой относились и президент страны, и глава правительства, смогла нарастить поддержку избирателей. Близок к этому сценарию и популярный среди исследователей пример Польши с ее ростом поддержки правоконсервативных сил (но в данном случае ограничительные меры в момент выборов были ближе к средним и слабее, чем в Румынии).

Для последней «позитивной» конфигурации фактор политического режима значения не имеет. Эта конфигурация формируется при высокой заболеваемости, в условиях строгих ограничительных мер, несмотря на рост безработицы и (как и все конфигурации роста поддержки инкумбента) при отсутствии слишком негативной динамики ВВП. Связанные с ней примеры повторяются и в других конфигурациях; к ним, в частности, можно отнести всеобщие выборы в Боливии.

В целом мы видим, что по итогам избирательных кампаний 2020 г. наиболее ярко выраженным оказался «африканский» сценарий роста поддержки инкумбента в условиях авторитарного режима и мягких коронавирусных ограничений. Еще в некоторых случаях избиратели, напротив, позитивно оценили сочетание строгости ограничений с умеренным ухудшением общеэкономических условий, посчитав его заслугой правительства и «простили» ему в ряде случаев резкий рост безработицы и заболеваемости.

Процесс минимизации второй модели – для отрицательного результата (снижения поддержки инкумбента) – предлагает три конфигурации.

В более свободных странах возможными оказываются две принципиально разные по условиям, но схожие по смыслу конфигурации спада поддержки инкумбента. Одна из них реализуется при строгих ограничительных мерах. В таком случае инкумбент теряет поддержку вместе с резким падением ВВП и ростом безработицы. Эта конфигурация наилучшим образом отвечает логике ретроспективного голосования, где избиратели оценивают строгие меры правительства по борьбе с пандемией как неэффективные в сфере экономики и наказывают правящую партию. На практике такой «рациональный» сценарий проявился не в классических западных демократиях, а в небольших государствах Карибского бассейна – на всеобщих выборах в Доминиканской Республике, пар-

ламентских выборах в Белизе, Суринаме, Тринидаде и Тобаго. В частности, выбор в пользу строгих мер в ухудшающейся экономической ситуации спровоцировал очень значительное снижение поддержки инкумбента в Доминиканской Республике и Суринаме.

Однако в странах с более высоким уровнем политической свободы возможен и сценарий «наказания» инкумбента при мягких ограничительных мерах. В таком случае люди выражают недовольство высоким уровнем заболеваемости и ростом безработицы, считая, вероятно, что правящая партия не прилагает активных усилий для решения нарастающих проблем.

В частности, на Сейшельских островах партия «Объединенные Сейшэлы», которая много лет находилась у власти, потеряла на всеобщих выборах более 6 п. п. (6,6 п. п. на президентских и 6,8 п. п. на парламентских выборах). Уровень безработицы в этой стране за первый год пандемии вырос на 1,24 п. п., при этом мягкие меры (31,5 балла) не могли сдержать крайне высокую заболеваемость. Победу на выборах президента впервые за много лет одержал оппозиционер Уовел Рамкалаван, а его Национальная сейшельская партия, уже имевшая большинство в парламенте с 2015 г., смогла упрочить свое положение. В аналогичных условиях в Черногории Демократическая партия социалистов потеряла на парламентских выборах 5,8 п. п. и впервые за посткоммунистические годы лишилась власти в стране. Менее ярко выраженным этот сценарий оказался в Северной Македонии – со спадом поддержки на 0,8 п. п. Социал-демократический союз оказался неспособен самостоятельно сформировать парламентское большинство. При этом в последних двух случаях правительствами предпринимались слабые меры по борьбе с пандемией. Наконец, в эту же группу попала Гана, которая качественным образом отличалась от своих более авторитарных африканских соседей.

Третья конфигурация снижения поддержки правящей партии демонстрирует нерелевантность уровня свободы. Она выглядит весьма простой и логичной, проявляясь при негативной экономической ситуации и строгих ограничительных мерах, не сдержавших высокую заболеваемость. Ярким примером служит Сингапур, где избиратели наказали несменяемого инкумбента (правда, не лишив его власти) за строгие, но неэффективные меры (строгость мер составила 50,93 балла, заболеваемость – 8,4 тыс. случаев на

1 млн человек): Партия народного действия потеряла на парламентских выборах 8,7 п. п.

Отдельный интерес, согласно методике, представляет рассмотрение контрадикторных случаев – таких случаев, которые несмотря на положительную конфигурацию привели бы к отрицательному исходу, и наоборот. Всего анализ выявил 11 контрадикторных кейсов: четыре из них являются примерами снижения поддержки инкумбента при соответствии конфигурациям, способствующим росту электоральной поддержки, остальные семь – напротив, примерами не-предвиденного роста поддержки. Контрадикторность, как показывает детальный анализ кейсов, не противоречит сделанным выше выводам и может быть контекстуально объяснена дополнительными, не учтенными в модели специфическими условиями электорального конкурентного поля или институциональными особенностями политической системы.

Например, «африканскому» сценарию противоречат президентская кампания в Нигере и парламентская – в Буркина-Фасо. В Буркина-Фасо и Нигере партии-инкумбенты в тот же день испытали повышение поддержки на президентских и парламентских выборах. Там очевидна разнонаправленность тенденций, которая может быть следствием структурных особенностей конкурентного поля: в Буркина-Фасо, несмотря на значительное снижение поддержки, партия президента «Народное движение за прогресс» сохранила доминирующие позиции в парламенте за счет победы в подавляющем числе округов, а в Нигере кандидат в президенты от Партии за демократию и социализм, несмотря на снижение электоральной поддержки во время первого тура выборов, был переизбран во втором.

Контрадикторным случаем другого рода является Литва, где произошло «необычное» снижение электоральной поддержки инкумбента при введении успешных строгих мер. В этом случае избиратели дифференцировали ответственность в сложно устроенном коалиционном правительстве: «Союз крестьян и зеленых», сформировавший коалиционное правительство в 2016 г., все же испытал снижение поддержки на 3,44 п. п., уступив большинство мандатов и лидерскую роль в парламенте консервативному «Союзу отечества». В Монголии, в свою очередь, нетипичный результат

был спровоцирован внутрипартийным конфликтом между действующим президентом Х. Баттулгой и его Демократической партией¹.

Остальные контрадикторные случаи касаются «необычного» роста избирательной поддержки. Так, дифференциация ответственности за кризис сказалась на итогах выборов в Хорватии в условиях борьбы между партиями президента (Социал-демократическая партия) и премьер-министра («Хорватское демократическое единство», ХДС). ХДС, определенное в данном исследовании как партия-инкумбент, испытало на выборах небольшой рост избирательной поддержки на 0,76 п. п., сохранив за собой парламентское большинство. В Новой Зеландии Лейбористская партия укрепила свои позиции гораздо больше – на 14,2 п. п., что явилось результатом последовательной потери позиций ее основным оппонентом – Национальной партией. В Шри-Ланке при аналогичных условиях на рост поддержки инкумбента повлияла консолидация элиты: на парламентских выборах избирательную поддержку нарастил Народный фронт Шри-Ланки, возглавляемый премьер-министром М. Раджапаксой, братом победившего в 2019 г. на президентских выборах Г. Раджапаксы. В США рост процентной поддержки Д. Трампа на президентских выборах и Республиканской партии на парламентских в реальности обернулся потерей президентского кресла в условиях еще более существенного роста поддержки демократов, так что этот случай нельзя назвать подлинно контрадикторным. В Исландии на результат тоже повлияла специфика конкуренции, а в данном случае – скорее ее отсутствие: беспрецедентное увеличение избирательной поддержки обусловлено президентскими выборами, позволившими инкумбенту Г. Йоханнессону получить на 53,7 п. п. больше голосов, чем в 2016 г. Наконец, Ямайка продемонстрировала рост поддержки правящей Лейбористской партии на 6,9 п. п. при крайне низкой явке (37%), искажившей избирательные предпочтения избирателей.

Контрадикторные случаи позволяют получить первое представление о неучтенных условиях, влияющих на избирательные процессы помимо пандемии: среди них могут быть состав участников выборов и особенности конкурентного поля, подозрения в

¹ Большинство мандатов (62 из 76) принадлежит по-прежнему Монгольской народной партии, Демократическая партия получила 11 мандатов из 76.

фальсификациях или институциональные характеристики электоральных процессов. Появление таких случаев, как показывает анализ, означает необходимость дополнительного изучения факторов электорального контекста, оставленных за рамками нашей модели.

Наконец, три принципиально различных по электоральному итогу кейса в результате анализа не были определены в какую-либо группу: парламентские выборы в Южной Корее, где Объединенная демократическая партия сохранила доминирование в парламенте, получив на 8,6 п. п. больше голосов, чем в 2017 г., парламентские выборы в Грузии, где несмотря на снижение электоральной поддержки на 0,5 п. п. партия «Грузинская мечта – демократическая Грузия» сохранила парламентское большинство, и президентские выборы в Молдове, где, наоборот, кандидат от Партии социалистов проиграл и в первом, и во втором туре.

По итогам проведенного анализа мы не видим простых и однозначных закономерностей, но некоторые условия начинают обретать свои электоральные смыслы. В целом исследование демонстрирует значимость всех предложенных условий, каждое из которых встречается в семи-восьми сценариях из девяти (только заболеваемость присутствует в шести сценариях). Но, как сказано выше, сохраняется потенциал и для изучения факторов другого рода, связанных, например, со структурными характеристиками партийных систем и электорального поля. В любом случае о «слепой» ретроспективе речи не идет, иначе пандемия опрокинула бы едва ли не все правительства в мире.

Одну из самых интересных развилок создает фактор политического режима. Например, первая конфигурация с отрицательным исходом показывает, как в демократических режимах работает классический механизм экономической ретроспективы, при котором избиратели наказывают инкумбента за масштабный экономический кризис, ставший следствием строгих мер. Вторая «негативная» конфигурация соответствует тем демократическим странам, где избиратели, наоборот, наказали инкумбентов за мягкие ограничительные меры, не сдержавшие заболеваемость и безработицу. В обоих случаях можно говорить о рациональной реакции избирателей в свободных странах на неэффективность ограничительных мер. Налицо и «зеркальные» сценарии поощрения инкумбентов в демократиях в случае строгих мер и умеренного спада ВВП.

Тем временем в несвободных странах мы не выявили ни одного присущего только им сценария наказания инкумбента, но зато видим сразу три сценария поощрения. Отчасти это можно объяснить более жестким политическим контролем и медийными манипуляциями, но дело не только в этом. Так, только в менее свободных странах избиратели готовы поддерживать слабые ограничительные меры, если при этом не происходит резкого спада в экономике. Вероятно, мягкие ограничительные меры могут играть важную компенсаторную роль для общества и его спокойствия в условиях дефицита демократии. Напротив, только в свободных странах избиратели склонны проявлять недовольство мягкими ограничительными мерами, а также ценить строгие, но эффективные ограничения.

Тем не менее для роста поддержки инкумбента при любом режиме обязательным условием является отсутствие резкой отрицательной динамики ВВП (аналогично резкий спад в экономике, как правило, но не всегда, ведет к «наказанию»). Интересно, что с безработицей дело обстоит не совсем так: как показывает наше исследование, ее резкий рост присутствует во всех сценариях снижения поддержки инкумбента, но возможен и во многих сценариях повышения поддержки – поскольку избиратель в период пандемии, как выясняется, больше обеспокоен общим состоянием экономики и, вероятно, готов терпеть личные трудности. Об этом же свидетельствует и готовность поддерживать ограничения личных свобод, но тоже только при отсутствии зримого обвала в экономике.

Вообще же, правительственные решения значимы почти во всех конфигурациях, что, конечно, свидетельствует об огромной чувствительности к ним электората. Но вот электоральная реакция на них может быть разнонаправленной и зависеть от других условий: логика наказания за провалы и поощрения за эффективность работает по-разному и в разных политических режимах, и при разной социально-экономической динамике. Например, за мягкие меры по борьбе с пандемией власти поддерживают в менее свободных странах, если там нет резкого ухудшения общекономических показателей, и наказывают при росте заболеваемости и безработицы в демократиях. Строгие меры вызывают положительный отклик также при отсутствии резкого ухудшения общей ситуации в экономике, местами – в сочетании с эффективным сдерживанием заболеваемости. И, напротив, строгость может быть «наказана»

при фронтальном ухудшении социально-экономических показателей, которое в ряде случаев усугубляется высокой заболеваемостью, что в целом всегда оценивается как неэффективность.

В целом наиболее распространенные конфигурации положительного исхода все-таки присущи странам с низким уровнем свободы, где при незначительном ухудшении общеэкономической ситуации инкумбент мог сохранить поддержку избирателей, даже провалив борьбу с заболеваемостью или безработицей. А вот для отрицательного исхода более типичен пример свободных стран, где правительство утрачивало контроль или над экономической ситуацией, или над пандемией. Это позволяет сделать вывод о том, что авторитарные режимы действительно чуть успешнее справились с выборами в период пандемии, чем правящие партии в демократиях, которым явно «повредил» более рациональный подход их избирателей к оценке экономической эффективности властей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет выявить сочетания условий, которые приводят к росту или снижению поддержки правящей партии в условиях пандемии.

Во-первых, социально-экономические факторы, связанные с пандемией, выглядят более весомыми, чем собственно «ковидные» факторы. Избиратели чаще обращают внимание на социально-экономическую динамику, тогда как состояние заболеваемости воспринимается в комплексе с социально-экономическими факторами. Этот вывод также подтверждает значимость ретроспективного экономического голосования, обострившего чувствительность избирателей к благополучию экономики страны в период пандемии. При этом успешность инкумбентов всегда проявлялась в условиях умеренного ухудшения общеэкономической ситуации в государстве: это можно интерпретировать как показатель возросшего внимания избирателей к макроэкономическим трендам в духе социотропного голосования – при готовности терпеть личные проблемы. С этим взаимосвязана не такая высокая чувствительность избирателей к росту безработицы и заболеваемости, прямо связанных с персональным самочувствием избирателей. Тем самым первая гипотеза подтверждается, но с поправкой на ее преимущества.

венную релевантность в отношении общеэкономической динамики в государстве.

Во-вторых, важное значение имеет фактор политического режима. Например, мы видим, что строгие, но эффективные ограничительные меры обычно поощряют в демократиях, а мягкие меры чаще помогают инкумбентам в менее свободных странах. При этом демократические режимы в целом оказываются более чувствительными к типичной логике ретроспективного голосования, связанной с динамикой социально-экономических показателей. Тем не менее налицо и «общечеловеческий» негативный сценарий, когда строгие ограничения при ухудшении как экономики, так и ситуации с заболеваемостью оборачиваются снижением популярности инкумбента. Из этого следует, что вторая гипотеза в целом подтверждается и в прямом (поощрение эффективных мер), и в обратном (наказание за неэффективные меры) вариантах. Но при этом поддержка строгих мер – это все-таки прерогатива демократий, что позволяет говорить о доказательстве третьей гипотезы.

В-третьих, активность или пассивность властей при введении ограничительных мер и борьбе с пандемией, несомненно, привлекает внимание избирателя, но может оцениваться по-разному: непосредственно на выборы влияет оценка эффективности взятого властями курса с точки зрения экономических результатов или собственно заболеваемости.

В-четвертых, нельзя говорить о каком-либо «волшебном» рецепте успеха инкумбента в период пандемии, или же сценарии его обязательного провала. Скорее нами подтверждается неоднозначность тенденций, но методика данной работы позволила выявить различные сочетания условий, ведущих к позитивному или негативному исходу для инкумбента.

Таким образом, в работе выявлена способность избирателейrationально оценивать деятельность правительства, направленную на стабилизацию экономической ситуации и борьбу с пандемией коронавируса – внешним фактором, имеющим продолжительную длительность и разнонаправленное воздействие на социум. В первую очередь избирателей волнуют экономические показатели; кроме того, в странах с высоким уровнем свободы избираторат более чувствителен к эффективности ограничительных мер.

Проведенное исследование является первой попыткой сравнительного кросс-национального анализа выборов в период пан-

демии, проведенного методом QCA. Оно позволило раскрыть наблюдаемую противоречивость электоральных результатов и выявить комбинации условий для различных конфигураций избирательных кампаний. Учитывая продолжение пандемии и появление все новых и новых примеров избирательных кампаний, мы полагаем, что такие исследования нуждаются в продолжении, учитывая дополнительные факторы электорального контекста, а также длительность пандемии и ее новые волны, которые могут менять установки электората.

R.F. Turovsky, E.A. Iokhim*

Elections in the time of plague:

analysis of ruling parties' electoral support during the pandemic

Abstract. In the article we used the method of qualitative comparative analysis (QCA) to investigate the results of 43 electoral campaigns in different countries of the World, held in the context of the coronavirus pandemic in 2020. As far as socio-economic indicators worsened almost everywhere, we aimed to identify the mechanism of the retrospective economic voting as creating potentially critical risks for the ruling parties. Since, in practice, countries have roughly halved in terms of the increase or decrease in electoral support for incumbents, the authors examined the effect of factors associated with the degree of deterioration of the socio-economic situation, state restrictive measures and the development of the pandemic itself, also taking into account the features of the political regime. Nine scenarios were identified, representing various combinations of conditions, leading in six cases to an increase in support for the incumbent, and in three cases to its decrease. The study showed that the classic retrospective voting in terms of punishing incumbent for a downturn in the economy is more often manifested in democratic regimes. It is also noteworthy that socio-economic factors, which are the consequences of a pandemic, appear to be more significant to the electorate than factors directly related to the health issues. In particular, a relatively low level of GDP decline is always present in scenarios of support growth for an incumbent, and a significant increase in unemployment is always present in all scenarios of a decrease in its rating. A feature of authoritarian regimes is that voters are more inclined to support the ruling parties with mild restrictive measures, while in democracies people are ready to vote for incumbents even in the case of tough, but in some way effective restrictions. In general, restrictive measures (like their absence) always affect elections, but their effect depends on other conditions. In consideration of the natural limitations in the form of a sample of countries, the peculiarities of the method used and

* **Turovsky Rostislav**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: rturovsky@hse.ru; **Iokhim Elizaveta**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: eaiokhim@gmail.com

the further development of the pandemic, it seems important to continue such studies in order to clarify the conclusions and perspectives.

Keywords: pandemic; retrospective voting; incumbent.

For citation: Turovsky R.F., Iokhim E.A. Elections in the time of plague: analysis of ruling parties' electoral support during the pandemic. *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 95–121. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.05>

References

- Achen C.H., Bartels L.M. Blind retrospection electoral responses to drought, flu, and shark attacks. *Estudio, Working Paper*. 2004, N 199, P. 1–40.
- Achen C.H., Bartels L.M. *Democracy for realists: why elections do not produce responsive government*. Princeton: Princeton university press, 2017, 408 p.
- Adams-Prassl A., Golin T.B.M., Rauh C. Inequality in the impact of the Coronavirus shock: evidence from real time surveys. *IZA DP (Institute of labor economics. Discussion paper series)*. 2020, N 13183, P. 1–49.
- Amat F., Arenas A., Falcó-Gimeno A., Muñoz J. Pandemics meet democracy. Experimental evidence from the COVID-19 crisis in Spain. *SocArXiv*. 2021, P. 1–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.31235/osf.io/dkusuw>
- Barbieri P.N., Bonini B. Political orientation and adherence to social distancing during the COVID-19 pandemic in Italy. *Economia politica*. 2021, Vol. 38, P. 483–504. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40888-021-00224-w>
- Bar-On T., Molas B. (eds). *Responses to the COVID-19 pandemic by the radical right: scapegoating, conspiracy theories and new narratives*. Berlin: Ibidem-Verlag, 2020, 210 p.
- Bechtel M.M., Hainmueller J. How lasting is voter gratitude? An analysis of the short- and long-term electoral returns to beneficial policy. *American journal of political science*. 2011, Vol. 55, N 4, P. 852–868. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-5907.2011.00533.x>
- Bodet M.A., Thomas M., Tessiera C. Come hell or high water: An investigation of the effects of a natural disaster on a local election. *Electoral studies*. 2016, Vol. 43, P. 85–94. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.06.003>
- Bovan K., Banai B., Pavela Banai I. Do natural disasters affect voting behavior? Evidence from Croatian floods. *PLOS currents disasters*. 2018, P. 1–17. DOI: [10.1371/currents.dis.cbf57c8ac3b239ba51ccc801d3362c07](https://doi.org/10.1371/currents.dis.cbf57c8ac3b239ba51ccc801d3362c07)
- Cole S., Healy A., Werker E. Do voters demand responsive governments? Evidence from Indian disaster relief. *Journal of development economics*. 2012, Vol. 97, N 2, P. 167–181. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jdeveco.2011.05.005>
- Eriksson L.M. Winds of change: voter blame and storm Gudrun in the 2006 Swedish parliamentary election. *Electoral studies*. 2016, Vol. 41, P. 129–142. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.electstud.2015.12.003>
- Fiorina M.P. *Retrospective voting in American national elections*. New Haven: Yale university press, 1981, 192 p.

- Gasper J.T., Reeves A. Make it rain? Retrospection and the attentive electorate in the context of natural disasters. *American journal of political science*. 2011, Vol. 55, N 2, P. 340–355. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00503.x>
- Healy A., Malhotra, N. Random events, economic losses, and retrospective voting: Implications for democratic competence. *Quarterly journal of political science*. 2010, Vol. 5, N 2, P. 193–208. DOI: <https://doi.org/10.1561/100.00009057>
- Heersink B., Peterson B.D., Jenkins J.A. Disasters and elections: estimating the net effect of damage and relief in historical perspective. *Political analysis*. 2017, Vol. 25, N 2, P. 260–268. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2017.7>
- James T.S., Alihodzic S. When is it democratic to postpone an election? Elections during natural disasters, COVID-19, and emergency situations. *Election law journal*. 2020, Vol. 19, N 3, P. 344–362. DOI: <https://doi.org/10.1089/elj.2020.0642>
- Karwowski M., Kowal M., Groyzechka A., Bialek M., Lebuda I., Sorokowska A., Sorokowski P. When in danger, turn right: does Covid-19 threat promote social conservatism and right-wing presidential candidates? *Human etholigy*. 2020, N 35, P. 37–48. DOI: <https://doi.org/10.22330/he/35/037-048>
- Landman T., Splendore L. Di G. Pandemic democracy: elections and COVID-19. *Journal of risk research*. 2020, Vol. 23, N 7–8, P. 1060–1066. DOI: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1765003>
- Noury A., Francois A., Gergaud O., Garel A. How does COVID-19 affect electoral participation? evidence from the French municipal elections. *PLoS ONE*. 2021, Vol. 16, N 2, P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247026>
- Pulejo M., Querubin P. Electoral concerns reduce restrictive measures during the COVID-19. *Journal of public economics*. 2021, N 198, P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2021.104387>
- Ragin C. *Fuzzy set social science*. Chicago, London: University of Chicago press, 2000, 370 p.
- Ragin C. *Redesigning social inquiry. Fuzzy sets and beyond*. Chicago, London: University of Chicago press, 2008, 225 p.
- Rubin O. The political dynamics of voter retrospection and disaster responses. *Disasters*. 2020, Vol. 44, N 2, P. 239–261. DOI: <https://doi.org/10.1111/dis.12376>
- Safarpour A.C. Hanmer M.J. Information about Coronavirus exposure effects attitudes towards voting methods. *Journal of experimental political science*. 2020, Vol. 9, N 1, P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1017/XPS.2020.38>
- Šebeňa M., Turcsányi R.Q. Divided national identity and COVID-19. *The China review*. 2021, Vol. 21, N 2, P. 35–63.

РАКУРСЫ

Б.О. СОКОЛОВ, М.А. ЗАВАДСКАЯ, К.Ш. ЧМЕЛЬ*

ДИНАМИКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ В РОССИИ В ХОДЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: АНАЛИЗ ДАННЫХ ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»¹

Аннотация. Как пандемия COVID-19 повлияла на отношение россиян к политическим институтам? Агрегированные данные мониторинговых опросов показывают, что по сравнению с допандемийным периодом различные показате-

* **Соколов Борис Олегович**, кандидат политических наук, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) им. Р. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: bssokolov@hse.ru; **Завадская Маргарита Андреевна**, Ph.D, научный сотрудник факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) им. Р. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru; mzavadskaya@hse.ru; **Чмель Кирилл Шамилевич**, научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) им. Р. Инглхарта, преподаватель департамента интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: kchmel@hse.ru

¹Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928)

ли политической поддержки в России незначительно снизились. Однако статистика такого рода не позволяет понять, как именно разнообразные аспекты опыта столкновения с коронавирусным кризисом отразились на индивидуальных оценках деятельности правительства. В настоящей статье представлены результаты анализа данных первых двух волн международного панельного онлайн-опроса «Ценности в кризисе» (Values in Crisis) по России. Первая волна прошла в июне 2020 г.; вторая – в апреле – мае 2021 г. Размер выборок составил 1527 и 1199 респондентов соответственно; 1014 человек приняли участие в обоих этапах исследования. В качестве зависимой переменной использовался интегральный индекс политической поддержки, включающий показатели как диффузной, так и специфической поддержки. Регрессионное моделирование показало, что в ходе первой волны пандемии непосредственный опыт болезни и связанная с коронавирусом тревожность положительно коррелировали с уровнем политической поддержки, а вот опасения насчет возможных материальных потерь – отрицательно. При этом ухудшение материального положения на поддержку не влияло. Другими важными предикторами оказались правые политические взгляды и доверие традиционным СМИ (повышавшие поддержку), а также склонность к ковид-скептицизму (ее снижавшая). Через год ситуация несколько изменилась: ни опыт болезни, ни ковид-тревожность не были связаны с поддержкой, тогда как эффекты экономических факторов стали более заметными.

Ключевые слова: политическая поддержка; пандемия COVID-19; ретроспективное голосование; эффект «единения вокруг знамени»; институциональное доверие; российская политика.

Для цитирования: Соколов Б.О., Завадская М.А., Чмель К.Ш. Динамика индивидуальной политической поддержки в России в ходе пандемии COVID-19: анализ данных опроса «ценности в кризисе» // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 122–143. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.06>

Введение

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на политику в разных странах мира. Поддержка и одобрение деятельности правительства снизились во многих государствах; зачастую неудачные действия властей по борьбе с распространением коронавирусной инфекции становились поводом для массовых протестов [Players, 2020; Kowalewski, 2020], а иногда даже приводили к поражениям на выборах и потере полномочий. Что происходило в этом отношении в России?

Данные мониторинговых опросов крупнейших отечественных социологических организаций показывают, что показатели политического доверия и одобрения деятельности различных органов власти после начала пандемии в стране несколько снизились по срав-

нению с предыдущим периодом. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), в начале 2020 г. более 70% опрошенных безусловно доверяли или скорее доверяли Президенту РФ В.В. Путину (пиковое значение было достигнуто в опросе от 26 января – 73,9%). После введения в марте и апреле массовых ограничений, призванных препятствовать распространению инфекции, уровень доверия начал снижаться. После середины апреля 2020 г. он ни разу не превышал отметку 70%, а в начале августа 2021 г. достиг минимального значения 61,4% (хотя с тех пор вырос и колеблется в интервале 64–66%). При этом разница между долями тех, кто безусловно или скорее доверяет президенту, и тех, кто безусловно или скорее не доверяет ему, сократилась в ходе пандемии примерно в полтора раза: если непосредственно перед началом ее активной фазы в России данный показатель колебался в интервале 45–50%, то летом и осенью 2021 г. практически не превышал 35% и иногда опускался ниже 30%¹.

Опросы Левада-центра также показывают, что после введения масштабных ограничительных мер рейтинг одобрения деятельности президента упал примерно на 10%: со значений 68–70% за полгода с сентября 2019 до февраля 2020 г. до 59–60% в апреле – июле 2020 г. Затем он периодически достигал прежнего уровня (август – сентябрь 2020 г.), но в целом в течение последних полутора лет колеблется в районе 64–65%. Если смотреть на более длительный период, то показатели одобрения (неодобрения) для В.В. Путина во время пандемии находятся на исторически минимальных (максимальных) значениях и сравнимы только с периодом 2012–2013 гг., предшествовавшим присоединению Крыма. Однако «вклад» самой пандемии здесь представляется гораздо меньшим, чем эффект пенсионной реформы 2018 г., которая привела к обрушению президентского рейтинга примерно на 15% (если сравнивать средние значения за год до реформы и за год после). Одобрение деятельности премьер-министра даже выросло за последние два года (хотя весенний локдаун 2020 г. сопровождался локальным снижением), что, впрочем, может объясняться появлением на данном посту новой фигуры – М.В. Мишустина, сменившего непопулярного Д.А. Медведева. Флуктуации в уровне одоб-

¹ Доверие политикам // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam> (дата посещения: 30.11.2021).

рения Правительства РФ, Государственной думы и региональных руководителей представляются незначительными¹.

Таким образом, социологические опросы показывают лишь небольшое снижение доверия / одобрения деятельности президента после начала пандемии. При этом оно не было линейным: имели место и падения рейтинга В.В. Путина, и его кратковременный рост до уровня, предшествовавшего приходу коронавируса в страну. Вместе с тем в 2020–2021 гг. в России неоднократно случались протестные акции, непосредственно связанные с эпидемиологической повесткой. Весной 2020 г. значительное недовольство вызывали вводимые в рамках политики локдауна ограничения. Особенно такие настроения проявлялись среди верующих – можно вспомнить получивший широкую огласку случай с иеромонахом Сергием, который отказался повиноваться профилактическим распоряжениям как светских, так и духовных властей в своем монастыре и подверг их публичной критике, после чего был отлучен от церкви, арестован и в конечном счете приговорен к реальному тюремному сроку².

Спустя почти полтора года – осенью 2021 г. – россияне массово сопротивлялись обязательным QR-кодам для вакцинированных и переболевших. Дело доходило даже до нападений на региональные органы Роспотребнадзора³, не говоря уже о шумной кампании в СМИ и активности противников QR-кодов в соцсетях: посвященный данной теме пост Председателя Государственной думы РФ В.В. Володина в Telegram от 27 ноября ко 2 декабря набрал более 700 000 комментариев, многие из которых носили негативный характер⁴. Все эти проявления протестных настроений свидетельствуют о том, что у определенных категорий российско-

¹ Одобрение органов власти // Левада-центр. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата посещения: 01.12.2021).

² «Это лагерь Сатаны»: экс-схиигумену Сергию Романову вынесли приговор // РИА-Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211130/skhiigumen-1761506267.html> (дата посещения: 02.12.2021).

³ В Волгограде противники QR-кодов парализовали работу Роспотребнадзора // REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/accidents/3427773.html> (дата посещения: 02.12.2021).

⁴ Володин В. Сегодня врачи 11 больниц обратились к противникам вакцинации от коронавируса... (27.11.2021) // Телеграм-канал. – 2021. – Декабрь. – Режим доступа: https://t.me/vv_vladin/220 (дата посещения: 02.12.2021).

го населения те или иные меры властей во время пандемии вызывали значительное недовольство.

Важно отметить, что агрегированные показатели политической поддержки, равно как и ситуативные индикаторы (вроде привязанных к конкретным поводам протестных акций), не отражают того, как именно различные аспекты индивидуального опыта пандемии повлияли на отношение граждан к существующей в стране политической системе. Кроме того, они могут маскировать разноконтингентные тренды (рост политической поддержки в одних социальных группах и снижение в других), тем самым не позволяя увидеть цельную картину. Ниже представлены результаты анализа панельных данных индивидуального уровня, полученных в ходе двух российских волн международного онлайн-опроса «Ценности в кризисе», которые частично восполняют указанные пробелы.

Обзор литературы

Пандемия – посредством карантинных мер, ограничений на передвижение внутри стран, закрытия границ и других мер – значительно повлияла на экономику подавляющего большинства государств мира. Усилилась волатильность рынков, выросла безработица, глобальный ВВП сократился на 4,4% за 2020 г. – МВФ даже назвал текущую рецессию крупнейшим спадом со времен Великой депрессии¹. Согласно теории ретроспективного голосования, – пожалуй, самой влиятельной на сегодня объяснительной модели в исследованиях политической поддержки, экономические потрясения обычно влекут за собой снижение рейтингов действующей власти [Key, 1966; Fiorina, 1981]. Это теоретическое положение неоднократно подтверждалось на практике [Lewis-Beck, Stegmaier, 2007; Hernández, Kriesi, 2016].

Эмпирические данные тем не менее показывают, что во время начального периода пандемии COVID-19 во многих европейских странах наблюдался не спад, а рост политической поддержки

¹ Coronavirus: How the pandemic has changed the world economy // BBC News. – 2021. – January. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/business-51706225> (accessed: 9.12.2021).

[Herrera et al., 2020; Bol et al., 2021; De Vries et al., 2021; Esaiasson et al., 2021; Kritzinger et al., 2021; Schraff, 2020], что может восприниматься как проявление классического эффекта «единения вокруг знамени» [Groeling, Baum, 2008]. Впрочем, имеющиеся исследования предполагают, что наиболее важной эмоцией в случае коронавируса, вероятно, стала массовая тревожность (*anxiety*), вызванная высоким уровнем неопределенности вокруг новой болезни и потенциальных социально-экономических последствий пандемии [Renström, Bäck, 2021]¹. Государство в таких условиях оказалось наиболее влиятельным агентом, способным предоставить защиту уязвимым группам и обеспечить порядок в обществе [De Vries et al., 2021; Schraff, 2020], что и вызвало рост политической поддержки. Экономические соображения вполне объяснимо играли меньшую роль: в самом начале пандемии ее негативные материальные эффекты еще не проявились в полной мере.

Однако экономическая логика не является единственным возможным типом ретроспективной логики – последняя может распространяться и на другие аспекты качества работы правительства [Healy, Malhotra, 2013, p. 294–295]. В контексте пандемии наиболее важным таким аспектом представляется эффективность системы здравоохранения. Например, вспышка H1 N 1 в 2009 г. показала, что негативные оценки того, как власти справлялись с распространением инфекции, а также политических и экономических последствий этого события, ассоциировались с более низким уровнем институционального доверия [Bangerter et al., 2012]. Согласно недавнему исследованию, в США число случаев заболевания на уровне графств отрицательно коррелирует с долей голосов, отданных за действующего президента Д. Трампа в ходе выборов 2020 г. Его авторы утверждают, что Трамп *ceteris paribus* сохранил бы свой пост, если уровень заболеваемости в стране был на 5% меньше, чем в реальности [Baccini, Brodeur, Weymouth, 2021]. Правительства, которые эффективно боролись с пандемией, напротив, могли рассчитывать на рост народной поддержки² и ус-

¹ В случае с коронавирусом ситуация дополнительно усугублялась тем, что само заболевание является новым, и информация о нем, поступающая от научных и государственных структур, была неполной и противоречивой.

² SDP gets boost due to handling of coronavirus crisis, researcher says // Yle. – Mode of access: <https://yle.fi/news/3-11384558> (accessed: 02.12.2021).

пешное переизбрание¹. Таким образом, рейтинг, или электоральные результаты правительства в подобных обстоятельствах в первую очередь зависят от того, насколько быстро и качественно оно способно выстроить эффективную систему противодействия распространению вируса и оказания помощи пострадавшим от болезни [Glaurdic et al., 2021].

Помимо прямых индивидуальных издержек пандемии (в виде болезни и ее возможных последствий или материальных потерь в результате ухудшения общей экономической ситуации) и порождаемой ею тревожности, свою роль может играть исходный общий уровень доверия политическим институтам в стране. Институциональное доверие влияет на готовность людей следовать политическим мерам, принятым для борьбы с распространением заболевания [Newton, 2020]: уверенность в действиях правительства в нормальной ситуации может способствовать большей толерантности к жесткой политике в ситуации экстремальной. В свою очередь, изначальные сомнения в том, что правительство контролирует ситуацию, могут привести к значительному снижению политической поддержки вследствие принятия непопулярных мер [Poortinga et al., 2004; Sjöberg, 2001].

Российский контекст

Имеется несколько исследований того, как пандемия повлияла на российскую политику. Так, за последние два года произошло обострение взаимоотношений федерального центра с регионами, обусловленное стремлением к перекладыванию ответственности за провалы в борьбе с пандемией на региональные администрации [Busygina, Filippov, 2021]. В свете приведенных выше свидетельств церковной фронды в период локдауна весны 2020 г. можно было ожидать, что еще одной линией раскола станут отношения РПЦ и государства. Однако консервативные религиозные респонденты в ходе первой волны пандемии оказались

¹ South Korea's ruling party wins election landslide amid coronavirus outbreak // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/16/south-koreas-ruling-party-wins-election-landslide-amid-coronavirus-outbreak> (accessed: 02.12.2021).

более лояльными государству – вероятно, в силу большего уровня тревожности и субъективной экономической депривации, которые испытывают представители данной части общества [Shcherbak, Ukhatova, 2022].

Пандемия также вызвала в России кризис доверия, в том числе политического. Макушева и Нестик [Макушева, Нестик, 2020] полагают, что причинами снижения доверия к СМИ и политическим институтам являются противоречивость официальной информации и рассогласованность действий чиновников; адресованные правительству гражданами подозрения в скрытии информации; дефицит эмпатии и двусторонних коммуникаций со стороны властей; массовое чувство несправедливости и разочарование, вызванное нарушенными обещаниями. Также было установлено, что акцент на высоких рисках при объяснении государственной политики по противодействию пандемии способствует большей поддержке ограничительных мер со стороны правительства, тогда как акцент на потерях других граждан не имеет значимого эффекта на поддержку ограничительных мер. При этом респонденты, которым более свойственны просоциальные ценности, в большей степени соглашаются с необходимостью локдауна [Chmel, Klimova, Savin, 2021].

По итогам анализа данных первой волны опроса «Ценности в кризисе», материалы которого используются в настоящем исследовании, не было обнаружено прямых эффектов негативных экономических последствий пандемии¹ для индивида (потеря работы, переход на неполный рабочий день или банкротство) по отношению к институциональному доверию и одобрению действий властей. Непосредственное столкновение с болезнью также оказалось очень слабо связано с политической поддержкой. Более сильными предикторами оказались экономическая и коронавирусная тревожность, первая из которых ассоциировалась с более низким уровнем поддержки, а вторая – с более высоким. К числу других важных коррелятов поддержки относятся правые политические взгляды, доверие традиционным СМИ и ковид-скептицизм.

В целом имеющиеся данные по России подтверждают выводы зарубежных исследований о том, что на начальном этапе пандемии

¹ Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России. (Неопубликованная рукопись.)

большую роль в формировании политических реакций рядовых граждан играли эмоциональные факторы, а не экономические соображения. С другой стороны, пандемия продолжается уже не первый год. За это время неопределенность, характерная для начального периода, значительно снизилась, в то время как неблагоприятные материальные последствия происходящего, напротив, стали более заметными населению, например потребительская инфляция¹. Поэтому можно предположить, что по мере развития ситуации влияние экономических факторов на политическую поддержку должно было увеличиться.

Эмпирическая база и методология исследования

Данные. В качестве эмпирической основы статьи выступают данные двух российских волн международного социологического опроса «Ценности в кризисе» (ЦВК), проведенных с использованием онлайн-панели компании Online Marketing Intelligence (OMI) методом CASI (computer-assisted self-interview). Данная панель сертифицирована по стандарту ISO 20252:2019 и включает интернет-пользователей России старше 18 лет. Сбор данных в рамках первой волны происходил в середине июня 2020 г.²; вторая волна состоялась в апреле – мае 2021 г. Объем выборки составил 1527 респондентов и 1199 респондентов соответственно. 1014 человек приняли участие в обеих волнах. Коэффициент участия (*participation rate*) составил 2,01% для первой волны и 4,30% для второй; процент прерванных интервью (*break-off rate*) составил 8,03% для первой волны и 8,64% для второй.

Использовалась невероятностная выборка; для контроля ее социально-демографического состава были введены квоты на пол и возраст. Квоты определялись в соответствии с результатами

¹ Если в феврале 2020 г. коэффициент инфляции в годовом исчислении в России составлял 2,31, то в мае 2021 г. – 6,01 (максимальное значение с октября 2016 г.), а в ноябре – уже 8,40. См.: Таблицы инфляции // Уровень инфляции. рф. – Режим доступа: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> (дата посещения: 15.12.2021).

² Материалы первой волны опубликованы в рамках международного архива [требуется регистрация]. – Mode of access: <https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LIHK1L> (accessed: 02.11.21).

Всероссийской переписи населения 2010 г. и актуальными данными Росстата за 2019 г. Однако среди респондентов, участвовавших в обеих волнах, доля женщин оказалась ниже, чем по результатам переписи (49,2% против 54,88%), тогда как доля мужчин – выше (50,8% против 46,12%). Средний возраст в этой категории (на момент первой волны) также был выше среднего по России (согласно переписи и полной выборке первой волны): 48,15 против 45,35 / 45,72 года, равно как и доли респондентов с высшим образованием и проживающих в городах.

Зависимая переменная. Анкета ЦВК содержит четыре вопроса, относящихся к политической поддержке. Первые три измеряют уверенность (англ. *confidence*) в правительстве, системе здравоохранения и общественных институтах в целом. Их можно интерпретировать в качестве индикаторов *диффузной* поддержки, т.е. поддержки политической системы в целом [Easton, 1975; Mishler, Rose, 2005]. Соответствующие вопросы в анкете были сформулированы следующим образом: *Я перечислю Вам сейчас некоторые организации и общественные институты. Скажите, насколько Вы уверены в каждом из них – полностью уверены, в некоторой степени уверены, не очень уверены или совсем не уверены? (1) правительство; (2) система здравоохранения; (3) институты нашей страны в целом.*

Для каждого вопроса были доступны следующие варианты ответа: 1 – «Полностью уверен», 2 – «В некоторой степени уверен», 3 – «Не очень уверен», 4 – «Совсем не уверен». Для удобства интерпретации все три шкалы были перевернуты таким образом, чтобы максимальное значение (4) соответствовало наибольшему уровню уверенности.

Четвертый вопрос измерял специфическую поддержку действующего правительства, а именно оценку того, насколько эффективными являются предпринимаемые им меры по борьбе с пандемией. Использовалась следующая формулировка: *Насколько хорошо, как Вам кажется, наше правительство справляется с коронавирусным кризисом?* Варианты ответа: 1 – «очень плохо», 2 – «скорее плохо», 3 – «отчасти плохо, отчасти хорошо», 4 – «скорее хорошо», 5 – «очень хорошо».

Все четыре показателя тесно связаны между собой: для первой волны коэффициенты парной корреляции по Пирсону варьируют от 0,45 до 0,68 (от 0,61 до 0,68, если брать только показатели

диффузной поддержки); для второй – от 0,48 до 0,70 (от 0,66 до 0,70 для метрик диффузной поддержки). Поэтому на их основе был рассчитан интегральный индекс политической поддержки, представляющий собой арифметическое среднее по всем четырем переменным. Для удобства интерпретации этот индекс был приведен к шкале от 0 до 1, где 1 соответствует максимальному уровню поддержки.

Независимые и контрольные переменные. Для отражения индивидуального опыта болезни использовалась бинарная переменная, которой присваивалось значение “Да”, если хотя бы одно из перечисленных событий происходило с респондентом с начала пандемии: (1) «я получил положительный результат теста на коронавирус», (2) «у меня есть / были легкие симптомы коронавируса», (3) «у меня есть / были тяжелые симптомы коронавируса», (4) «у моих близких есть / были легкие симптомы коронавируса», (5) «у моих близких есть / были тяжелые симптомы коронавируса». Важно отметить, что участников второго этапа просили отметить, случилось ли с ними что-то из вышеописанного за период с июня 2020 г. Всего из числа принявших участие в обеих волнах ЦВК 13% респондентов в первой волне и 53% респондентов во второй волне отметили, что имели индивидуальный опыт столкновения с коронавирусом¹.

Наличие негативного экономического опыта за период пандемии также фиксировалось с помощью бинарной переменной. Она принимала значение «Да», если респондент отметил, что с ним случилось хотя бы одно из следующих событий: (1) «я потерял работу», (2) «я был вынужден закрыть свой бизнес», (3) «я был вынужден перейти на неполный рабочий день». В первой волне с экономическими издержками, вызванными коронакризисом, столкнулись 22% респондентов; во второй – 21% (вопрос также задавался о периоде с июня 2020 г.).

Тревожность измерялась с помощью следующих вопросов: *Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса? Насколько Вы*

¹ При расчете долей учитывались только те респонденты, которые ответили хотя бы на один из соответствующих вопросов. Полностью проигнорировали этот блок 5,3% от общего числа участников в первой волне и 3,6% – во второй.

сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие пострадают от экономического спада, вызванного коронавирусом?

В обоих вопросах респондентам предлагалась пятибалльная шкала, где 1 означало «очень беспокоюсь», а 5 – «совсем не беспокоюсь», которая на этапе анализа была перевернута таким образом, чтобы максимальное значение (5) отражало наивысший уровень тревожности («очень беспокоюсь»).

В качестве контрольных использовались следующие переменные: пол, возраст, наличие высшего образования, семейный статус (состоит в браке или нет), наличие детей, месячный доход домохозяйства, политические взгляды по стандартной шкале «лево-право» (от 0 до 10). Также были включены два предиктора, для которых обнаружены крупные значимые эффекты при анализе материалов первой волны: доверие традиционным СМИ в противопоставлении социальным сетям (по шкале от 1 до 5) и склонность респондента к ковид-скептицизму¹.

Для статистического анализа применялось регрессионное моделирование по методу наименьших квадратов (МНК). Так как диагностики построенных регрессионных моделей выявили значимые нарушения допущений о гомоскедастичности и нормальности распределения остатков, рассчитывались стандартные ошибки, состоятельные при гетероскедастичности (тип НС3).

Результаты

Изменения в зависимой переменной между волнами. Описательные статистики для показателей политической поддержки в первой и второй волне представлены в табл. 1. Обращает на себя внимание то, что во второй волне по всем четырем частным индикаторам и по общему индексу средние значения выше, причем для большинства переменных различия статистически значимы. Таким образом, за год, прошедший между двумя этапами исследования, политическая под-

¹ Измерялся с помощью следующего вопроса: «В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер – истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?» (варианты ответа «Да» / «Нет»).

держка несколько выросла среди тех респондентов, которые участвовали в обеих волнах.

Таблица 1

Описательные статистики для показателей политической поддержки в первой и второй волне ЦВК¹

Переменная (размах)	Волна 1, N = 1014	Волна 2, N = 1014	p ²
Уверенность в правительстве (1–4)			0,7
Среднее (дисперсия)	2,10 (0,89)	2,11 (0,91)	
Пропуски (доля, %)	0 (0)	7 (0,7)	
Уверенность в системе здравоохранения (1–4)			0,075
Среднее (дисперсия)	2,06 (0,71)	2,10 (0,75)	
Пропуски (доля, %)	2 (0,2)	5 (0,5)	
Уверенность в институтах страны в целом (1–4)			0,004
Среднее (дисперсия)	2,17 (0,66)	2,24 (0,67)	
Пропуски (доля, %)	7 (0,7)	14 (1,4)	
Насколько хорошо правительство справляется с коронакризисом (1–5)			<0,001
Среднее (дисперсия)	2,82 (1,22)	2,93 (1,12)	
Пропуски (доля, %)	0 (0)	0 (0)	
Интегральный индекс политической поддержки (0–1)			0,001
Среднее (дисперсия)	0,40 (0,05)	0,41 (0,06)	
Пропуски (доля, %)	7 (0,7)	16 (1,6)	

¹ Учитываются только респонденты, принявшие участие в двух волнах.

² p-значения оценивались для рангового критерия Уилкоксона для парных выборок.

Регрессионный анализ. Модель 1 в табл. 2 показывает результаты регрессионного моделирования для тех респондентов первой волны, которые впоследствии приняли участие и во второй волне. Эти результаты в целом похожи на те, которые были получены ранее при анализе полной выборки первого этапа исследования¹: значимыми предикторами поддержки оказываются оба типа тревожности (при этом ковид-тревожность влияет положительно, а экономическая тревожность – отрицательно), равно как и доверие традиционным медиа (положительная связь), и ковид-скептицизм (отрицательная связь). При этом нестандартизованные коэффи-

¹ Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России. (Неопубликованная рукопись.)

циенты для значимых предикторов имеют чуть более высокие значения в усеченной выборке. Исключениями являются ковид-тревожность (которая в обоих случаях повышает политическую поддержку на 0,023 по шкале от 0 до 1) и опыт болезни (численное значение коэффициента равняется 0,03 в обоих случаях, но в полной выборке этот показатель имеет более высокую – и погранично значимую – р-величину: 0,06 против 0,13). Что касается контрольных переменных, то доход и идеологические взгляды имеют отличные от нуля эффекты в обоих множествах респондентов, тогда как возраст, значимый в полной выборке, не является таковым в усеченной. Для наличия детей наблюдается обратная ситуация – данная переменная связана с политической поддержкой только среди тех опрошенных, кто принял участие во второй волне.

Таблица 2
Результаты регрессионного моделирования
на данных двух волн опроса¹

	Политическая поддержка (0–1)	
	Волна 1	Волна 2
Экономические проблемы: да	0,009 (0,017)	-0,040* (0,017)
Опыт болезни: да	-0,030 (0,020)	-0,009 (0,014)
Ковид-тревога	0,023** (0,007)	0,013 (0,008)
Эконом. тревога	-0,035*** (0,008)	-0,041*** (0,008)
Пол: женский	0,006 (0,014)	0,004 (0,014)
Возраст	-0,001 (0,001)	-0,0002 (0,001)
Наличие высшего образования	0,004 (0,015)	-0,008 (0,014)
Состоит в браке: да	0,025 (0,018)	0,004 (0,016)
Имеются дети: да	0,037* (0,018)	0,009 (0,018)
Доход	-0,007* (0,003)	-0,002 (0,002)
Лево / право	0,018*** (0,005)	0,019*** (0,004)
Доверие традиционным СМИ	0,067*** (0,005)	0,076*** (0,006)
Ковид-скептицизм: да	-0,066*** (0,016)	-0,044** (0,016)
Константа	0,208*** (0,050)	0,230*** (0,050)
Число наблюдений (N)	897	914
Скорректированный R ²	0,272	0,267

¹ Примечание: зависимая переменная представляет собой обобщенный индекс, рассчитанный как арифметическое среднее четырех показателей политической поддержки и затем приведенный к шкале от 0 до 1, где 1 соответствует максимальному уровню поддержки. В таблице представлены нестандартизованные МНК-коэффициенты (в скобках указаны стандартные ошибки, устойчивые к гетероскедастичности и ненормальности: тип НС3).

Уровни значимости: *p<0.05; **p<0.01; ***p<0.001.

Если сравнивать регрессионные модели по первой и второй волне (модель 2 в табл. 2) для тех респондентов, кто участвовал в обеих, то бросается в глаза, что снижаются коэффициенты и для опыта заболевания (который и до этого был в лучшем случае по-гранично значимым предиктором политической поддержки), и для ковид-тревожности (которая во второй волне оказывается лишь погранично значимой: $p = 0,098$). В свою очередь, для экономических переменных эффекты в словесном выражении становятся сильнее: для экономической тревоги коэффициент растет с 0,035 до 0,041 (по модулю), а для негативного экономического опыта – меняет знак (с положительного на отрицательный), увеличивается по модулю более чем в четыре раза (с 0,009 до 0,040) и становится статистически значимым ($p = 0,016$ против 0,577 в первой волне).

Для дохода, однако, тренд обратный: на втором этапе исследования эта переменная не демонстрирует заметной связи с политической поддержкой (как и наличие детей). Три контрольные переменные, для которых при анализе полной выборки 2020 г. были выявлены самые сильные (в стандартизованных величинах) ассоциации с установками россиян по отношению к власти¹ – идеологические предпочтения по шкале «лево-право», доверие традиционным СМИ, доверие традиционным СМИ и ковид-скептицизм – остаются значимыми предикторами и весной 2021 г. Для первого показателя изменение в величине эффекта за год оказывается совсем небольшим: сдвиг на одно значение вправо по идеологической шкале (от 0 до 10) повышает политическую поддержку на 0,019 (против 0,018 в первой волне). Для второго наблюдается некоторое увеличение в силе связи: сдвиг на одну единицу (по шкале от 1 до 5) в сторону большего доверия традиционным СМИ (против социальных медиа) способствует росту индекса поддержки на 0,076 (против 0,067). А вот эффект ковид-скептицизма становится меньше в полтора раза ($-0,044$ против $-0,066$), хотя и остается статистически значимым.

Для того чтобы понять, насколько большими являются обнаруженные различия в величине коэффициентов различных переменных между волнами, были построены четыре регрессионные

¹ Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России. (Неопубликованная рукопись.)

модели на объединенной выборке для двух волн, включающие эффекты взаимодействия (по одному на модель) между основными независимыми переменными и этапом исследования¹. Соответствующие результаты предполагают, что изменение величины эффекта для негативного экономического опыта (но не для опыта болезни) между волнами является статистически значимым, для экономической и ковид-тревоги – погранично значимым. Также были оценены вспомогательные модели с эффектами взаимодействия между волной и идеологическими предпочтениями, доверием к традиционным СМИ и ковид-скептицизмом, но заметной динамики в силе эффектов трех указанных контрольных переменных выявить в них не удалось.

Интерпретация

По сравнению с первым этапом пандемии весной 2021 г. экономические соображения, причем как ретроспективные (негативный опыт), так и проспективные (тревога), стали играть более важную роль. Против такой интерпретации может свидетельствовать незначимый коэффициент для дохода, однако характерно, что в России люди с левыми политическими взглядами в целом меньше доверяют институтам и хуже оценивают деятельность правительства по борьбе с пандемией. Кроме того, снижение (по модулю и по уровню значимости) важности дохода, который ранее был отрицательно связан с политической поддержкой, может означать что предпринятые властями действия по поддержке уязвимых групп оказались не вполне достаточными.

Сам фактор коронавируса (и опыт болезни, и опасения заболеть самому или что заразится кто-то из близких), напротив, в первой половине 2021 г. перестал быть значимым коррелятом политической поддержки. Интересно, что даже те респонденты, у которых в семье кто-то умер от COVID-19 (81 человек, или 8% от общей численности панели)², во второй волне в среднем имели

¹ Таблицы коэффициентов для описываемых в этом абзаце моделей не показаны в целях экономии места. Могут быть представлены по запросу первым автором.

² В первой волне ЦВК этот вопрос не задавался, поэтому он не учитывался при составлении комплексного индикатора опыта столкновения с болезнью.

практически такие же показатели поддержки, как и те, кто с болезнью напрямую не столкнулся (0,42 против 0,43)¹. Можно предположить, что коронавирусная инфекция стала рутинным фоном отечественной повседневности и не воспринимается большинством как сфера ответственности государства. В пользу этого говорит и тот факт, что средние значения по отдельным показателям политической поддержки и по интегральному индексу немного выросли во второй волне ЦВК.

Обнаруженные ранее эффекты доверия традиционным СМИ (положительный) и ковид-скептицизма (отрицательный) в целом сохранились весной 2021 г. Впрочем, первый показатель скорее всего связан с политической поддержкой не каузально, а в том смысле, что обе переменные отражают отношение респондентов к различным аспектам сложившегося в стране общественно-политического порядка. Однако нельзя исключать, что эта корреляция отражает эффекты той медиакартинки, которую государственные media, доминирующие в онлайн-сегменте, предлагают своей аудитории.

Похожие аргументы можно предложить и для объяснения наблюдаемого эффекта ковид-скептицизма. Разнообразные теории заговора были популярны в России и до пандемии [Yablokov, 2018]. Вполне вероятно, что их сторонники изначально хуже относились к правительству и одновременно оказались более восприимчивы к конспирологическим идеям по поводу коронавируса. Кроме того многие публичные деятели, в том числе и официальные представители правительства, на первом этапе распространения заболевания недооценивали его опасность². Последовавшие затем строгие ограничительные меры (введение общенацонального локдауна) могли вызвать диссонанс у поверивших им людей. С другой стороны, материалы первой волны ЦВК показывают, что скептические настроения преобладают среди возрастов, в наибольшей степени востребованных на рынке труда (25–60 лет), а также среди тех, кто столкнулся с негативными экономическими

¹ Для тех, у кого опыт болезни был, но никто из родных не скончался, соответствующее значение интегрального индекса было чуть ниже – 0,39.

² Например, доктор А.Л. Мясников, который с апреля по июль 2020 г. был официальным представителем Информационного центра по мониторингу ситуации с коронавирусом в Москве. См.: «В мае спад»: доктор Мясников дал новый прогноз по COVID-19 // Газета. ру. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/22/13057807.shtml> (дата посещения: 15.12.2021).

последствиями пандемии¹. Это верно и для второй волны: среди тех, кто потерял работу или перешел на неполный рабочий день, скептиков весной 2021 г. было 36% – против 29,4% среди более успешных в этом отношении сограждан. Подобный опыт, вероятно, также способен провоцировать как недоверие к официальному коронавирусному нарративу, так и более критическое отношение к власти. Данных лонгитюдного опроса с двумя временными точками в любом случае недостаточно, чтобы однозначно установить направление связи между этими показателями. Для этого потребуются дополнительные исследования, причем не только количественные, но и качественные.

В целом анализ данных второй волны опроса «Ценности в кризисе» показывает, что в ситуации, когда пандемия превратилась из относительно кратковременного шока в долгоиграющий фактор российской политики, экономические соображения становятся более важными с точки зрения влияния на политическую поддержку, чем само столкновение с болезнью или вызванная новизной инфекции неопределенность и тревожность. С другой стороны, и материалы ЦВК, и результаты мониторинговых опросов ведущих отечественных полистеров, приведенные в начале статьи, свидетельствуют о том, что в среднесрочной перспективе уровень поддержки властей в России как минимум не снижается в ходе пандемии, хотя и несколько упал по сравнению с доковидным периодом (впрочем, в значительно меньшей степени, чем в результате объявления пенсионной реформы в 2018 г.). Так или иначе, нет оснований утверждать, что к началу лета 2021 г. индивидуальный опыт пандемии сильно сказался на отношении людей к российской политической системе в плане как диффузной (институциональное доверие), так и специфической (одобрение антивидных мер) поддержки. В этом отношении показательно, что в регрессионных моделях, в которых оставлены четыре основных независимых переменных и исключены все контроли, скорректированный коэффициент детерминации сильно снижается: 0,069 против 0,272 в полной модели для первой волны и 0,073 против 0,267 – для второй. Другими словами, особенности индивидуальной траектории

¹ Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России. (Неопубликованная рукопись.)

во время пандемии объясняют не более 7% наблюдаемой вариации в уровне политической поддержки.

Эти выводы, однако, должны восприниматься с осторожностью. Как было отмечено, «Ценности в кризисе» – это онлайн-опрос с нерепрезентативной выборкой, поэтому представленные статистические выкладки не могут быть распространены на все население Российской Федерации. Ситуация усугубляется тем, что выбытие респондентов между волнами носит неслучайный характер (так, женщины менее склонны продолжать участие в исследовании, чем мужчины). Другим важным ограничением данных ЦВК является тот факт, что второй этап опроса проходил в апреле – мае 2021 г. К концу 2021 г. ситуация могла измениться из-за роста общественного недовольства в связи с предложениями правительства по введению QR-кодов для вакцинированных и переболевших. В конце ноября была запущена третья волна ЦВК; весной 2022 г. планируется четвертая. Данные этих опросов, равно как и материалы других исследований, позволят составить более полную картину эволюции факторов политической поддержки в России в условиях пандемии COVID-19.

B.O. Sokolov, M.A. Zavadskaya, K.Sh. Chmel*

The dynamic of political support in Russia during the COVID-19 pandemic: evidence from ‘the Values in Crisis’ survey data analysis¹

Abstract. How the COVID-19 pandemic affected the attitudes of Russians towards political institutions? The aggregate data of public opinion polls suggest that, according to various available indicators, the level of political support in Russia has slightly dropped, compared to the pre-pandemic period. Yet, this kind of data does not allow one to infer what aspects of the pandemic experience are the most important predictors of individual assessments of the government's performance. The article presents the results of the analysis of the data from the first two Russian waves of the international online panel survey ‘Values in Crisis’ (ViC). The first wave was carried out in

***Sokolov Boris**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: bssokolov@hse.ru; **Zavadskaya Margarita**, European University at St. Petersburg; HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru; mzavadskaya@hse.ru; **Chmel Kirill**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: kchmel@hse.ru

¹ The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).

Jun 2020; the second – in April-May 2021. The sample size was 1,527 and 1,199 respectively; 1,014 respondents participated in both waves. The main dependent variable is an integral index of political support that includes indicators of both diffuse and specific support. Regression modeling demonstrates that during the first wave of the pandemic in Russia (spring 2020) the direct experience of the disease and COVID-related anxiety were positively correlated with political support, while anxiety over economic losses showed negative correlation. A decrease in economic well-being had no effect on political support. Other significant predictors included right-wing political views and trust in traditional media (leading to an increase in support) and propensity to share COVID-skepticism (leading to a decrease in support). One year later, in the first half of 2021, the situation has somewhat changed: neither experiencing COVID, nor COVID-related anxiety were no longer associated with support, while the effect of economic factors became more prominent.

Keywords: political support; COVID-19 pandemic; retrospective voting; rally round the flag; institutional trust; Russian politics.

For citation: Sokolov B.O., Zavadskaya M.A., Chmel K.Sh. The dynamic of political support in Russia during the COVID-19 pandemic: evidence from ‘the Values in Crisis’ survey data analysis. *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 122–143. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.06>

References

- Baccini L., Brodeur A., Weymouth S. The COVID-19 Pandemic and the 2020 US Presidential Election. *Journal of population economics*. 2021, Vol. 34, N 2, P. 739–767. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-020-00820-3>
- Bangerter A., Krings F., Mouton A., Gilles I., Green E.G., Clémence A. Longitudinal investigation of public trust in institutions relative to the 2009 H1 N 1 pandemic in Switzerland. *PLoS one*. 2012, Vol. 7, N 1, P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0049806>
- Groeling T., Baum M.A. Crossing the water's edge: Elite rhetoric, media coverage, and the rally-round-the-flag phenomenon. *The journal of politics*. 2008, Vol. 70, N 4, P. 1065–1085. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381608081061>
- Bol D., Giani M., Blais A., Loewen P.J. The effect of COVID-19 lockdowns on political support: Some good news for democracy? *European journal of political research*. 2021, Vol. 60, N 2, P. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12401>
- Busygina I., Filippov M. COVID and federal relations in Russia. *Russian politics*. 2021, Vol. 6, N 3, P. 279–300. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00603001>
- Chmel K., Klimova A., Savin N. The effect of risk framing on support for restrictive government policy regarding the COVID-19 outbreak. *PloS one*. 2021, Vol. 16, N 10. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258132>
- De Vries C.E., Bakker B.N., Hobolt S.B., Arceneaux K. Crisis signaling: how Italy's coronavirus lockdown affected incumbent support in other European countries. *Political science research and methods*. 2021, Vol. 9, N 3, P. 451–467. DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2021.6>

- Easton D.A Reassessment of the concept of political support. *British journal of political science*. 1975, Vol. 5, N 4, P. 435–457.
- Esaiasson P., Sohlberg J., Gheretti M., Johansson B. How the coronavirus crisis affects citizen trust in institutions and in unknown others: Evidence from ‘the Swedish experiment’. *European journal of political research*. 2021, Vol. 60, N 3, P. 748–760. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12419>
- Fiorina M.P. Some problems in studying the effects of resource allocation in congressional elections. *American journal of political science*. 1981, Vol. 5, N 3, P. 543–567. DOI: <https://doi.org/10.2307/2110818>
- Glaudić, J., Lesschaeve, C., Mochtak, M. Coronavirus pandemic response and voter choice: evidence from Serbia and Croatia. *Communist and post-communist studies*. 2021, Vol. 54, N 4, P. 197–214. DOI: <https://doi.org/10.1525/j.postcomstud.2021.54.4.197>
- Healy A., Malhotra N. Retrospective voting reconsidered. *Annual review of political science*. 2013, Vol. 16, P. 285–306. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-212920>
- Hernández E., Kriesi H. The electoral consequences of the financial and economic crisis in Europe. *European journal of political research*. 2016, Vol. 55, N 2, P. 203–224. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12122>
- Herrera H., Ordoñez G., Konradt M., Trebesch C. *Corona politics: the cost of mismanaging pandemics*. Kiel Working Paper N 2165. Kiel Institute for the World Economy. Mode of access: https://euagenda.eu/upload/publications/kwp_2165.pdf.pdf (accessed: 14.12.2021)
- Key V.O. The responsible electorate: Rationality in presidential voting, 1936–1960. Cambridge, MA: Belknap Press, 1966, 158 p.
- Kowalewski M. Street protests in times of COVID-19: adjusting tactics and marching ‘as usual’. *Social movement studies*. 2020, Vol. 20, N 6, P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2020.1843014>
- Kritzinger S., Foucault M., Lachat R., Partheymüller J., Plescia C., Brouard S. ‘Rally round the flag’: the COVID-19 crisis and trust in the national government. *West European politics*. 2021, Vol. 44, N 5–6, P. 1205–1231. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2021.1925017>
- Lewis-Beck M.S., Stegmaier M. Economic models of voting. In: Dalton R.J., Klingemann H.- D. *The Oxford handbook of political behavior*. Oxford: Oxford handbook online, 2007. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0027](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0027)
- Makusheva M.O., Nestik T.A. Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020, N 6, P. 427–447. DOI: [\(In Russ.\)](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770)
- Mishler W., Rose R. What are the political consequences of trust? A test of cultural and institutional theories in Russia. *Comparative Political Studies*. 2005, Vol. 38, N 9, P. 1050–1078. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005278419>
- Newton K. Government communications, political trust and compliant social behaviour: the politics of Covid-19 in Britain. *The political quarterly*. 2020, Vol. 91, N 3, P. 502–513. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12901>

- Pleyers G. The Pandemic is a battlefield. Social movements in the COVID-19 lockdown. *Journal of civil society*. 2020, Vol. 16, N 4, P. 295–312. DOI: <https://doi.org/10.1080/17448689.2020.1794398>
- Poortinga W., Pidgeon N.F. Trust, the asymmetry principle, and the role of prior beliefs. *Risk analysis: an international journal*. 2004, Vol. 24, N 6, P. 1475–1486. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0272-4332.2004.00543.x>
- Renström E.A., Bäck H. Emotions during the Covid-19 pandemic: Fear, anxiety, and anger as mediators between threats and policy support and political actions. *Journal of applied social psychology*. 2021, Vol. 51, P. 861–877. DOI: <https://doi.org/10.1111/jasp.12806>
- Schraff D. Political trust during the Covid-19 pandemic: Rally around the flag or lockdown effects? *European journal of political research*. 2021, Vol. 60, N 4, P. 1007–1017. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12425>
- Shcherbak A., Ukhvatova M. The Symphony is Over? The effect of the COVID-19 pandemic on the Russian orthodox church-state relations. *Problems of post-communism*. 2022, Vol. 69, N 1, P. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1994424>
- Sjöberg L. Political decisions and public risk perception. *Reliability engineering & system safety*. 2001, Vol. 72, N 2, P. 115–123. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0951-8320\(01\)00012-6](https://doi.org/10.1016/s0951-8320(01)00012-6)
- Yablokov I. *Fortress Russia: conspiracy theories in post-soviet Russia*. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity press, 2018, 288 p.

Литература на русском языке

- Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – Т. 160, № 6. – С. 427–447. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>

А.В. СЕМЕНОВ*

**РАСПРЕДЕЛЕННОЕ БРЕМЯ:
КАК РОССИЯНЕ АТРИБУТИРУЮТ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫХОД
ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА?**

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается, каким образом россияне атрибутируют ответственность за выход из экономического кризиса различным институтам власти. Предыдущие исследования установили связь между проявлениями кризиса и электоральными результатами партий власти и других режимных игроков, но не ответили на вопрос, как бремя ответственности распределено между различными ветвями и уровнями власти. На основе массового опроса и новой методики – сравнительного индекса атрибуции ответственности, который позволяет одновременно измерять интенсивность атрибуции и сравнивать оценки между различными институтами, – я демонстрирую, что президент выделяется по степени интенсивности и порядку атрибуции ответственности за выход из экономического кризиса; кроме того, вокруг его роли существует значительный консенсус. По степени ответственности за ним следуют правительство, Дума и губернаторы, а наименее ответственными полагаются правящая партия и мэры. Далее, используя спектральную декомпозицию, я показываю, что россияне помимо выделения президента различают позиции федеральной и субнациональной ветвей власти в плане выхода из кризиса. Наконец, анализ на индивидуальном уровне свидетельствует, что гендер, возраст, политические предпочтения и воздействие кризиса являются наиболее значимыми предикторами атрибуции

* Семенов Андрей Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра, Уральское отделение Российской академии наук; доцент кафедры политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), e-mail: andreysemenov@comparativestudies.ru

ответственности на индивидуальном уровне, но их значимость также варьируется в зависимости от оцениваемого института. В целом исследование вносит вклад в понимание того, как устроена атрибуция ответственности за экономическую политику в современных авторатиях, и насколько избиратели в сложноустроенных политиях справляются с задачей навигации между различными институтами.

Ключевые слова: экономический кризис; атрибуция ответственности; экономическое голосование; подотчетность; политические институты.

Для цитирования: Семенов А.В. Распределенное бремя: как россияне атрибутируют ответственность за выход из экономического кризиса? // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 144–163. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.07>

Экономический кризис часто фигурирует в качестве одной из основных проблем в массовых социологических опросах россиян наряду с безработицей, ростом цен, бедностью и коррупцией¹. Это вполне объяснимо: за постсоветскую историю россияне неоднократно сталкивались с ситуацией, когда экономика страны испытывала серьезные потрясения, результатом чего становилось снижение уровня жизни. Политическими последствиями таких кризисов на массовом уровне были усиление протестной активности [Robertson, 2011], снижение поддержки правящей партии [Rosenfeld, 2019], президента [Sirotkina, Zavadskaya, 2020] и других органов власти [Сироткина, Семенов, 2019].

Традиционно реакция на экономические изменения, включая кризисные, объясняется в рамках теории экономического голосования [Duch, Stevenson, 2008]. Одной из ключевых проблем этой теории является недостаток знаний о механизмах атрибуции ответственности, которые связывают оценку избирателями внешних условий с политическими индикаторами поддержки, доверия и эффективности. Контекст может значительно затруднить идентификацию институтов, несущих прямую ответственность за разработку политики [Семенов, Шевцова, 2019; Hobolt et al., 2013; Powell, Whitten, 1993; Rudolph, 2003], а идеологическая ориентация – перевесить рациональную оценку степени причастности этих институтов к имплементации политического курса [Malhotra, Kuo, 2008].

¹ Тревожащие проблемы // Левада-Центр* – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/10/trevozhashchie-problemy-3/> (дата посещения: 10.10.2021).

* Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Задача настоящей статьи – рассмотреть, каким образом российские избиратели распределяют ответственность за выработку политики выхода из экономического кризиса, в частности – эмпирически зафиксировать иерархию ключевых институтов политической власти и индивидуальные предикторы интенсивности атрибуции. Опираясь на результаты массового опроса, проведенного в июне 2020 г., и методику Томаса Рудольфа [Rudolph, 2016], я конструирую сравнительный индекс атрибуции ответственности за преодоление экономического кризиса для шести основных институтов власти в России: президента, правительства, Государственной думы, правящей партии, губернаторов и мэров. Используя этот индекс, я демонстрирую, что на федеральную исполнительную власть возлагается наибольшая ответственность, а наиболее сильными предикторами атрибуции на индивидуальном уровне выступают пол, политические предпочтения и степень потерь от кризиса. Кроме того, я показываю, что хотя россияне и выделяют президента на фоне остальных институтов, они также способны разделять уровни и ветви власти с точки зрения ответственности за политику выхода из кризиса. Таким образом, исследование вносит вклад в понимание того, как атрибутируется ответственность в многоуровневых авторитарных политиях наподобие российской, а также идентифицируются паттерны в атрибуции ответственности между ветвями и уровнями власти.

Атрибуция политической ответственности в России

Атрибуция ответственности является ключевым механизмом, лежащим в основе политической подотчетности – способности и возможности избирателей поощрять или наказывать государственных агентов за выбор и реализацию политических курсов. Она заключается в идентификации институтов и акторов, действия которых считаются избирателями решающими в выработке и имплементации политического курса. Атрибуция ответственности тесно связана с «атрибуцией вины» (blame attribution), однако последняя отсылает к действиям, которые оказываются причиной возникновения проблем или к неспособности с этими проблемами справиться [Javeline, 2009]. Ответственность – более нейтральный концепт, позволяющий понять, как граждане воспринимают опре-

деленную сферу политики (*policy domain*) с точки зрения набора институтов и акторов, имеющих решающую роль в этой области, и распределения ответственности между ними.

В отличие от классической модели подотчетности, предполагавшей что избиратели автоматически связывают видимые последствия политического курса с деятельностью инкумбентов [Key, 1966; Kramer, 1971], современная теория признает комплексность этого процесса, особенно в условиях, когда формально за реализацию политики отвечает множество должностных лиц на разных уровнях власти [Malhotra, Kuo, 2008; Powell, Whitten, 1993]. Институциональная сложность сопряжена с ухудшением «ясности в атрибуции ответственности» (*clarity of responsibility*): к примеру, в федеративных государствах граждане в меньшей степени склонны связывать экономические условия с действиями национального правительства [Anderson, 2006; Orth, 2001].

В условиях формального разделения полномочий между ветвями и уровнями власти массовый избиратель зачастую прибегает к тем или иным эвристическим механизмам, например партийно или эмоционально окрашенному рассуждению (*partisan / motivated reasoning*) [Bisgaard, 2015; Tilley, Hobolt, 2011]. Большое значение также имеет доступность и качество информации [Malhotra, Kuo, 2008] и степень государственного контроля над медиа [Sirotkina, 2021], которые в значительной степени связаны с политическим режимом [Hollyer et al., 2018].

В России, таким образом, задача идентификации ответственных за ту или иную политику простыми избирателями усложняется: институциональная сложность комбинируется с государственной пропагандой и низким качеством публичной информации о состоянии той или иной сферы. И хотя российский конституционный дизайн предполагает концентрацию широкого круга полномочий у президента (что вполне осознается российскими гражданами), даже формальное наличие множества других центров принятия решений размывает прямую атрибуцию ответственности главе государства [Семенов, Шевцова, 2019].

Как россияне распределяют ответственность за разработку политики выхода из экономического кризиса? Теоретически можно ожидать, что общие оценки должны отражать формальное распределение полномочий: уполномоченные институты и акторы будут производить больше значимых действий в рассматриваемой

сфере, а значит – в большей степени присутствовать в повестке и быть видимыми для избирателя. Меньший объем полномочий также может быть связан с меньшим объемом доступных ресурсов, что также будет систематически снижать степень ответственности данного института / актора в глазах массового избирателя. С другой стороны, в кризисной ситуации политики нередко прибегают к «перекладыванию ответственности», дабы избежать политических последствий [Hood, 2010], что может существенно затруднить идентификацию ответственных инстанций. Тем не менее, учитывая предыдущие исследования [Beazer, Reuter, 2019; Rosenfeld, 2019; Сироткина, Семенов, 2019], я полагаю, что касательно выхода из экономического кризиса россияне в первую очередь будут ориентироваться на формальное распределение полномочий и выделять президента на фоне других органов власти.

Второй аналитический вопрос настоящего исследования заключается в поиске индивидуальных ковариатов атрибуции ответственности за выход из экономического кризиса. Среди множества возможных предикторов политические ориентации играют особую роль: избиратели склонны в целом приписывать достижения «своим» кандидатам и партиям, а неудачи – противоположной стороне [Malhotra, Kuo, 2008; De Vries et al., 2011]. Поэтому можно ожидать, что поддержка инкумбента (в нашем случае – Владимира Путина) может быть позитивно связана с атрибуцией ответственности основным институтам за выход из кризиса, поскольку преодоление кризиса является благом.

Наличие образования также должно позволять концентрировать атрибуцию на институтах федеральной власти, поскольку должно быть сопряжено со способностями индивидов разбираться в политике. Место проживания может иметь значение, поскольку в малых населенных пунктах публичная власть ближе к избирателю и может, таким образом, наделяться большей ответственностью при прочих равных условиях. Наконец, я полагаю, что субъективное восприятие последствий кризиса (насколько изменилось благосостояние граждан, по их собственной оценке, в результате кризисных событий) также может усилить атрибуцию ответственности у наиболее пострадавших от экономического упадка избирателей.

Чтобы протестировать эти предположения, которые носят во многом эксплораторный характер, необходимо сначала убедиться, что кризисные явления в экономике, действительно, наблюдались,

а избиратели способны были их воспринять и учесть при идентификации ответственных за выход из этого кризиса. Данный вопрос будет рассмотрен в следующей секции, после чего на основе данных опроса в июне 2020 г. будут проанализированы основные паттерны в атрибуции ответственности на агрегированном и индивидуальном уровнях.

Экономический кризис 2020 г. в России

Российская экономика после глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. испытывала значительные трудности с выходом на траекторию поступательного роста [Застой..., 2021]. С 2013 г. наблюдается стагнация, а затем падение реальных доходов населения; в 2014 г. в связи с переходом на свободный обменный курс рубля произошел еще один финансовый шок, в том числе разогнавший инфляцию в 2015 г. [Russian economic report..., 2017, 2018]. Весной 2020 г. на фоне глобальной пандемии, ввергнувшей мир в глубочайшую рецессию со времен Второй мировой войны, произошел очередной нефтяной шок; в результате рубль опустился до 76 за американский доллар в декабре 2020 г. по сравнению с 64 руб. / долл. годом ранее. Иными словами, два кризиса наложились друг на друга: один долговременный и структурный, другой был связан с пандемией и реакцией на него рынка и государства.

Правительство ответило на экономический шок с помощью бюджетного стимулирования в размере 4% ВВП, которое было распределено между частью домохозяйств, фирмами и социальными организациями. Приоритет был отдан сохранению резервных фондов, а не раздаче денежных средств гражданам наподобие программ стимулирования в развитых западных странах. Эксперты отмечают, что общий объем помощи со стороны государства был меньше, чем в 2008–2009 гг.¹ Такая политика была обусловлена в том числе низкой долей частного потребления в экономике, аккумулированными бюджетными средствами, а также большей уверенностью правительства в его способности справиться с кризисом.

¹ Гуревич Е. Антикризисная консервация: специфика кризиса и ответа на него в России // Фонд «Либеральная миссия». – Режим доступа: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/ekonomika-antikrizisnaya> (дата посещения: 11.05.2021.)

Массовая реакция на кризис оказалась не очень бурной, а потребители быстро восстановили свой оптимизм: недельный индекс потребительских расходов Сбербанка обрушился на 33,5 п. п. в марте 2020 г., но восстановился уже к июлю¹. Второе падение в октябре – ноябре того же года оказалось не столь значительным, и к концу 2020 г. россияне тратили примерно столько же, сколько до пандемии. Рост цен, безработица, бедность и коррупция остались наиболее значимыми проблемами весь кризисный период: согласно опросам Левада-центра*, в августе 2020 г. 61% респондентов ставили рост цен во главу списка проблем (+ 2 п. п. по сравнению с предыдущим годом), затем шла безработица (44%, + 8 п. п.), бедность (39%, -3 п. п.), коррупция и взяточничество (38%, -33 п. п.). Кризис в экономике занял 7-е место: 26% респондентов упомянули его в качестве основной проблемы². Очевидно, что проблемы на рынке труда стали наиболее серьезным вызовом для россиян в этот период: хотя официально безработица выросла до 6,4% в октябре 2020 г., опросы Левада-центра зафиксировали, что 26–29% респондентов потеряли работу³.

Кризис также на время поколебал уровень общественного оптимизма и удовлетворенность политическим курсом в отдельных сферах: первый показатель (процент тех, кто считает, что страна движется в правильном направлении) упал с 53% в феврале до 42% в марте 2020 г., но уже в августе вернулся почти на докризисный уровень⁴. Уровень неудовлетворенности внутренней политикой ненадолго вырос до 37% (против 31% довольных) в ноябре

¹ Индекс потребительских расходов // Сбербанк. – Режим доступа: <https://www.sberindex.ru/ru/dashboards/ver-izmenenie-trat-po-kategoriyam?partition=1> (дата посещения: 11.05.2021).

² Тревожающие проблемы // Левада-Центр * – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/10/trevozhashchie-problemy-3/> (дата посещения: 10.10.2021.)

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Занятость населения // Левада-Центр * – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/08/17/zanyatost-naseleniya-2/> (дата посещения: 10.10.2021).

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁴ Положение дел в стране // Левада-Центр * – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата посещения: 10.10.2021).

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

2020 г., согласно опросам ВЦИОМ, но потом вернулся к долгосрочному среднему значению в 30%¹. Разрыв в негативных и позитивных оценках социальной и экономической политики оставался незначительным.

Агрегированные оценки атрибуции ответственности

Чтобы понять, каким образом на пике кризисных явлений россияне атрибутировали ответственность за выработку антикризисной политики, по заказу Центра сравнительных исторических и политических исследований был проведен массовый репрезентативный опрос населения. Опрос проводился Левада-центром* 27–28 июня 2020 г.; использовалась стандартная стратифицированная выборка с покрытием в 50 регионов. В связи с ограничительными мерами опрос проводился по телефону, тем самым его результаты репрезентативны по отношению к совершеннолетнему населению городов с численностью свыше 100 тыс. жителей.

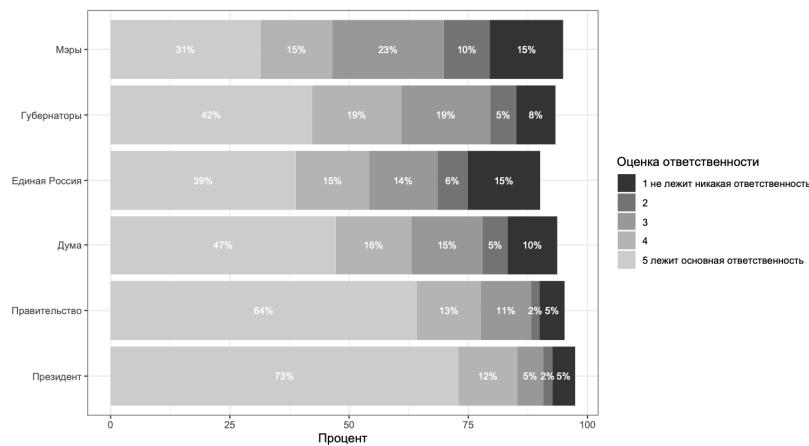

Рис. 1.
Распределение оценок атрибуции ответственности
для институтов власти в анализе,
доля «затруднившихся с ответом» не показана

¹ Оценка властей // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei/> (дата посещения: 10.10.2021).

Как россияне оценивали состояние экономики в самый разгар первой волны пандемии и кризиса? Почти половина респондентов (48,5%) в вопросе «Как вы оцениваете текущее состояние экономики в стране?» выбрали ответ «среднее», 37% – «плохое» или «очень плохое», и только 10% придерживались мнения, что экономика находилась в хорошей форме. Более половины (53%), отвечая на вопрос «Как вы оцениваете воздействие кризиса на вас и вашу семью?», указали, что кризис ухудшил их экономическое положение, но не подорвал. Для трети респондентов кризис не оказал никакого влияния на их экономическое положение, а 15%, наоборот, испытали тяжкие последствия. Существует связь между оценками состояния экономики и воздействием кризиса на благополучие респондентов: среди тех, кого кризис не затронул, большинство (77%) оценивало состояние как «среднее» или «非常好的 / очень хорошее». Наоборот, среди тех, кого кризис не пощадил, 63% респондентов негативно оценивали положение российской экономики («плохое / очень плохое»). Респонденты, чье благосостояние кризис не подорвал, разделились: 42% указали, что состояние экономики «плохое / очень плохое», 49 – «среднее» и лишь 4% – как «非常好的».

Что касается атрибуции ответственности за выход страны из экономического кризиса, на прямой вопрос «Как вы считаете, несет ли Владимир Путин личную ответственность за выход страны из экономического кризиса?» положительно ответили 81% (17% не согласились). Респондентам также предлагалось оценить, насколько каждый из шести институтов власти (президент, правительство, Государственная дума, правящая партия, губернаторы и мэры) несет ответственность по пятибалльной шкале¹. Распределение оценок показано на рис. 1. Из него видно, что президента и правительство респонденты считают наиболее ответственными, а менее всего россияне убеждены в ответственности мэров и «Единой России». Распределение демонстрирует, что российские избиратели в целом понимают, как распределена власть в стране: учитывая зависимость правящей партии от исполнительной власти в плане законотворческой деятельности и значительно сократившуюся автономию

¹ Формулировка вопроса звучала следующим образом: «Лежит ли на [институте] основная ответственность за выработку мер по выходу из экономического кризиса?»

мию муниципалитетов, респонденты хорошо понимают общий расклад сил.

Проблема подобного рода оценок в том, что они не позволяют напрямую сравнивать между собой атрибуцию респондентами ответственности разным институтам власти: для этого необходимо было использовать ранкинг или парное сравнение институтов между собой. Иными словами, такая шкала позволяет измерить интенсивность наделения ответственностью, но не позволяет определить место того или иного института в общей иерархии, что особенно актуально для сложносоставных политий. Выходом из этой ситуации является создание сравнительного индекса атрибуции ответственности (СИА), предложенного Томасом Рудольфом [Rudolph, 2016]. Этот индекс позволяет свести интенсивность и относительный порядок в одну числовую оценку. Формула индекса приведена ниже:

$$\text{Сравнительный индекс атрибуции} = \text{Институт}_i + \left[\text{Институт}_i - \frac{\sum_{j=1}^J O_j}{J} \right],$$

где Институт – это оценка атрибуции ответственности одному из институтов из набора J (в случае настоящего исследования их шесть), а О – оценка каждого из других институтов в наборе J. Чем выше значение индекса для конкретного института, тем более интенсивно респонденты атрибутируют ответственность ему, а также тем более высокое место он занимает в общей иерархии институтов.

Рисунок 2 демонстрирует распределение значений индекса для шести властных институтов в анализе. В соответствии с моими теоретическими ожиданиями, президент и правительство, будучи наделенными наибольшими полномочиями в сфере экономической политики среди институтов публичной власти, имеют схожие оценки с медианным значением в 5,4 пункта (на шкале от -3 до 9), при этом респонденты более уверены в оценках первого, поскольку разброс вокруг среднего меньше. Государственная дума является третьим по значимости институтом с медианой в 4,2 пункта, губернаторы – следующими (4 пункта). «Единая Россия» и мэры находятся в конце ранкинга; кроме того, неопределенность в их оценках значительно выше: интерквартильный ранг составляет 4,2 и 4 пункта соответственно по сравнению с 1,2 для президентского индекса и 1,8 для правительенного. Иными словами, ин-

декс еще раз подтверждает, что федеральной исполнительной власти приписывается ведущая роль в преодолении кризиса. При этом избиратели в меньшей степени уверены в значении и роли законодательной и субнациональной власти.

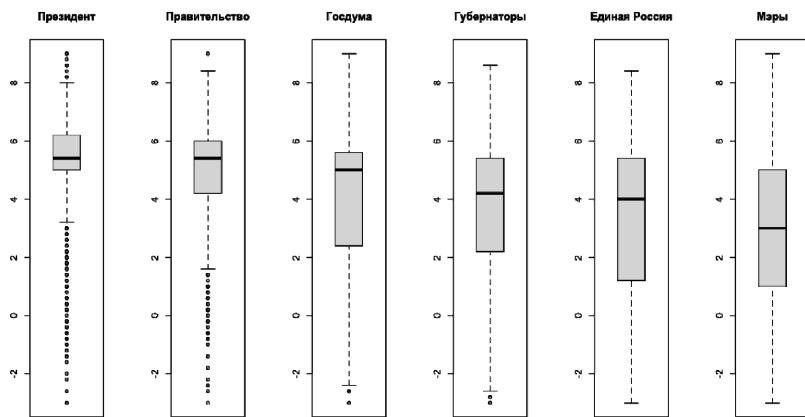

Рис. 2.
Сравнительный индекс атрибуции ответственности
для институтов власти в анализе

Можно ли говорить о переносе ответственности с одних институтов власти на другие, что проявилось бы в отрицательной корреляции между индексами отдельных институтов? Ответить на этот вопрос позволяет анализ главных компонент¹. Биграмма на рис. 3 демонстрирует, что два основных компонента объясняют около 53% вариации в индексе атрибуции ответственности, при этом в первом индекс губернаторов и мэров положительно коррелируют между собой, но не с остальными органами власти, тем самым свидетельствуя о том, что россияне выделяют субнациональную власть в плане осуществления антикризисной политики. Во втором компоненте (ось Y) выделяются оценки президента, с которыми слабо, но коррелируют оценки правительства. Иными

¹ Анализ главных компонент проводился методом спектральной декомпозиции.

словами, вторая компонента разделяет федеральную исполнительную власть и остальные институты.

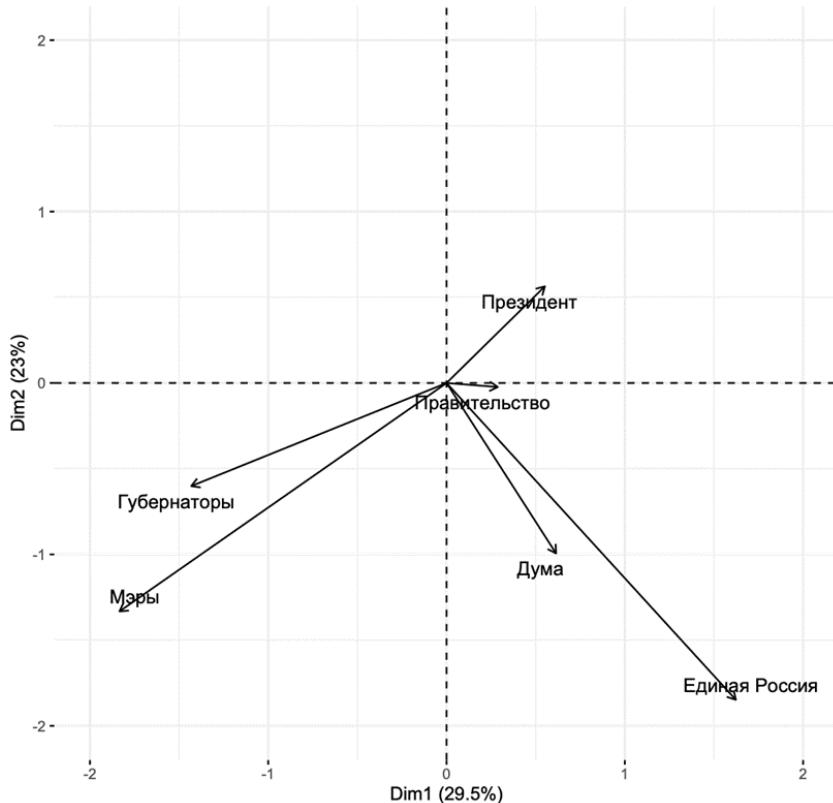

Рис. 3.

Анализ главных компонент сравнительного индекса атрибуции ответственности методом спектральной декомпозиции

Абсолютные значения корреляции между оценками невелики: наибольшая связь наблюдается в оценках губернаторов и мэров – 0,36 [0,31:0,41, $p < 0.001$], а между оценками президента и

мэров коэффициент корреляции равен -0.24 [$-0.29:-0.19$, $p < 0.001$]. Иными словами, чем больше атрибутируется ответственность мэрам, тем больше она также возлагается на губернаторов и меньше – на президента. Даже между оценками Думы и «Единой России» (которая является парламентским большинством) коэффициент корреляции составляет лишь 0.17 [$0.12:0.22$, $p < 0.001$]. Таким образом, несмотря на формальные связи между институтами в анализе, россияне все-таки оценивают каждый из них отдельно; кроме того, выделяют президента как отдельно стоящую власть, хотя и учитывают наличие различных уровней и ветвей.

Поскольку выявленная структура объясняет лишь чуть больше половины вариации, можно заключить что различие между уровнями и ветвями власти в плане атрибуции ответственности остается достаточно сложной задачей. «Субнациональный» и «президентский» компоненты, безусловно, являются наиболее яркими: так или иначе кризис представляется национальной проблемой, значит, вырабатывать политику должны в первую очередь федеральные власти, а президент и вовсе находится над ними всеми. Однако различие между законодательной (в лице Думы и ЕР) и исполнительной властью не просматривается в остальных компонентах, т.е. является менее очевидным для массового избирателя.

Индивидуальные корреляты атрибуции ответственности

Какие индивидуальные характеристики респондентов связаны с интенсивностью атрибуции ответственности? Используя Индекс для каждого из институтов в качестве зависимой переменной и ряд доступных предикторов (пол, возраст, место жительства, образование, доходная группа, политические предпочтения и воздействие кризиса), я применяю линейную регрессию со стандартными ошибками, кластеризованными на уровне федеральных округов. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Результаты регрессионного анализа (стандартные ошибки
кластеризованы на уровне федеральных округов)**

	CPR	CGR	CGovR	CLR	CUR	CMR
Мужчины	0,07 (0,11)	-0,09 (0,11)	-0,50*** (0,15)	-0,63*** (0,15)	-0,68*** (0,18)	-0,45*** (0,17)
Образование: среднее техническое	-0,28 (0,19)	0,16 (0,18)	0,35 (0,24)	-0,18 (0,25)	0,04 (0,29)	0,14 (0,27)
Образование: высшее	-0,12 (0,19)	0,54*** (0,18)	0,07 (0,24)	0,09 (0,25)	-0,52* (0,29)	-0,25 (0,27)
Города 100–500 тыс.	-0,18 (0,15)	-0,20 (0,14)	-0,21 (0,19)	0,10 (0,19)	0,05 (0,23)	0,74*** (0,21)
Города 500 тыс. – 1 млн	-0,16 (0,17)	0,08 (0,17)	-0,27 (0,22)	0,15 (0,23)	-0,42 (0,27)	0,98*** (0,25)
Города свыше 1 млн	-0,26 (0,16)	-0,22 (0,16)	-0,20 (0,21)	0,04 (0,21)	0,005 (0,25)	0,95*** (0,23)
Москва	-0,09 (0,21)	0,05 (0,20)	-0,10 (0,27)	0,13 (0,27)	0,19 (0,32)	0,28 (0,30)
Голосовал(а) за Путина	0,17 (0,12)	0,40*** (0,12)	0,35** (0,16)	0,07 (0,16)	0,42** (0,19)	0,39** (0,18)
Кризис не подорвал благосостояние	0,01 (0,13)	0,10 (0,12)	-0,11 (0,16)	0,09 (0,17)	-0,25 (0,20)	-0,26 (0,18)
Кризис подорвал благосостояние	-0,52*** (0,20)	-0,41** (0,20)	-0,13 (0,26)	-0,19 (0,27)	-0,41 (0,31)	-0,21 (0,29)
Возраст	0,01*** (0,004)	-0,01** (0,004)	0,0002 (0,005)	-0,01*** (0,005)	-0,002 (0,01)	-0,01** (0,01)
Доход	0,01 (0,05)	0,17*** (0,05)	0,08 (0,07)	0,04 (0,07)	-0,03 (0,08)	0,03 (0,08)
Свободный член	4,68*** (0,32)	4,52*** (0,31)	3,59*** (0,41)	4,64*** (0,42)	3,78*** (0,49)	2,96*** (0,46)
Количество наблюдений	1,003	1,003	1,003	1,003	1,003	1,003
Скорректированный R ²	0,03	0,06	0,02	0,02	0,03	0,03
F-статистика (df = 12; 990)	3,44***	5,87***	2,96***	2,53***	4,03***	3,69***
Условные обозначения:	*p<0,1; **p<0,05; ***p<0,01					

CPR – индекс оценки президента, CGR – индекс оценки правительства, CGovR – индекс оценки губернаторов, CLR – индекс оценки Думы, CUR – индекс оценки «Единой России», CMR – индекс оценки мэров.

Результаты свидетельствуют, что политические предпочтения в соответствии с моими ожиданиями тесно связаны с атрибуцией ответственности: голосовавшие за Путина в 2018 г. в среднем наделяют власть большей ответственностью. Для всех индексов, кроме президентского и думского, разница составляет в среднем 0,4 пункта. В то же время предположение, что пострадавшие от

кризиса в большей степени будут атрибутировать ответственность публичной власти, не оправдалось: реальный эффект оказался противоположным. При прочих равных, те, чье благосостояние кризис подорвал, в среднем на 0,5 балла ниже оценивали ответственность президента и на 0,4 – федерального правительства. Такая ситуация может отражать разочарование оппозиционного и затронутого кризисом избирателя в способности президента что-то сделать с экономической ситуацией в стране: именно не голосовавшие за Путина в большей степени склонны признавать кризис в стране (76% vs 61%) и имеют чуть более пессимистичный взгляд на состояние экономики. Кроме того, оценки эффективности действий власти по выходу из кризиса между лоялистами и оппозиционерами существенно отличаются (табл. 2): у последних они в среднем на один балл ниже.

Таблица 2

Средние оценки эффективности действий власти по выходу из экономического кризиса в зависимости от голосования за Путина

Голосование	Президент	Правительство	Дума	Губернаторы	ЕР	Мэры
Не голосовали за Путина	2,92	2,63	2,24	2,39	1,97	2,41
Голосовали за Путина	4,38	3,84	3,34	2,94	3,23	3,02

Предположение, что образование и место жительства будут систематически связаны с атрибуцией, также не получили последовательного подтверждения. Респонденты с высшим образованием более склонны возлагать ответственность на правительство, но не на «Единую Россию» или мэров, а жители крупных городов по сравнению с небольшими и столичными чаще видят мэров движущей силой выхода из кризиса *ceteris paribus*, но не отличаются в характере атрибуции другим институтам в анализе. Из других переменных, мужчины менее склонны наделять ответственностью все институты, кроме президентской власти, а с возрастом респонденты чуть более склонны указывать на президента и менее – на другие институты.

Альтернативные спецификации модели (например, разделение возраста и дохода на категории), а также использование изначальной пятичастной шкалы атрибуции не меняет паттерна, до-

бавляются лишь нюансы: возрастные когорты 25–35 и 36–50 в меньшей степени склонны атрибутировать ответственность президенту, в большей – федеральному правительству и Думе, а респонденты со средним доходом и с доходом менее среднего сильнее атрибутируют ответственность всей исполнительной власти от правительства до мэров.

Таким образом, результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что наиболее консистентными предикторами атрибуции ответственности выступают политические предпочтения респондентов, их подверженность воздействию кризиса, возраст и гендер. Значимость первых двух по сравнению с такими сильными характеристиками, как образование и доход, указывает на то, что атрибуция ответственности за кризис – это не в последнюю очередь социально-политический процесс. Систематические различия между лоялистами и оппозиционерами в оценках ответственности и эффективности говорят о том, что эти группы по-разному видят кризис и пути выхода из него.

Заключение

Данное исследование демонстрирует, что россияне во многом распределяют ответственность за преодоление экономического кризиса согласно формальному разделению полномочий: президент выделяется на фоне остальных ветвей и уровней, и несет персональную ответственность. Наличие остальных институтов позволяет «коттенить» работу президента: несмотря на бремя ответственности, его работу по выходу из кризиса оценивают как эффективную. В то же время прямого переноса ответственности (обратной корреляции в атрибуции ответственности между институтами) не наблюдается: фокусирование на президенте не обязательно связано со снижением оценки роли парламента или правящей партии. В этом плане режим имеет запас прочности: в условиях, когда разные институты публичной власти оцениваются отдельно друг от друга, а не как составляющие одного режима, всегда есть возможность переносить ответственность («переводить стрелки») между ними без особых последствий.

Другое следствие проведенного анализа заключается в выявленных эффектах политических предпочтений и потерь от кризиса.

Факт, что противники Путина и потерявшие от кризиса в меньшей степени готовы приписывать ответственность за выход из кризиса институтам публичной власти, позволяет лучше понять основания устойчивости российского авторитаризма. Поскольку именно эта категория объединяет избирателей, у которых есть причины для недовольства (потери от кризиса) и потенциально антирежимные настроения, теоретически они могут быть мобилизованы оппозицией, но поскольку они не атрибутируют ответственность существующей власти, убедить их выступать против нее становится не-простой задачей. Иными словами, убедив потенциально наиболее опасную группу в том, что она не имеет к кризису отношения, российская власть смогла избежать значительных reparационных последствий и – в конечном итоге – сохранить легитимность даже в условиях накладывающихся друг на друга долгосрочной стагнации экономики и шока, вызванного пандемией.

Данное исследование показывает, что установление связи между экономическим шоком и действиями публичной власти во многом является политическим действием, а не простой производной от социально-экономических и образовательных характеристик индивидов. Предпочтения россиян в сфере политики определяют угол, под которым они смотрят на состояние экономики и идентифицируют ответственных за антикризисное управление. Дальнейшие исследования в этой области могут помочь раскрыть то, связана ли атрибуция ответственности со значимыми политическими характеристиками (ценности, идеология, психологические черты), а также – может ли более четкая идентификация ответственных привести россиян к готовности «наказывать» публичную власть за провалы в экономической политике.

A.V. Semenov*

**The distributed burden: how do Russian's attribute responsibility
for handling the economic crisis?**

Abstract. In this paper, I explore how Russians attribute the responsibility for handling the economic crisis among multiple political institutions. Previous research

* Semenov Andrei, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Perm State University (Perm, Russia), e-mail: andreysemenov@comparativestudies.ru

established the link between the crisis and electoral results for the ruling party and other regime players, but did not address the question of the responsibility burden's distribution between branches and levels of public authorities in Russia. Using the results of representative survey and a novel instrument – comparative responsibility attribution index, which allows to assess the intensity of responsibility and the ordering of the institutions simultaneously – I demonstrate that Russians singles out the president as a chief responsibly for handling the crisis. Moreover, there exists a tight consensus about his role and place among other institutions. The federal government, the Sate Duma, and the governors follow his lead with the ruling party and mayors judged as the least responsible. Using spectral decomposition, I also show that Russian voters when it comes to getting out of the crisis also distinguish between the federal and subnational authorities. Finally, the individual-level analysis reveals that gender, age, political preferences, and crisis impact, but its significance caries across target institutions. The study contributes to the growing scholarship on responsibility attribution under autocracies and the ways the voters navigate the institutional complexities of modern polities.

Keywords: economic crisis; responsibility attribution; economic voting; accountability; political institutions.

For citation: Semenov A.V. The Distributed burden: how do Russians attribute responsibility for handling the economic crisis? *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 144–163. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.07>

References

- Anderson C.D. Economic voting and multilevel governance: a comparative individual-level analysis. *American journal of political science*. 2006, Vol. 50, N 2, P. 449–463. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00194.x>
- Beazer Q.H., Reuter O.J. Who is to blame? Political centralization and electoral punishment under authoritarianism. *The journal of politics*. 2019, Vol. 81, N 2, P. 648–662.
- Bisgaard M. Bias will find a way: economic perceptions, attributions of blame, and partisan-motivated reasoning during crisis. *The journal of politics*. 2015, Vol. 77, N 3, P. 849–860. DOI: <https://doi.org/10.1086/681591>
- De Vries C.E., Edwards E.E., Tillman E.R. Clarity of responsibility beyond the pocket-book: How political institutions condition EU issue voting. *Comparative political studies*. 2011, Vol. 44, N 3, P. 339–363.
- Duch R.M., Stevenson R.T. *The economic vote: how political and economic institutions condition election results*. Cambridge: Cambridge university press, 2008, 418 p.
- Javeline D. *Protest and the politics of blame: the Russian response to unpaid wages*. Ann Arbor: University of Michigan press, 2009, 312 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.17850>
- Hobolt S., Tilley J. Banducci S. Clarity of responsibility: How government cohesion conditions performance voting. *European journal of political research*. 2013, Vol. 52, N 2, P. 164–187. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2012.02072.x>

- Hollyer J.R., Rosendorff B.P, Vreeland J.R. *Transparency, democracy, and autocracy: Economic transparency and political (in) stability*. Cambridge: Cambridge university press, 2018, 396 p.
- Hood C. *The Blame Game*. Princeton, NJ: Princeton university press, 2010, 240 p.
- Russian economic report: from recession to recovery. Washington D.C.: World Bank Group, 2017, 52 p.
- Russian economic report: modest growth ahead. Washington D.C.: World Bank Group, 2018, 48 p.
- Sirotkina E. How biased media generate support for the ruling authorities: causal mediation analysis of evidence from Russia. *European journal of communication*. 2021, Vol. 36, N 2, P. 183–200. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0267323120966840>
- Tilley J., Hobolt S.B. Is the government to blame? An experimental test of how partisanship shapes perceptions of performance and responsibility. *The journal of politics*. 2011, Vol. 73, N 2, P. 316–330. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022381611000168>
- Key V.O. *The responsible electorate. rationality in presidential voting, 1936–1960*. Cambridge: Harvard university press, 1966, 158 p.
- Kramer G.H. Short-term fluctuations in US voting behavior, 1896–1964. *American political science review*. 1971, Vol. 65, N 1, P. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.2307/1955049>
- Malhotra N., Kuo A. Attributing blame: the public's response to Hurricane Katrina. *The journal of politics*. 2008, Vol. 70, N 1, P. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381607080097>
- Orth D.A. Accountability in a federal system: the governor, the president, and economic expectations. *State politics & policy quarterly*. 2001, Vol. 1, N 4, P. 412–432. DOI: <https://doi.org/10.1177/153244000100100405>
- Powell G.B., Whitten G. A cross-national analysis of economic voting: Taking account of the political context. *American journal of political science*. 1993, Vol. 37, N 2, P. 391–414. DOI: <https://doi.org/10.2307/2111378>
- Robertson G.B. *The politics of protest in hybrid regimes: managing dissent in post-communist Russia*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, 304 p.
- Rogov K. (ed.). *Stagnancy-2: Outcomes, risks and alternative for Russian economy*. Moscow: Liberal Mission, 2021, 80 p. (In Russ.)
- Rosenfeld B. The popularity costs of economic crisis under electoral authoritarianism: Evidence from Russia. *American journal of political science*. 2018, Vol. 62, N 2, P. 382–397. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12338>
- Rudolph T.J. Institutional context and the assignment of political responsibility. *The journal of politics*. 2003, Vol. 65, N 1, P. 190–215.
- Rudolph T.J. The meaning and measurement of responsibility attributions. *American politics research*. 2016, Vol. 44, N 1, P. 106–30. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1532673X15595460>
- Semenov A.V., Shevtsova I.K. Presidentialism and responsibility attribution for economic hardships in Russia. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 195–215. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.07> (In Russ.)
- Sirotkina E.V., Semenov A.V. Economic crisis and the assessment of public effectiveness: who bears responsibility for the economic downturn in Russia? *The journal of*

social policy studies. 2019, Vol. 7, N 2, P. 191–206. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-191-206> (In Russ.)

Sirotkina E., Zavadskaya M. When the party's over: political blame attribution under an electoral authoritarian regime. *Post-soviet affairs.* 2020, Vol. 36, N 1, P. 37–60. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2019.1639386>

Литература на русском языке

- Застой-2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики / K. Рогов [и др.]; под ред. К. Рогова. – М.: Либеральная миссия, 2021. – 80 с.
- Семенов А.В., Шевцова И.К. Президенциализм и атрибуция ответственности за экономическое неблагополучие в России // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 195–215. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.07>
- Сироткина Е.В., Семенов А.В. Экономический кризис и оценка эффективности власти: кто несет ответственность за ухудшение уровня жизни в России? // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 191–206. – DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-191-206>

**Ю.А. КАБАНОВ, Б.А. РОМАНОВ, М.Е. КАРЯГИН,
А.А. БОЧАРОВ, А.В. ЖЕЛТОУХОВА***

**ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА,
«ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ» И (НЕ)ОДОБРЕНИЕ
ГЛАВ РЕГИОНОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ?¹**

Аннотация. В апреле 2020 г. федеральные власти РФ передали дополнительные полномочия по введению противоэпидемических мер на региональный уровень. В то время как некоторые эксперты видят в этом шаг на пути к развитию федерализма, большинство исследователей рассматривают его как попытку переложить ответственность за решения и их последствия на глав регионов. Наделение губернаторов дополнительными полномочиями привело к росту внимания к

* Кабанов Юрий Андреевич, старший преподаватель департамента политологии и международных отношений, научный сотрудник Центра сравнительных исследований власти и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ukabanov@hse.ru; Романов Богдан Александрович, аспирант, младший научный сотрудник, Университет Тарту (Тарту, Эстония), e-mail: bogdan.romanov@ut.ee; Карягин Михаил Евгеньевич, ведущий эксперт, Центр политической конъюнктуры (Москва, Россия), e-mail: karyaginm@gmail.com; Бочаров Александр Александрович, студент ОП «Политология и мировая политика», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: aabocharov_2@edu.hse.ru; Желтоухова Анна Вячеславна, приглашенный преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: azheltouhova@hse.ru.

¹ Статья выполнена в рамках исследовательского проекта «Внутренние и внешние вызовы для многоуровневых систем управления: способность к эффективным реакциям и адаптациям» Программы фундаментальных исследований ВШЭ (2021).

© Кабанов Ю.А., Романов Б.А., Карягин М.Е.,

Бочаров А.А., Желтоухова А.В., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.02.08

ним в социальных медиа, представляющих определенный срез общественного мнения об их деятельности. В рамках данного исследования предпринимается попытка выяснить, в какой мере децентрализация сказалась на отношении к главам регионов в социальных сетях, было ли это влияние позитивным или негативным, а также в какой мере эффективность регионального управления и активность губернаторов в соцсетях могли его опосредовать. В работе используется регрессионный анализ данных за апрель – ноябрь 2020 г. в 80 регионах. Результаты исследования позволяют сделать предварительный вывод, что одобрение и неодобрение губернаторов действительно зависело от степени принятых ограничений: чем выше строгость законодательства, тем выше доля негативных комментариев и тем ниже – позитивных. Управленческий фактор при этом также имел значение: эффективность политического управления и успешность социальной политики положительно сказывались на имидже глав регионов в указанный период. Напротив, активность губернаторов в социальных сетях свою значимость не подтвердила, что позволяет говорить о пока недостаточном использовании этого ресурса региональными властями. Результаты вносят вклад в изучение последствий пандемии в России, а также в исследование роли государственного управления и Интернета в российской политической динамике.

Ключевые слова: пандемия; коронавирус; регионы России; губернаторы; качество управления; социальные сети; региональная политика.

Для цитирования: Пандемия коронавируса, «децентрализация» и (не)одобрение глав регионов в социальных сетях: что имеет значение? / Ю.А. Кабанов, Б.А. Романов, М.Е. Карягин, А.А. Бочаров, А.В. Желтоухова // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 164–183. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.08>

Введение

Пандемия коронавируса подвергла испытанию не только способность стран быстро и эффективно отвечать на кризисы [Cepaluni, Dorsch, Branuiczki, 2021; Greer et al., 2020; Kavanagh, Singh, 2020], но и их готовность вести диалог с обществом в процессе имплементации противоэпидемической политики, в том числе учитывая возможную негативную реакцию граждан на принимаемые меры [Han et al., 2021; Sibley et al., 2020]. Социальные медиа занимают в таком диалоге особое место: они способны как дестабилизировать ситуацию, так и наоборот, восстановить институциональное и межличностное доверие [Cinelli et al., 2020; Li-maye et al., 2020; Mansoor, 2021; Tsao et al., 2021].

Кейс России в этом контексте представляет интерес. Несмотря на неоднозначные результаты принятых мер, в целом руково-

водству страны удалось сохранить высокий уровень поддержки со стороны населения [Sokhey, 2022; Zavadskaya, Sokolov, 2020]. По мнению исследователей, одну из ключевых ролей в этом сыграла *децентрализация*, при которой на регионы были возложены дополнительные полномочия, а значит, и ответственность за политические решения [Busygina, Filippov, 2021; Smyth et al., 2020; Zavadskaya, Sokolov, 2020; Chaisty, Gerry, Whitefield, 2021]. Главы субъектов, политически зависимые от федерального центра [Reuter, Robertson, 2012], были вынуждены не только бороться с эпидемией в условиях неоднородной и в целом недостаточной эффективности управления и социальной политики [Гельман, 2021; Smyth et al., 2020], но и искать способы минимизировать негативные «имиджевые» последствия для себя в глазах граждан и федеральных властей. Иными словами, децентрализация в условиях кризиса стала проверкой не только качества управления в регионах, но и способности губернаторов¹ контролировать информационную повестку, в том числе в социальных сетях.

Концентрируясь на данном сюжете, в исследовании мы планируем выяснить, нашла ли объявленная децентрализация отражение в социальных сетях, повлияла ли она на отношение граждан к деятельности глав регионов, и если да, что могло опосредовать такое влияние. Здесь, в частности, нас интересует роль эффективности управления в субъектах, а также потенциал ресурсов «информационной автократии» [Guriev, Treisman, 2019; Guriev, Treisman, 2020]. Используя данные о позитивных и негативных сообщениях в адрес губернаторов в социальных сетях, мы предпринимаем попытку количественно определить характеристики субъектов и их глав, позволившие относительно успешно справиться с «имиджевыми» последствиями децентрализации ответственности в условиях пандемии.

Пандемия, российские регионы и социальные сети

Несмотря на новизну проблематики, работ, посвященных региональным аспектам пандемии коронавируса в России, уже

¹ Здесь и далее под губернаторами мы понимаем всех глав субъектов РФ, вне зависимости от их официальной должности.

достаточно много. Правда, касаются они в основном социально-экономических проблем, отмечая такие последствия кризиса, как спад экономической активности, падение собственных доходов регионов, рост безработицы и снижение благосостояния населения [Зубаревич, 2020; Зубаревич, 2021 а; Копыток, Кузьмина, 2020]. В этих условиях заявленная политическая децентрализация сопровождалась повышением финансовой зависимости регионов от федеральной помощи [Klimanov et al., 2020; Зубаревич, 2021 б]¹. В начале пандемии сильнее всего пострадали урбанизированные регионы [Turgel, Chemova, Usoltceva, 2021; Зубаревич, 2021 а], они же оказались в зоне повышенного риска с точки зрения темпов заболеваемости и смертности [Zemtsov, Baburin, 2020].

Политические последствия пандемии, как правило, обсуждаются в контексте значения децентрализации для трансформации федеративных отношений. Региональная вариация в установленных ограничительных мерах, их продолжительности и строгости, действительно прослеживается [Smyth et al., 2020], при этом ориентация субъектов на «вертикаль власти» рассматривается экспертами как важный фактор, объясняющий различия в принятых мерах². Исследователи спорят и о долгосрочных эффектах такой политики. С одной стороны, по мнению А. Макарычева и других, это решение «стало важным вкладом в постепенную децентрализацию российской политической системы и создало сильный запрос на самоуправление во многих периферийных регионах» [Makarychev, Goes, Kuznetsova, 2020, с. 44]. Более сдержанную позицию выразил А. Кынев, отметив, что кризис не отменил федеральный курс на «маргинализацию региональных элит и подчинение их варягам-технократам», при котором «губернатор становится про-

¹ Комин М., Полторацкая В. Ответственность вместо прав: привела ли пандемия к федерализации России // РБК. – 2020. – Апрель. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/04/04/2020/5e87291b9a7947054c55500f> (дата посещения: 11.11.2021).

² Шагалов И.Л., Шаблинский А.И., Полищук Л.И. Региональные меры по борьбе с пандемией коронавируса и ее последствиями // XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. – 2021. – Режим доступа: <https://conf.hse.ru/2021/program> (дата посещения: 05.12.2021); Винокуров А., Кадик Л., Хейфец В. Эпидемократический централизм // Коммерсантъ. – 2020. – Апрель. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4317294> (дата посещения: 05.12.2021).

сто клерком, но с политической ответственностью» [Кынев, 2021, с. 55, 58]. Схожего мнения придерживаются И. Бусыгина и М. Филиппов, подчеркивая, что кризис скорее укрепил статус-кво в отношениях центра и регионов, направленный на поддержание устойчивости режима [Busygina, Filippov, 2021]. Похожие сдержанные оценки высказываются и другими экспертами¹. Эмпирическое подтверждение получил и тезис о том, что децентрализация была способом «переноса вины» на губернаторов [Chaisty, Gerry, Whitefield, 2021].

Существующие исследования, таким образом, позволяют сделать несколько промежуточных выводов. Во-первых, политика децентрализации скорее всего имела целью не только адаптацию антикризисных мер к региональным особенностям, но и перенос ответственности за последствия непопулярных мер на субъекты Федерации. Во-вторых, отличались «стартовые позиции» отдельных субъектов в плане управленческого и социально-экономического потенциала, да и сама пандемия ударила по ним неравномерно.

Следует подчеркнуть, что наделение губернаторов дополнительными полномочиями не могло не получить отражения в информационной повестке и общественном мнении. В первые месяцы после объявленного президентом решения главы регионов привлекли к себе особое внимание в социальных сетях, и далее этот интерес оставался достаточно устойчивым². Наглядно это демонстрирует рис. 1, где соотнесены два графика: количество упоминаний губернаторов в социальных сетях и динамика строгости противоэпидемических ограничений. В целом чем строже принятые меры, тем больше внимания к главам субъектов, хотя эта связь неоднородна во временном и региональном разрезе. Это наталкивает на мысль, что если перенос ответственности действительно

¹ Эпидемократический централизм // Коммерсантъ. – 2020. – Апрель. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4317294> (дата посещения: 11.11.2021); Комин М., Полторацкая В. Ответственность вместо прав: привела ли пандемия к федерализации России // РБК. – 2020. – Апрель. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/04/04/2020/5e87291b9a7947054c55500f> (дата посещения: 11.11.2021).

² Губернаторы – герои соцсетей (выпуск за декабрь и итоги 2020) // Центр политической конъюнктуры – 2020. – Режим доступа: <https://cpkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/gubernatory-geroi-sotssetey-vypusk-za-dekabr-i-itogi-2020/> (дата посещения: 10.11.2021).

имел значение, для некоторых губернаторов его эффект оказался сильнее, чем для других. В эмпирической части работы мы делаем попытку объяснить эту вариацию.

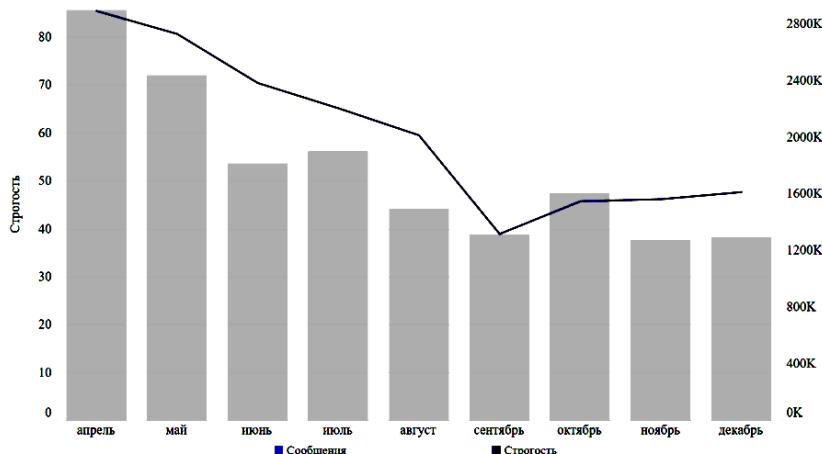

Рис.

Количество сообщений о главах субъектов в социальных сетях и динамика строгости противоэпидемических ограничений в России, апрель – декабрь 2020 г.

Источник: Медиалогия, ЦПК¹, COVID-19 Government Response Tracker [Hale, Angrist, 2021].

Теоретическая рамка исследования

Теоретическая рамка исследования строится вокруг трех предположений, которые мы планируем проверить эмпирически. Первое касается вопроса, действительно ли перенос ответственности мог повлиять на отношение граждан к губернаторам. Таким образом, мы тестируем часто высказываемый тезис, что отвлече-

¹ Губернаторы – герои соцсетей (выпуск за декабрь и итоги 2020) // Центр политической конъюнктуры – 2020. – Режим доступа: <https://cpkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/gubernatory-geroi-sotssetey-vypusk-za-dekabr-i-itogi-2020/> (дата посещения: 10.11.2021).

ние внимания от федерального центра и было основной целью децентрализации [Busygina, Filippov, 2021; Smyth et al., 2020; Zavadskaya, Sokolov, 2020; Chaisty, Gerry, Whitefield, 2021]¹. Наша логика заключается в том, что если такой эффект действительно был, то строгость вводимых ограничений (как на уровне субъекта, так и на уровне страны) должна была спровоцировать изменение общественного мнения – вероятно, в негативную сторону.

Что могло бы помочь губернаторам снизить такой негативный эффект? Существующие кросс-национальные исследования подсказывают значимость таких переменных, как государственная состоятельность и качество управления [Greer et al., 2020]. Единого мнения о роли этих факторов пока не сложилось. С одной стороны, страны с высоким уровнем государственной состоятельности медленнее реагировали на кризис [Cronert, 2020], с другой – лучше справлялись с его негативными последствиями, в том числе и в контексте сохранения общественного доверия [Mansoor, 2021; Saribayeva, Abdulla, Oskembayev, 2021]. Так, исследование К. Мансура показывает положительную связь между качеством управления и доверием граждан, усиливающуюся за счет эффективной работы государства в социальных сетях [Mansoor, 2021].

Конечно, говорить о качестве управления в российском контексте нужно с определенными оговорками [Гельман, 2019], однако известно, что эффективность управления в субъектах РФ существенно различается [Gel'man, Zavadsakaya, 2021; Стародубцев, 2018], что обусловило разный уровень готовности регионов к пандемии [Гельман, 2021; Smyth et al., 2020]². В связи с этим вполне обоснованным выглядит предположение, что в преддверии кризиса стартовые позиции губернаторов, которые более эффективно управляют регионами, были более выгодными. Такие губернаторы, вероятно, смогли избежать общественного недовольства и даже повысили уровень одобрения своей деятельности.

Эффективность управления здесь мы понимаем в двух измерениях. С одной стороны, речь идет о политическом контроле и управляемости региона. Как указывает А.В. Стародубцев, в неде-

¹ Комин М., Полторацкая В. Ответственность вместо прав: привела ли пандемия к федерализации России // РБК. – 2020. – Апрель. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/04/04/2020/5e87291b9a7947054c55500f> (дата посещения: 11.11.2021).

² Там же.

мократическом контексте важным элементом успешного управления становится «отсутствие значимых внутриэлитных конфликтов и полное доминирование губернатора в региональной политической системе» [Стародубцев, 2018, с. 79]. Это позволяет оперативно принимать решения, а вкупе с относительно эффективной бюрократией – претворять их в жизнь. В условиях стремительно разворачивающегося кризиса это особенно важно.

Второе измерение эффективности относится к области социально-экономической политики и оценивает то, в какой степени региональные власти достигают общественно значимых целей, связанных с благосостоянием и благополучием граждан [Туровский, 2013]. Учитывая давление, оказываемое пандемией на здравоохранение и институты социальной поддержки, вполне ожидаемо, что эффективность управления этой сферой могла оказаться и на качестве ответа на пандемию, и, впоследствии, на отношении к руководству региона [Greer et al., 2020; Smyth et al., 2020].

Таким образом, мы предполагаем, что относительная эффективность управления в регионах – понимаемая как степень политического контроля и как успешность социальной политики – могла существенно повлиять на динамику общественного мнения о губернаторах в социальных сетях.

Если же следовать другой логике, то авторитарным правительствам необязательно всегда «быть» эффективными. Как пишут С. Гуриев и Д. Трейзман, иногда требуется лишь «убедить граждан, что они компетентные и эффективные лидеры» [Guriev, Treisman, 2019, р. 113]. В подобных «информационных автократиях» стабильность основана на определенной риторике, манипуляциях информацией и цензуре [Guriev, Treisman, 2019; Guriev, Treisman, 2020]. Хотя регионы являются скорее «исполнителями» этой общей стратегии режима на местах [Busygina, Filippov, 2021], в целом у них есть потенциал для использования схожих техник.

Исследования российского медиапространства фиксируют постепенный рост интереса губернаторов к социальным сетям как к средству продвижения собственной информационной повестки, коммуникации с гражданами и в конечном счете легитимации власти [Platonov, Legostaeva, 2019; Renz, Sullivan, 2013; Toeprf, 2012; Wijermars, 2021]. В теории, такие страницы в социальных сетях могли бы стать не только каналом информирования о деятельности региональных правительств, но и инструментом

«отзывчивого авторитаризма» [Qiaoan, Teets, 2020], позволяющим контролировать онлайн-пространство и получать важную информацию об общественных настроениях [Lorentzen, 2014]. На практике же ситуация пока не столь однозначна. Социальные сети действительно приобретают значимость в региональном управлении, однако за редким исключением главы субъектов пользуются ими недостаточно эффективно либо не используют вообще [Филатова, 2020 а; б]. Тем не менее можно предположить, что активность губернаторов в социальных медиа дает им определенное преимущество в контексте взаимодействия с гражданами.

Если наши предположения верны, на эмпирическом уровне можно ожидать ситуацию, при которой несмотря на общие негативные тренды, связанные с внедрением ограничительных мер, главы регионов с более эффективным региональным управлением, активно использующие социальные сети, могли минимизировать отрицательную реакцию общества в отношении себя.

Дизайн эмпирического исследования

В рамках эмпирического исследования был проведен регрессионный анализ данных, охватывающих период с апреля по ноябрь 2020 г. Несколько регионов были исключены из выборки в силу специфики эпидемиологической или политической ситуации¹. Таким образом, база данных содержит 640 наблюдений (регион – месяц). Из-за нехватки региональной статистики многие независимые и контрольные переменные рассчитаны за год, предшествующий или соответствующий исследуемому периоду. Это ограничение необходимо учитывать при интерпретации результатов.

Зависимые переменные исследования операционализируются через доли негативных и позитивных сообщений по отношению к главам регионов в социальных сетях на основании ресурса «Медиалогия»². Использование этих данных сопряжено с рядом трудностей. В частности, большинство сообщений кодируются как

¹ Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Чеченская Республика, Хабаровский край.

² Медиалогия. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/> (дата посещения: 01.12.2021).

нейтральные, из-за чего выпадают из анализа¹. Кроме того, нельзя гарантировать, что все они относятся непосредственно к пандемии, поскольку периодически губернаторы упоминались в контексте других федеральных и региональных сюжетов.

Первая независимая переменная, касающаяся введенных противоэпидемических ограничений, операционализируется через два показателя. Во-первых, через индикатор строгости мер (*Stringency*) по расчетам *COVID-19 Government Response Tracker*, оценивающий политику стран от 0 до 100, где 100 обозначает максимальную строгость [Hale et al., 2021]. Во-вторых, через данные Индекса самоизоляции «Яндекса» (*Self-Isolation*), фиксирующего активность граждан на улицах (эти данные касаются только крупных городов субъектов и доступны лишь для 608 случаев из 640)².

Вторая независимая переменная – эффективность управления в регионах – измеряется с помощью данных *VIII Рейтинга эффективности управления в субъектах РФ* за 2020 г. Здесь мы также используем два показателя. Первый – показатель эффективности политico-управленческого блока (*Political Effectiveness*), оценивающий «успешность губернатора в выстраивании отношений с ключевыми акторами политической среды», а также то, «насколько эффективно выстроена внутренняя деятельность региональной власти»³. Такая операционализация, на наш взгляд, хорошо соотносится с интерпретацией эффективного управления как меры политического контроля губернатора над субъектом. Второй показатель – эффективности социального блока (*Social Effectiveness*) – отражает успешность регионального правительства в развитии социальной политики, в частности здравоохранения⁴.

¹ Губернаторы – герои соцсетей (выпуск за декабрь и итоги 2020) // Центр политической конъюнктуры. – 2020. – Режим доступа: <https://cpkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/gubernatory-geroi-sotssetey-vypusk-za-dekabr-i-itogi-2020/> (дата посещения: 10.11.2021).

² Индекс самоизоляции // Яндекс. – 2021 – Режим доступа: <https://yandex.ru/company/researches/2020/podomam> (дата посещения: 08.11.2021).

³ Орлов Д., Туровский Р. VIII Рейтинг Эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2020 году // Агентство политических и экономических коммуникаций. – 2020. – Режим доступа: http://apescom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=6829 (дата посещения: 08.11.2021).

⁴ Там же.

Третья независимая переменная – активность губернаторов в социальных медиа – труднее всего поддается измерению. Учитывая, что в последнее время наиболее популярной среди глав регионов платформой становится Instagram¹ [Филатова, 2020 а], в качестве прокси-переменной была использована информация о деятельности глав субъектов именно в этой социальной сети. Во-первых, мы берем данные, собранные Центром политической конъюнктуры перед исследуемым периодом, в частности тестируем показатель коэффициента вовлеченности (*Engagement ЦПК*) – композитного индикатора, включающего количество сообщений, «лайков» и комментариев, а также – как отдельный показатель – количество подписчиков (*Subscribers*)². Кроме того, мы дополнительно тестируем данные по вовлеченности, собранные О.Г. Филатовой применительно к платформе Instagram на январь 2020 г. (*Engagement ОГФ*) [Филатова, 2020 с].

Далее, в анализе было использовано несколько контрольных переменных, которые также могли повлиять на динамику одобрения и неодобрения губернаторов в контексте пандемии. Во-первых, это данные об избыточной смертности (*Excess Mortality*), позволяющие достаточно точно оценить эпидемиологическую ситуацию в регионах [Kobak, 2021]. Данные представляют собой количество избыточных смертей в субъекте за месяц³. Во-вторых, для оценки развития интернет-пространства мы берем данные Росстата (*Internet Users*) за 2019 г. (доля населения, использующего Интернет)⁴. В-третьих, в модели включаются данные о валовом региональном продукте на душу населения (*GRP*) для контроля экономической ситуации в субъекте, по данным Росстата за 2019 г.⁵

¹ Принадлежит организации Meta, признанной в Российской Федерации экстремистской.

² Региональная ботократия // Центр политической конъюнктуры. – 2020 – Режим доступа: <http://cpkr.ru/issledovaniya/budushchee/regionalnaya-botokratiya/> (дата посещения: 12.10.2021).

³ Kobak D. Excess mortality during the COVID-19 pandemic // Github. – Режим доступа: <https://github.com/dkobak/excess-mortality/> (дата посещения: 12.10.2021).

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. // Росстат. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата посещения: 12.10.2021).

⁵ Валовый региональный продукт на душу населения по субъектам Российской Федерации в 1998–2019 гг. // Росстат. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/9Yl4JKg4/vtrp.xlsx> (дата посещения: 12.10.2021).

Четвертой контрольной переменной выступает уровень безработицы в регионе (*Unemployment*), рассчитанный Росстатом за 2019 г.¹ В-пятых, в регрессионные модели включается доля голосов за В.В. Путина на президентских выборах 2018 г. (*Vote 2018*) как прокси для характеристики политической лояльности региона². В-шестых, для оценки временной динамики используется порядковая переменная месяца наблюдений (*Month*). Кроме того, мы контролируем общее количество комментариев о главах регионов в месяц, зафиксированных ресурсом «Медиалогия» (*All comments*).

Результаты эмпирического анализа

Результаты расчета регрессионных моделей представлены в табл. 1 (для доли негативных комментариев) и табл. 2 (для доли позитивных комментариев). Достаточно низкий коэффициент детерминации моделей свидетельствует о возможном наличии дополнительных объясняющих факторов; кроме того, следует помнить об ограничениях, связанных с доступностью данных. Тем не менее мы можем сделать ряд важных промежуточных выводов.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа
(зависимая переменная: доля негативных комментариев).
Источник: расчеты авторов

Переменные	Стандартизованные Бета-коэффициенты (значимость)					
	Модели	M1	M2	M3	M4	M5
1	2	3	4	5	6	7
<i>Stringency</i>	.193 (.000)	-	.184 (.000)	.196 (.000)	.194 (.000)	-
<i>Self-Isolation</i>	-	.134 (.001)	-	-	-	-
<i>Political Effectiveness</i>	-.194 (.000)	-.152 (.001)	-	-.206 (.000)	-.193 (.000)	-.198 (.000)
<i>Social Effectiveness</i>	-	-	-.119 (.009)	-	-	-
<i>Engagement ЦРК</i>	.099 (.010)	.093 (.018)	.124 (.001)	-	-	.099 (.010)
<i>Subscribers</i>	-	-	-	-.058 (.196)	-	-
<i>Engagement ОГФ</i>	-	-	-	-	.083 (.030)	-
<i>Excess Mortality</i>	-.098 (.022)	-.159 (.000)	-.131 (.002)	-.084 (.057)	-.097 (.023)	-.073 (.112)
<i>Unemployment</i>	-.010 (.813)	.023 (.633)	.010 (.824)	-.020 (.652)	-.018 (.676)	-.009 (.834)

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели...

² Выборы Президента Российской Федерации // ЦИК РФ. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/> (дата посещения: 20.11.2021).

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
<i>GRP</i>	-.015 (.721)	-.086 (.058)	-.017 (.690)	-.002 (.967)	-.006 (.877)	-.011 (.791)
<i>Internet Users</i>	.103 (.017)	.106 (.020)	.100 (.022)	.106 (.016)	.084 (.051)	.101 (.019)
<i>Vote 2018</i>	-.140 (.001)	-.180 (.000)	-.165 (.000)	-.122 (.004)	-.135 (.001)	-.139 (.001)
<i>All Comments</i>	.099 (.015)	.122 (.003)	.080 (.050)	.112 (.009)	.097 (.017)	.092 (.024)
<i>Month</i>	-	-	-	-	-	-.204 (.000)
Скорректированный R-квадрат	.130	.122	.112	.123	.127	.129
Ст. ошибка	4.4	4.45	4.45	4.43	4.41	4.4

Таблица 2

**Результаты регрессионного анализа
(зависимая переменная: доля позитивных комментариев).**
Источник: расчеты авторов

Переменные	Стандартизованные Бета-коэффициенты (значимость)					
Модели	M1	M2	M3	M4	M5	M6
<i>Stringency</i>	-.199 (.000)	-	-.196 (.000)	-.202 (.000)	-.197 (.000)	-
<i>Self – Isolation</i>	-	-.202 (.000)	-	-	-	-
<i>Political Effectiveness</i>	.077 (.078)	.089 (.060)	-	-	-	-
<i>Social Effectiveness</i>	-	-	.185 (.000)	.195 (.000)	.180 (.000)	.180 (.000)
<i>Engagement ЦРК</i>	-.121 (.002)	-.122 (.002)	-.130 (.001)	-	-	-
<i>Subscribers</i>	-	-	-	.149 (.001)	-	-
<i>Engagement ОГФ</i>	-	-	-	-	-.129 (.001)	-.129 (.001)
<i>Excess Mortality</i>	-.239 (.000)	-.190 (.000)	-.225 (.000)	-.258 (.000)	-.227 (.000)	-.235 (.000)
<i>Unemployment</i>	-.159 (.000)	-.050 (.301)	-.103 (.021)	-.104 (.020)	-.096 (.031)	-.098 (.028)
<i>GRP</i>	.059 (.153)	.034 (.443)	.030 (.475)	.017 (.679)	.021 (.610)	.019 (.639)
<i>Internet Users</i>	.015 (.730)	-.037 (.413)	-.001 (.974)	-.022 (.605)	.025 (.551)	.027 (.532)
<i>Vote 2018</i>	.128 (.002)	.097 (.032)	.122 (.003)	.090 (.029)	.116 (.004)	.116 (.004)
<i>All Comments</i>	-.192 (.000)	-.185 (.000)	-.179 (.000)	-.218 (.000)	-.177 (.000)	-.179 (.000)
<i>Month</i>	-	-	-	-	-	.175 (.000)
Скорректированный R-квадрат	.140	.125	.159	.158	.159	.150
Ст. ошибка	3,52	3,42	3,48	3,49	3,48	3,50

Во-первых, во всех моделях значимыми и с ожидаемым направлением связи оказались индикаторы строгости принятых ограничений – как на уровне страны, так и в отдельных регионах. Чем выше строгость мер и выше уровень самоизоляции, тем выше доля негативных комментариев по отношению к губернаторам и тем ниже – позитивных. Тут прослеживается и временная динамика: наиболее неблагоприятно в плане имиджевых последствий оказались первые месяцы

после решения о передаче им полномочий (апрель – май). Таким образом, подчеркиваемое многими исследователями «перекладывание вины» [Busygina, Filippov, 2021; Zavadskaya, Sokolov, 2020; Chaisty, Gerry, Whitefield, 2021] действительно было и негативно сказалось на восприятии глав регионов гражданами на первом этапе децентрализации.

Во-вторых, результаты подтверждают наше предположение о значимости управлеченческого фактора, и также с ожидаемым «знаком». В более эффективных регионах доля негативных комментариев значительно меньше, а позитивных – значительно больше. При этом для снижения «негатива» более важной представляется именно политическая управляемость и лояльность региона, его относительная «авторитарность», что дополнительно подтверждается отрицательной зависимостью между долей неодобрения губернаторов и долей голосов за президента. Напротив, с долей положительных комментариев сильнее связана эффективность социальной политики, вкупе с такими факторами, как относительно низкая смертность. На основании этого можно заключить, что действия глав регионов, которые смогли более эффективно реализовать меры здравоохранения и социальной поддержки, получили более позитивную реакцию со стороны граждан. Такие выводы подтверждают ранние наблюдения о неравенстве регионов, которое могло оказаться на успешности преодоления кризиса [Busygina, Filippov, 2021; Гельман, 2021; Зубаревич, 2021 b].

В-третьих, данные подтверждают наблюдения [Филатова, 2020 a; b], что губернаторы пока не в полной мере используют потенциал социальных сетей для взаимодействия с гражданами и активного продвижения своей информационной повестки. Наличие или отсутствие у губернатора аккаунта в Instagram^{*}, как и его активность в социальной сети, не оказывают значимого эффекта на долю негативных комментариев. Взаимосвязь же такой активности с долей позитивных сообщений обратная и также не очень устойчивая. Определенная положительная зависимость наблюдается лишь в случае количества подписчиков, но, вероятно, это является артефактом из-за большой неравномерности распределения данных. Данную гипотезу будет необходимо протестировать на данных относительно всех социальных сетей. Сейчас можно заключить, что соцсети не оказывают существенного «имиджевого» влияния, во всяком случае на большой выборке.

* Instagram – социальная сеть, заблокированная на территории России. Принадлежит компании «Мета», признанной экстремистской.

Заключение

Наш главный предварительный вывод заключается в том, что несмотря на неблагоприятную для регионов и их глав кризисную ситуацию, которой нельзя было избежать и которая не могла не скаться на общественном мнении, более эффективное управление – как с точки зрения политического контроля над регионом, так и с точки зрения успешности реализации социальной политики – помогло снизить негативное восприятие губернаторов гражданами, а в ряде случаев и повысить уровень их одобрения. Это еще раз подчеркивает важность управленческого фактора и региональной «состоительности» не только для решения кризиса, но и для преодоления его последствий в плане стабильности политической системы и взаимодействия власти и общества [Mansoor, 2021].

Таким образом, исследование вносит определенный вклад в изучение проблем политического управления в России [Gel'man, Zavadskaya, 2021]. Кроме того, оно открывает дополнительную перспективу для изучения децентрализации как механизма разрешения кризиса и стабилизации режима, подчеркивая ее эффективность в переносе ответственности на субнациональный уровень [Busygina, Filippov, 2021; Chaisty, Gerry, Whitefield, 2021].

Наконец, проведенный анализ подтверждает тот факт, что несмотря на постоянно усиливающийся государственный контроль над Интернетом и растущий интерес власти к потенциальному социальным медиа [Renz, Sullivan, 2013; Toepfl, 2012; Wijermars, 2021; Филатова, 2020 а; Филатова, 2020 б], превратить его в эффективный инструмент кризисного менеджмента и легитимации режима пока удается не полностью, по крайней мере на региональном уровне.

Полученные в ходе исследования результаты, безусловно, нуждаются в дальнейшей проверке с использованием иных данных, в том числе по деятельности глав регионов в других социальных сетях. Перспективным нам представляется изучение отдельных кейсов, в частности анализ влияния активно проводимых в пандемию «прямых эфиров» губернаторов на общественное мнение относительно самих глав регионов и антикризисной политики в целом. Кроме того, важным дополнением исследования может стать более глубокий текстовый анализ сообщений пользователей и их направленности.

**Y.A. Kabanov, B.A. Romanov, M.E. Karyagin,
A.A. Bocharov, A.V. Zheltoukhova^{*}**
**Coronavirus pandemic, “decentralization” and
governors’ (dis-) approval on the social media: what matters?**¹

Abstract. In April 2020, the federal authorities in Russia decided to transfer additional decision-making powers to the regions, regarding pandemic-related non-pharmaceutical interventions. While some experts view this as a step towards more federalism, most researchers consider it an attempt to shift the responsibility and blame for decisions and their consequences onto the governors. The empowerment of the regions led to increased attention towards their heads on the social media, as a mirror of the public opinion. This study attempts to find out, to what extent the decision to decentralize governance during the pandemic affected the attitude towards the heads of the regions on the social media, whether this influence was positive or negative, and if the effectiveness of governance and the governors’ usage of the social media could have mediated this influence. The analysis conducted using the regression analysis on the data obtained for April – November 2020 for 80 regions. The main finding of the paper is that the approval and disapproval of the governors depended on the stringency of adopted federal and regional measures, which reduced the share of positive comments and increased the share of negative once. At the same time, the effectiveness of governance appeared to be a significant factor: both political control and social policy had a significant effect on the image of governors within the period under study. On the contrary, the use of the social media by governors does not seem to be important, which speaks for the insufficient utilization of this instrument by the regional authorities. The study contributes to the analysis of the COVID-19 policies and their consequences, as well as to the research on the role of governance and the Internet in the Russian political dynamics.

Keywords: pandemic; COVID-19; regions of Russia; governors; quality of governance; social media; regional politics.

For citation: Kabanov Y.A., Romanov B.A., Karyagin M.E., Bocharov A.A., Zheltoukhova A.V. Coronavirus pandemic, “decentralization” and governors’ (dis-) approval on the social media: what matters? *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 164–183.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.08>

^{*} **Kabanov Yury**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: ykabanov@hse.ru; **Romanov Bogdan**, University of Tartu (Tartu, Estonia), e-mail: bogdan.romanov@ut.ee; **Karyagin Mikhail**, ведущий эксперт, Центр политической конъюнктуры, e-mail: karyaginm@gmail.com; **Bocharov Alexander**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: aabocharov_2@edu.hse.ru; **Zheltoukhova Anna**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: azheltouhova@hse.ru

¹ The article was prepared as part of the research project “Internal and external challenges for multilevel control systems: the ability to respond effectively and adapt?” of the HSE Basic Research Program (2021).

References

- Busygina I., Filippov M. COVID and federal relations in Russia. *Russian politics*. 2021, Vol. 6, N 3, P. 279–300. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00603001>
- Cepaluni G., Dorsch M.T., Branyiczki R. Political regimes and deaths in the early stages of the COVID-19 pandemic. *Journal of public finance and public choice*. 2021, P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1332/251569121X16268740317724>
- Chaisty P., Gerry C.J., Whitefield S. The buck stops elsewhere: authoritarian resilience and the politics of responsibility for COVID-19 in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 2021. P. 1–20. DOI: 10.1080/1060586 X. 2021.2010397
- Cinelli M., Quattrociocchi W., Galeazzi A., Valensise C.M., Brugnoli E., Schmidt A.L., Zola P., Zollo F., Scala A. The COVID-19 social media infodemic. *Scientific reports*. 2020, Vol. 10, N 1, P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>
- Cronert A. Democracy, state capacity, and COVID-19 related school closures. *APSA Preprints*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.33774/apsa-2020-jf671-v4>
- Filatova O.G. The Heads of Russian Regions on the Social Media: Audit of Public Communications. *PR i Reklama v Izmenajushhemja Mire. Regional'nyj Aspekt*. 2020 a, N 23, P. 6–16. (In Russ.).
- Filatova O.G. The Heads of Russian Regions in Blogs and on the Social Media: Trends of Communications, 2010 s – 2020 s. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2020 b, Vol. 21, N 2, P. 26–41. (In Russ.)
- Filatova O.G. *Government Communications in Digital Public Sphere in Russia: Research and Trends, 2010–2020*. St. Petersburg: Aletheia, 2020, 343 p. (In Russ.)
- Gel'man V.Y. “Bad governance”: politics in contemporary Russia. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2019, 254 p. (In Russ.)
- Gel'man V. “Bad Governance” under External Shock: Pandemic 2020 in Russia. In: Rogov K. (ed.). *The year of COVID: preliminary results and challenges of the decade*. Moscow: Liberalnaya Missia, 2021, P. 69–74. (In Russ.)
- Gel'man V., Zavadskaya M. Exploring varieties of governance in Russia: In search of theoretical frameworks. *Europe-Asia studies*. 2021, Vol. 73, N 6, P. 971–988. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1943317>
- Greer S.L., King E.J., Fonseca E.M., Peralta-Santos A. The comparative politics of COVID-19: The need to understand government responses. *Global public health*. 2020, Vol. 15, N 9, P. 1413–1416. DOI: <https://doi.org/10.1080/17441692.2020.1783340>
- Guriev S., Treisman D. A theory of informational autocracy. *Journal of public economics*. 2020, Vol. 186, P. 104158. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104158>
- Guriev S., Treisman D. Informational autocrats. *Journal of economic perspectives*. 2019, Vol. 33, N 4, P. 100. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.33.4.100>
- Hale T., Angrist N.A global panel database of pandemic policies (Oxford COVID-19 government response tracker). *Nature human behavior*. 2021, Vol. 5, N 4, P. 529–538. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01079-8>
- Han Q., Zeng B., Cristea M., Agostini M., Bélanger J.J., Gütkow B., Kreienkamp J., Leander N.P. Trust in government regarding COVID-19 and its associations with preventive health behaviour and prosocial behaviour during the pandemic: a cross-

- sectional and longitudinal study. *Psychological medicine*. 2021, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0033291721001306>
- Kavanagh M.M., Singh R. Democracy, capacity, and coercion in pandemic response: COVID-19 in comparative political perspective. *Journal of health politics, policy and law*. 2020, Vol. 45, N 6, P. 997–1012. DOI: <https://doi.org/10.1215/03616878-8641530>
- Klimanov V., Kazakova S., Mikhailova A., Safina A. Fiscal resilience of Russia's regions in the face of COVID-19. *Journal of public budgeting, accounting and financial management*. 2021, Vol. 33, N 1, P. 87–94.
- Kobak D. Excess mortality reveals Covid's true toll in Russia. *Significance (Oxford, England)*. 2021, Vol. 18, N 1, P. 16–19. DOI: <https://doi.org/10.1111/1740-9713.01486>
- Kopytok V., Kuzmina Y. *Unemployment in times of COVID-19: what administrative data can tell?* Moscow: Center of Advanced Governance, 2020, 38 p. (In Russ.)
- Kynev A. The priority of control: staff unitarism, demand for changes and quarantine voting. In: Rogov K. (ed.). *The year of COVID: preliminary results and challenges of the decade*. Moscow: Liberalnaya Missia, 2021, P. 55–65. (In Russ.)
- Limaye R.J., Sauer M., Ali J., Bernstein J., Wahl B., Barnhill A., Labrique A.. Building trust while influencing online COVID-19 content in the social media world. *The Lancet digital health*. 2020, Vol. 2, N 6, P. e277–e278. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(20\)30084-4](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(20)30084-4)
- Lorentzen P. China's strategic censorship. *American journal of political science*. 2014, Vol. 58, N 2, P. 402–414. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12065>
- Makarychev A., Goes M., Kuznetsova A. The Covid biopolitics in Russia: Putin's Sovereignty versus regional governmentality. *Mezinárodní Vztahy*. 2020, Vol. 55, N 4, P. 31–47. DOI: <https://doi.org/10.32422/mv-cjir.1729>
- Mansoor M. Citizens' trust in government as a function of good governance and government agency's provision of quality information on social media during COVID-19. *Government information quarterly*. 2021, Vol. 38, N 4, P. 101597. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101597>
- Platonov K., Legostaeva N. Communicative Strategies of Russian Politicians on Social Networking Site Vkontakte. In: Chugunov A., Khodachek I., Misnikov Y., Trutnev D. (eds). *International conference on electronic governance and open society: challenges in Eurasia*. Cham: Springer, 2019, P. 425–440. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39296-3_31
- Qiaoan R., Teets J.C. Responsive Authoritarianism in China – a Review of Responsiveness in Xi and Hu Administrations. *Journal of Chinese political science*. 2020, Vol. 25, N 1, P. 139–153. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-019-09640-z>
- Renz B., Sullivan J. Making a connection in the provinces? Russia's tweeting governors. *East European politics*. 2013, Vol. 29, N 2, P. 135–151. DOI: <https://doi.org/10.1080/21599165.2013.779258>
- Reuter O.J., Robertson G.B. Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments. *Journal of politics*. 2012, Vol. 74, N 4, P. 1023–1037. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022381612000631>

- Serikbayeva B., Abdulla K., Oskenbayev Y. State capacity in responding to COVID-19. *International journal of public administration*. 2021, Vol. 44, N 11–12, P. 920–930. DOI: <https://doi.org/10.1080/01900692.2020.1850778>
- Sibley C.G., Greaves L.M., Satherley N., Wilson M.S., Overall N.C., Lee C.H.J., Milojev P., Bulbulia J., Osborne D., Milfont T.L., Houkamau C.A., Duck I.M., Vickers-Jones R., Barlow F.K. Effects of the COVID-19 pandemic and nationwide lockdown on trust, attitudes toward government, and well-being. *The American psychologist*. 2020, Vol. 75, N 5, P. 618–630. DOI: <https://doi.org/10.1037/amp0000662>
- Smyth R., Sharafutdinova G., Klein A., Model T. The Russian power vertical and the COVID-19 challenge: the trajectories of regional responses. *PONARS Eurasia Policy Memos*. 2020, N 646, 8 p.
- Sokhey S.W. Russia's Response to COVID-19: Leveraging pre-pandemic data to theorize about public approval. *Problems of post-communism*. 2022, Vol. 69, N 1, P. 36–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1939717>
- Starodubtsev A.V. Conditions for successful governance in Modern Russia: subnational level. *Politeia. The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics*. 2018, Vol. 91, N 4, P. 70–89. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-70-89> (In Russ.)
- Toepfl F. Blogging for the sake of the president: the online diaries of Russian governors. *Europe – Asia studies*. 2012, Vol. 64, N 8, P. 1435–1459. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.712261>
- Tsao S.-F., Chen H., Tisseverasinghe T. What social media told us in the time of COVID-19: a scoping review. *The Lancet digital health*. 2021, Vol. 3, N 3, P. e175 – e194. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(20\)30315-0](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(20)30315-0)
- Turgel I.D., Chernova O.A., Usoltceva A.A. Resilience, robustness and adaptivity: Large urban Russian Federation regions during the COVID-19 crisis. *Area development and policy*. 2021, P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/23792949.2021.1973522>
- Turovsky R.F. Social and political efficiency of regional power: measurement problem. *Politeia. The Journal of political theory, political philosophy and sociology of politics*. 2013, Vol. 68, N 1, P. 175–196. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2013-68-1-175-196> (In Russ.)
- Wijermars M. The Digitalization of Russian Politics and Political Participation. In: Gritsenko D., Mariëlle Wijermars M., Kopovets M. *Palgrave handbook of digital Russia studies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021, P. 15–32. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-42855-6_2
- Zavadskaya M., Sokolov B. Linkages between experiencing COVID-19 and levels of political support in Russia. *PONARS Policy Memo Series*. 2020, N 677, 8 p.
- Zemtsov S.P., Baburin V.L. Risks of morbidity and mortality during the COVID-19 pandemic in Russian regions. *Population and economics*. 2020, Vol. 4, N 2, P. 158–181. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.4.e54055>
- Zubarevich N.V. Pandemic and regions: results of January – August 2020. *Russian economic development*. 2020, Vol. 27, N 11, P. 91–95. (In Russ.)
- Zubarevich N.V. Possibility of decentralization during the year of pandemic: what does the analysis of public budgets reveal? *Regionalnie isslesovaniya*. 2021 a, Vol. 71, N 1, P. 46–57. (In Russ.)

Zubarevich N.V. The Impact of Pandemic on Social and Economic Development and Regions' Budgets. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*. 2021 b, N 1, P. 48–60. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Гельман В.Я. «Недостойное правление» в условиях внешнего шока: пандемия-2020 в России // Год ковида: предварительные итоги и вызовы десятилетия / под ред. К. Рогова. – М.: Либеральная миссия, 2021. – С. 69–74.
- Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 254 с.
- Зубаревич Н.В. Пандемия и регионы: итоги января – августа 2020 г. // Экономическое развитие России. – 2020. – Т. 27, № 11. – С. 91–95.
- Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. – 2021 а. – № 1. – С. 48–60.
- Зубаревич Н.В. Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // Региональные исследования. – 2021 б. – № 1. – С. 46–57.
- Копыток В., Кузьмина Ю. Безработица времен COVID-19: что могут рассказать административные данные? – М.: ЦПУР, 2020. – 38 с.
- Кынев А. Приоритет контроля: Кадровый унитаризм, спрос на перемены и карантинные голосования // Год ковида: предварительные итоги и вызовы десятилетия / под ред. К. Рогова. – М.: Либеральная миссия, 2021. – С. 55–65.
- Стародубцев А.В. Условия успешного управления в современной России (субнациональный уровень) // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2018. – Т. 91, № 4. – С. 70–89.
- Туровский Р.Ф. Социальная и политическая эффективность региональной власти: проблема измерения // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2013. – Т. 68, № 1. – С. 175–196.
- Филатова О.Г. Главы российских регионов в социальных сетях: аудит публичных коммуникаций // PR и реклама в изменяющемся мире региональный аспект. – 2020 а. – № 23. – С. 6–16.
- Филатова О.Г. Главы субъектов РФ в блогах и социальных сетях: тренды коммуникаций начала 2010-х и 2020-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. – 2020 б. – Т. 21, № 2. – С. 26–41.
- Филатова О.Г. Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: исследования и тренды 2010–2020. – СПб.: Алетейя, 2020 с. – 343 с.

А.Н. ЩЕРБАК, М.В. УХВАТОВА^{*}

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19 НА ОТНОШЕНИЯ РПЦ И ВЛАСТИ В РОССИИ¹

Аннотация. «Консервативный поворот» в российской политике позволил РПЦ значительно повысить свой статус. В рамках теории десекуляризации Питера Бергера РПЦ наращивала свое влияние через альянс с Кремлем. Это позволяло плавно двигаться от модели «избирательного сотрудничества» к модели «государственной религии», согласно классификации государственно-церковных отношений, предложенной Кристиной Штекль. К началу 2020 г. РПЦ была, возможно, на пике своего политического влияния. С началом пандемии коронавируса COVID-19 отношения Церкви и государства оказались в кризисе. Объявленные правительством ограничительные меры, включающие закрытие храмов и запрет в них богослужений вызвали резкую реакцию внутри Церкви. Кризис проявился в ряде расколов: между Церковью и государством, между лоялистами и консерваторами внутри РПЦ. Это был один из самых серьезных кризисов в отношениях Церкви и государства в постсоветской России. В статье мы показываем, что, хотя эти «расколы» создали угрозу позициям патриархии, церковное руководство смогло сохранить лояльность верующих. Используя данные СМИ, а также результаты опроса Values in Crisis, мы демонстрируем, что религи-

* Щербак Андрей Николаевич, кандидат политических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований им. Р.Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ascherbak@hse.ru; Ухватова Мария Васильевна, кандидат политических наук, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р.Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: maria.ukhvatova@gmail.com

¹Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

оность оказалась связана с более высоким уровнем лояльности власти. У ве- рующих респондентов оказался более высокий уровень тревоги за здоровье и экономическое благополучие своих близких и себя самих и в то же время более высокий уровень лояльности политике правительства в период пандемии. В Заключении делается вывод о том, что, хотя РПЦ и смогла выйти из этого кризиса, она все же потеряла свой «особый статус» в российской политической системе.

Ключевые слова: Русская православная церковь; десекуляризация; пандемия COVID-19; консервативный поворот; фундаментализм; Values in Crisis.

Для цитирования: Щербак А.Н., Ухвата М.В. Влияние пандемии коронавируса COVID-19 на отношения РПЦ и власти в России // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 184–205. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poIn/2022.02.09>

Введение

Популярный российский телеграмм-канал «Толкователь» написал в конце апреля 2020 г.: «Для властей оказались неожиданными как отсутствие сильного возмущения в связи с отменой парада 9 мая, так и выраженная волна негодования в связи с закрытием храмов на Пасху. Опять не знают страны, в которой живут»¹. Эта цитата указывает на наличие серьезных противоречий в отношениях между Русской православной церковью (РПЦ) и государством: еще недавно воспринимаемые как «симфония между церковью и государством», теперь эти отношения стали потенциально конфликтными. РПЦ неожиданно стала для власти источником многих проблем – от критики локдауна до проклятий в адрес Кремля.

Цель данной статьи – рассмотреть отношения между РПЦ и государством в период пандемии коронавируса COVID-19. Мы предполагаем, что пандемия, по крайней мере на какое-то время, позволила усомниться в прочности «симфонии» между РПЦ и Кремлем. В итоге мы выявляем два вида «расколов», связанных с церковью, проявившихся в период пандемии.

1. «Раскол» между церковью и государством. Привыкшая к благосклонности и поддержке властей РПЦ столкнулась с необходимостью следовать жестким требованиям властей на всех уровнях: закрывать храмы и отменять службы. Многие священники

¹ Толкователь // Telegram. – 2020. – 21 Апреля. – Режим доступа: https://t.me/tolk_tolk (дата посещения: 24.11.2021).

восприняли эти решения как вмешательство государства в дела церкви.

2. «Раскол» между «лоялистами» и «консерваторами» внутри самой РПЦ. Священники консервативного толка не только отказались подчиняться карантинным ограничениям, но и открыто стали возражать, отстаивая фундаменталистские позиции. Ситуативным лидером ультраконсерваторов стал отец Сергий в Екатеринбурге, который встал в оппозицию по отношению не только к патриарху Кириллу, но даже к президенту Путину.

В своей работе мы опираемся на концепцию десекуляризации [Berger, 1999] и литературу об отношениях между Церковью и государством. Данная статья стремится сделать вклад в изучение указанной проблематики как минимум в двух аспектах. Во-первых, показывается, как пандемия повлияла на отношения Церкви и государства в условиях недемократического режима, притом что официальная идеология долгое время подчеркивала наличие «симфонии» между светскими и церковными властями. Нынешний кризис – чуть ли не самое серьезное ухудшение отношений между Церковью и государством. Во-вторых, исследуется влияние пандемии на лояльность на индивидуальном уровне: верующие оказались более подвержены чувству тревоги, субъективной экономической депривации, но более лояльны правительству.

Наша эмпирическая стратегия включает в себя как насыщенное описание динамики «раскола» внутри РПЦ, основанное на публикациях в СМИ, так и анализ данных недавнего опроса *Values in Crisis*, который позволяет сопоставить восприятие пандемии и религиозность россиян.

Структура работы выглядит следующим образом. Первая часть посвящена обзору литературы об отношениях РПЦ и государства. Вторая часть рассматривает выявленные «расколы» в период пандемии: между Церковью и государством и между лоялистами и консерваторами внутри самой РПЦ. В третьей части мы показываем результаты анализа данных социологического опроса *Values in Crisis* о восприятии верующими пандемии коронавируса в России. В Заключении мы делаем выводы о влиянии эпидемии на «симфонию» РПЦ и Кремля.

Церкви и государства в постсоветской России

Отношения Церкви и власти в России имеют долгую историю: от полной «симфонии» в дореволюционную эпоху, гонений на церковь и верующих в советский период и до возрождения религии после распада СССР. Для описания этих изменений часто используется концепция десекуляризации Питера Бергера [Berger, 1999], которая указывает на всемирный «религиозный ренессанс» (особенно в посткоммунистических странах). Согласно Бергеру, самым важным аспектом концепции десекуляризации является контрсекуляризация. Она включает в себя: а) слияние ранее секулярных институтов и религиозных норм; б) возрождение религиозных практик и верований; в) возвращение религии в публичную сферу [Lisovskaya, Kargov, 2010, p. 278]. Особенno это актуально для России с ее опытом насилиственной секуляризации в советский период, из-за чего необходимо искать тонкий баланс между сакральным и светским в публичной и частной сферах [Карпов, 2012, с. 119]. С учетом того, что в России крайне низкий уровень религиозного участия, низовые церковные НКО не развиты, а церковные элиты весьма влиятельны и имеют прочные связи с властью, случай России описывается как «десекуляризация сверху» [Lisovskaya, Kargov, 2010].

Согласно Кристине Штекль, модели государственно-церковных отношений могут варьировать от «государственной религии» (например, Греция) до «секуляризма» (*laïcité*), что предполагает предоставление равного статуса всем церквям и религиям (например, США) [Штекль, 2018]. Модель «избирательного сотрудничества» является промежуточной между ними [Штекль, 2018]. Отношения церкви с государством трансформировались, особенно после избрания патриархом Кирилла. Хотя модель «государственной религии» являлась привлекательной для определенной части клира, она никогда не озвучивалась как цель РПЦ. Базовой являлась модель «избирательного сотрудничества», в рамках которой РПЦ стремилась добиться максимальных преференций. Требуя наделения РПЦ особым статусом, добиваясь множества уступок со стороны властей, церковные иерархи по сути приближались к идеалу «государственной религии».

Отношения РПЦ и государства обычно определяются как «симфония церкви и властей». Концепт «симфонии» предполагает

сотрудничество и взаимную поддержку. Желаемый результат для Церкви – максимизация привилегий для РПЦ и православия, финансовая помощь от властей, государственная поддержка «традиционных духовных ценностей». Выгода светской власти – политическая лояльность церкви и верующих, включая идеологическую и избирательную поддержку режима. В действительности отношения РПЦ и Кремля были сложнее, Церковь всегда была младшим партнером в этом альянсе, в каком-то смысле становясь частью государственной бюрократии. Можно сказать, что Церковь выполняла свою традиционную роль идеологической легитимации власти, стараясь построить отношения взаимозависимости между светским и церковным руководством.

Как развивались государственно-церковные отношения в постсоветской России? На первом этапе, сразу после распада СССР, главной задачей РПЦ было достижение автономии от государства. В тот момент лидеры Церкви были привержены антиэтической идеологии: минимальный контроль религии государством, соблюдение прав человека (особенно свобода совести и ассоциаций). Приоритетом РПЦ на том этапе были внутрицерковные реформы и содействие возрождению религии, но никак не «светская» повестка. Довольно скоро стало ясно, что «антиэтатизм» оказался лишь временной реакцией на официальный атеизм советского периода. Идея церковной автономии была пересмотрена: Церковь продолжала настаивать на невмешательстве государства в церковные дела, но в то же время требовала определенных привилегий [Anderson, 2016]. Еще при патриархе Алексии II был поставлен вопрос об особом правовом статусе РПЦ. С принятием в 1997 г. «Закона о свободе совести и религиозных объединений», который ввел термин «традиционные религии», этот статус был получен. Одним из следствий стал доминирующий статус православия среди христианских конфессий. К концу 1990-х годов церковные иерархи стали выступать с последовательной критикой идущих политических преобразований: западной демократии, универсальных прав человека, либерализма, которые, по их мнению, не соответствуют российской культурной традиции.

После своей интронизации в 2009 г. патриарх Кирилл заявил о более активном вмешательстве Церкви в светские дела, что можно воспринимать как возвращение «симфонии» двух властей. В рамках новой политики были созданы новые институты, напри-

мер Патриарший совет по культуре (2010), Патриарший совет по вопросам семьи и защиты материнства (2011) [Фирсов, 2013]. Патриарх начал активную деятельность по многим направлениям, примерами могут быть создание института капелланов в армии, реституция церковной собственности [Parkova, 2011].

Начало третьего президентского срока Владимира Путина оказалось еще одной вехой в отношениях Церкви и государства. Если в начале послевыборных протестов 2011–2012 гг. РПЦ сначала заняла осторожно нейтральную позицию [Anderson, 2016, р. 260–261], допуская наличие ряда нарушений, то позже патриарх Кирилл принял позицию Кремля. Это было отмечено властью, и правительство стало поддерживать многие инициативы РПЦ. Когда же в 2012 г. президент Путин провозгласил «консервативный поворот», РПЦ оказалась одним из основных выгодоприобретателей нового курса. Началась эпоха «совершенной симфонии» [Anderson, 2016].

Концепт «консервативный поворот» используется для описания изменений в российской политике с 2012 г. [Laruelle, 2013; 2016; 2020; Polyakov, 2015]. Ядром новой повестки стала защита семейных ценностей, традиционных гендерных ролей, патриотизм, идея сильного государства и повышение роли традиционных религий. В рамках нового консервативного курса РПЦ получила возможность выдвигать множество инициатив, направленных, например, на строительство новых храмов, ужесточение законодательства о защите чувств верующих [Ухватова, 2018]. Например, РПЦ поддержала идею внедрения в школе обязательного предмета «Основы православной культуры и светской этики» [Lisovskaya, Kagrov, 2010]. В области здравоохранения РПЦ возглавила кампанию против абортов, пытаясь добиться исключения абортов из программы ОМС. В области культуры церковные лидеры нередко выполняли роль цензоров, требуя запретов ряда культурных мероприятий. Отметим, что продавливание многих вышеуказанных инициатив часто мало соотносилось с принципом отделения Церкви от государства, а своими инициативами и высказываниями церковные иерархи внесли заметный вклад в легитимацию авторитарных трендов в российской политике.

«Симфония» Церкви и власти была не совсем безупречной. Несмотря на усиление сотрудничества, были и отдельные примеры несогласия. Например, летом 2019 г. около 200 священников

подписали открытое письмо в защиту узников «московского дела»¹. Другим примером охлаждения отношений между патриархией и Кремлем является конфликт между РПЦ МП и Украинской православной церковью Киевского патриархата, когда последняя получила *томос* автокефалии от Константинопольского патриархата в 2019 г. [Mudrov, 2019]. Изначальная поддержка патриархией украинской политики Кремля вызвала ответную реакцию Киева, которая выразилась в требовании автокефалии.

Завершая обзор, можно сделать вывод, что РПЦ оказалась одним из основных бенефициаров политики «консервативного поворота», провозглашенной президентом Владимиром Путиным в 2012 г. Поддержка популярного президента в эпоху «посткрымского консенсуса» выглядела весьма удачным решением. С одной стороны, активное вовлечение Церкви в политическую жизнь могло быть расценено как нарушение принципа светского государства, но с другой стороны, оно воспринималось церковным руководством не как проблема, а как возможность повышения статуса РПЦ в российской политической системе. Поддержка поправок в Конституцию в начале 2020 г., особенно упоминания Бога в обновленном тексте Основного закона, казалась следующим шагом в верном направлении (к *de facto* модели «государственной религии»). Возможно, РПЦ была на пике своего политического влияния, когда в марте 2020 г. в Россию пришла пандемия коронавируса.

Пандемия COVID-19 как вызов для РПЦ: «расколы» в Церкви

В данном разделе мы рассмотрим несколько «расколов», связанных с РПЦ, которые проявились после начала пандемии коронавируса. Это «раскол» между церковью и государством и «раскол» между лоялистами и консерваторами внутри РПЦ.

¹ Широко закрытые двери. Что случилось с русской церковью во время пандемии // Карнеги. Ру. – 2020. – 30 апреля. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81681> (дата посещения: 23.11.2021).

«Раскол» между церковью и государством

После того как в феврале 2020 г. в Италии произошла вспышка коронавируса, правительство России стало постепенно принимать ограничительные меры, направленные на то, чтобы не допустить распространения болезни в России. В начале марта 2020 г. правительство РФ объявило о введении локдауна, в результате чего должны были закрыться все места массового скопления народа, в том числе и все храмы. Это означало запрет богослужений с участием прихожан, запрет посещения церквей, перевод многих религиозных ритуалов в онлайн-формат, изменение многих ритуалов с учетом требований гигиены. Стоит отметить, что к середине марта уже были закрыты мечети и синагоги. Как заявлял глава синодального Отдела внешних церковных связей митрополит Иларион, «Я вам точно скажу, что мы не будем ни закрывать храмы, ни отменять богослужения»¹. Многие священники поддерживали такую позицию. 24 марта управляющий делами патриархии митрополита Дионисий распространил циркулярное письмо со словами «Вопрос об ограничении доступа в храмы для присутствия за богослужениями может быть рассмотрен в случае введения властями режима, ограничивающего пользование общественным транспортом, а также посещение публичных мест, таких как торговые учреждения, организации общественного питания и другие»². 26 марта патриархия прокомментировала предписания властей Петербурга о закрытии храмов заявлением о недопустимости нарушении права на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией³.

¹ Как коронавирус ударил по РПЦ // Блокнот. Ру. – 2020. – 11 мая. – Режим доступа: <https://bloknot.ru/obshhestvo/kak-koronavirus-udaril-po-rpts-671575.html> (дата посещения: 24.11.2021)

² Коронавирус погрузил РПЦ в кризис // Окtagon. Медиа. – 2020. – 5 июня. – Режим доступа: https://octagon.media/istorii/koronavirus_pogruzil_rpc_v_krizis.html (дата посещения: 24.11.2021).

³ Правовое управление Московской Патриархии прокомментировало постановление Правительства Санкт-Петербурга, согласно которому запрещается посещение храмов // Официальный веб-сайт Московского Патриархата. – 2020. – 26 марта. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5613196.html> (дата посещения: 24.11.2021).

Тем не менее РПЦ не могла противостоять политике локдауна, которую объявил Кремль. Роспотребнадзор требовал закрывать монастыри и храмы из-за угрозы распространения коронавируса. Патриарх призвал к соблюдению санитарно-гигиенических мер, но многие священники раскритиковали это решение. Например, в Троице-Сергиевой лавре, крупнейшем мужском монастыре России, на общем собрании единодушно было решено не вводить никакие протирания антисептиком и полоскания в спирте, а также принять *особая благодарность Богу за коронавирус, давшему замечательный случай проявить твердость в исповедании веры*¹. Однако уже 29 марта патриарх Кирилл призвал верующих соблюдать предписания властей и неходить в храмы². Далее, 11 апреля 2020 г. было опубликовано новое циркулярное письмо управделами Патриархии митрополита Дионисия. Ссылаясь на требования главного государственного санитарного врача Москвы, он дал указание *обеспечить временное приостановление посещения гражданами территорий и зданий, подведомственных РПЦ*³.

Несмотря на это указание, многие священники выступили против таких мер, считая, что государство не имеет права ограничивать деятельность церкви. Например, секретарь Санкт-Петербургской епархии протоиерей Сергий резко осудил власти, которые запрещают молитву. Наместник Александро-Невской лавры Назарий заявил: «Мы не позволим закрыть храмы нашими собственными руками. Если это сделают силовые структуры, то все последствия будут на их совести»⁴.

Противостояние церкви и государства отличалось значительной региональной вариацией. Это неудивительно, учитывая, что губернаторам и, соответственно, региональным медикам и сотрудникам Роспотребнадзора были даны большие полномочия в период карантина, в том числе для регулирования отношений церкви и государства. В одних регионах власти накладывали на церковь мягкие ограничения, а в других – гораздо более жесткие. Сильно варьировалась и способность церкви и губернаторов наход-

¹ Эпидемия коронавируса поставила РПЦ на грани раскола // Версия. Ру. – 2020. – 20 апреля. – Режим доступа: <https://versia.ru/epidemiya-koronavirusa-postavila-prc-na-gran-raskola> (дата посещения: 24.11.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

дить общий язык. Часто губернаторы и митрополиты совместно обращались к прихожанам, просили их сидеть дома и неходить в храмы, но иногда светские и церковные власти посыпали верующим разнонаправленные послания. Особенно это противостояние обострилось перед православной Пасхой, которая прошла 19 апреля 2020 г. Ограничения на посещение пасхальных богослужений коснулись 43 епархий, в 42 епархиях эти решения были проигнорированы¹.

Например, тверской губернатор Игорь Руденя распорядился до Пасхи пускать верующих в храмы. Не было информации о запретах посещать храмы в Белгородской, Орловской, Тульской, Воронежской и других типичных «русских» областях. Губернатор Новосибирской области Андрей Травников и митрополит Новосибирский и Бердский Никодим призвали соблюдать санитарно-гигиенические нормы, но заявили, что *никаких препятствий для посещения чиниться не будет*.

Иначе произошло в Екатеринбурге. Митрополит Екатеринбургский Кирилл призвал прихожан «наполнить храмы молитвой, как это происходит всегда в священные дни Пасхи». Губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев возражал, говоря, что: «Массовые скопления людей особенно опасны с точки зрения распространения новой инфекции ...»² Еще резче выступило руководство Петрозаводской и Карельской епархии. По их словам, раз режим ЧС не был введен, запрет посещать церкви противоречит Конституции. В то же время губернатор Краснодарского края Вениамин Кондратьев обвинял священника в заражении десятков прихожан³. Резкий конфликт перед Пасхой произошел в Сыктывкаре (Республика Коми). Архиепископ Сыктывкарский и Коми-

¹ Коронавирус погрузил РПЦ в кризис // Окtagon. Медиа. – 2020. – 5 июня. – Режим доступа: https://octagon.media/istorii/koronavirus_pogruzil_rpc_v_krizis.html (дата посещения: 24.11.2021).

² На Среднем Урале запретили массовые мероприятия в церквях // Российская газета. – 2020. – 14 апреля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/14/regurofo-na-srednem-urale-zapretili-massovye-meropriiatiiia-v-cerkviah.html> (дата посещения: 24.11.2021).

³ «Думали, бог милует»: губернатор Кубани обвинил священника в заражении десятков прихожан // Блокнот. Ру. – 2020. – 10 мая. – Режим доступа: <https://bloknot.ru/regiony/dumali-bog-miluet-gubernator-kubani-obvinil-svyashhennika-v-zarazhenii-desyatkov-prihozhan-674748.html> (дата посещения: 24.11.2021).

Зырянский Питирим, реагируя на указание Роспотребнадзора закрыть храмы перед Пасхой, заявил: «Православная общественность готовит... судебные иски и начинает правовое противодействие антиконституционному намерению закрыть городские и сельские храмы от прихожан до 30 апреля. <...> Есть пророчество, когда пасху спрятят в неправильное время, взойдет Антихрист. Закрывать храмы и прекращать причастие нельзя ни под какими предлогами»¹.

Главная пасхальная служба состоялась в ночь на 19 апреля в храме Христа Спасителя, патриарх Кирилл провел ее без прихожан.

Пандемия поставила РПЦ, ее руководство и многих священников перед дилеммой: бороться с государством или с вирусом²? Первый вариант предполагает борьбу за автономию от государства и подразумевает открытие храмов по усмотрению Церкви; эта линия близка многим консерваторам, которые выступают за неукоснительное сохранение «чистой веры». Второй вариант предполагает совместную борьбу РПЦ и светских властей с коронавирусом, убеждение верующих в необходимости соблюдения ограничений. Эта позиция находит свою поддержку у церковных лоялистов, но неприемлема для консерваторов.

«Раскол» между церковью и государством сопровождался еще и иным «расколом» – между лоялистами и консерваторами.

«Раскол» внутри церкви: лоялисты vs консерваторы

Внутри РПЦ время от времени проявляются влиятельные группы консерваторов, которые продвигают фундаменталистскую повестку. Например, в 2008 г. патриархия лишила сана Диомида, епископа Чукотского и Анадырского, который резко критиковал РПЦ за участие в экуменическом движении, осуждал введение ИНН и обвинял РПЦ в подчинении мирской власти. Диомид, став во главе консервативного движения в РПЦ, пытался бросить вызов

¹ Церковь и государство в эпоху коронавируса // Русская народная линия. – 2020. – 14 апреля. – Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2020/04/14/cerkov_i_gosudarstvo_v_epohu_koronavirusa (дата посещения: 24.11.2021).

² Широко закрытые двери. Что случилось с русской церковью во время пандемии // Карнеги.Ру. – 2020. – 30 апреля. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81681> (дата посещения: 23.11.2021).

власти патриарха – в своем обращении он предал его анафеме, но проиграл. Потеря яркого лидера не означала разгром консервативного течения. Главный лозунг фундаменталистов – сохранение чистоты православной веры – привлекает большое число верующих.

Именно этот лозунг и стал основой фундаменталистской платформы в период пандемии – ничего не менять в религиозных практиках: ходить в храмы, совершать таинства, праздновать Пасху. Все обряды, по мнению фундаменталистов, должны соблюдаться неукоснительно, причем как священниками, так и мирянами. Если официальные церковные власти не следуют этому принципу, значит, они отошли от «чистой веры» и должны быть низложены.

Лидером фундаменталистов неожиданно стал схиигумен Сергий, настоятель Среднеуральского женского монастыря. До того, как стать священником, отец Сергий – бывший милиционер – отсидел 13 лет за убийство. После рукоположения в священнический сан он стал известен как один из лидеров движения «царебожников», которые считают мессией последнего российского императора Николая II («царя-искупителя»). Сергий активно выступал против ИНН, СНИЛС и биометрии, проводил сеансы экзорцизма.

Яркие высказывания Сергея в период пандемии сделали его лидером церковных ультраконсерваторов. Весной 2020 г. со своими сторонниками он занял Среднеуральский монастырь, при этом только 5 из 500 монахинь отказались его поддерживать. Среди его сторонников были казаки, «ветераны Донбасса», монархисты, антиглобалисты и просто паломники¹.

Из-за публичной активности Сергея локальный конфликт довольно быстро вошел в национальную медиа- и политическую повестку. Сергий стал записывать видеообращения, которые выкладывались на YouTube, – он стал медиазнаменитостью. В своих видеообращениях Сергий яростно критиковал карантинные ограничения, которые накладывались властями на Церковь и общество. Сергей заявлял, что за закрытием храмов скрывается малодушие и трусость. Он предложил всем, кто предлагает самоизолироваться и общаться с богом онлайн, запретить ходить в церковь, а лучше выселить их в «Биробиджан или на остров Мартиника, либо на ост-

¹ Расколы мне купола // Новая газета. – 2020. – 26 июня. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/26/86030-kuda-privedet-bunt-glubinnogo-pravoslaviya> (дата посещения: 24.11.2021).

ров Спиналонга». Такое решение, по мнению настоятеля монастыря, способствует завершению коронавирусной эпидемии, которую он называл несуществующей¹. В своих выступлениях он утверждал, что россиян из-за «псевдопандемии» «незаконно сажают на самоизоляцию», светские и церковные власти сгоняют всех в «электронный лагерь Сатаны», при этом «мирскую больницу ставят выше церкви, которая исцеляет все болезни».

После объявления карантинных ограничений Сергий выступил против церковной и светской власти. В своих видеопосланиях он проклинал патриарха, называл его «еретиком». Сергий утверждал, что пандемия коронавируса – это миф, который придумало «мировое правительство». Схиигумен также предрек скорый приход Антихриста и массовую чипизацию населения². Далее он обвинил церковное руководство, митрополита и патриарха в «предательстве веры» из-за подчинения санитарным властям.

В период агитационной кампании в поддержку голосования за поправки в Конституцию Сергий призывал бойкотировать референдум либо голосовать против поправок и «обнуления»³. Он заявлял, что «...Через поправки в Конституцию, через наше добровольное посещение пунктов голосования... будет узаконена рабовладельческая власть. То есть мы добровольно узаконим власть будущего Антихриста и его слуг». Позднее он заявлял о создании народного ополчения для защиты монастыря. 12 июля 2020 г. он выпустил новое обращение, в котором призывал Путина дать ему президентские полномочия на три дня для наведения порядка. В противном случае Сергий обещал объявить Путину и патриарху Кириллу полномасштабную духовную войну. По мнению Сергея,

¹ Коронавирус погрузил РПЦ в кризис // Окtagon. Медиа. – 2020. – 5 июня. – Режим доступа: https://octagon.media/istorii/koronavirus_pogruzil_rpc_v_krizis.html (дата посещения: 24.11.2021).

² Почти святой. Как уральский схиигумен Сергий побеждает чипирование и изгоняет айфон // Медиазона. – 2020. – 2 июля. – Режим доступа: <https://zona.media/article/2020/07/02/godemperog> (дата посещения: 24.11.2021).

³ Изгоняющий бесов // Медуза.* – 2020. – 30 июня. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/06/30/izgonyayuschiy-besov> (дата посещения: 24.11.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

в период правления Путина «скрытые враги России» привели страну «к открытому богохульству, закрытию храмов...»¹.

Ответная реакция РПЦ была довольно предсказуемой. В мае 2020 г. схиигумену Сергию запретили в служении. Потом церковный суд лишил отца Сергия сана, затем объявил его самого и его сторонников раскольниками. В дальнейшем областной суд выписал ему несколько штрафов за фейки о коронавирусе. Церковные власти стали заявлять, что сан он получил незаконно. В сентябре 2020 г. Следственный комитет РФ заявил о начале проверки деятельности Сергия из-за жалоб на жестокое обращение с детьми в монастыре. 7 сентября 2020 г. церковный суд лишил сана сподвижников Сергия, которые остались его поддерживать, а 9 сентября суд отлучил Сергия от церкви. В ноябре 2021 г. опального священника приговорили к 3,5 годам колонии. Никакой широкой общественной поддержки Сергий не получил. Так закончился бунт фундаменталистов против руководства РПЦ.

Таким образом, есть основания полагать, что РПЦ и государство могут локализовать «мятеж» фундаменталистского крыла внутри РПЦ, но его подавление потребовало довольно много усилий – пришлось подключать и церковные власти, и светские. Запрос на ультраконсерватизм в РПЦ довольно высок, и новые пандемии способны порождать новые проявления социальной архаики с новыми фундаменталистскими лидерами.

Отношение верующих к пандемии

Как уже было отмечено, РПЦ столкнулась с дилеммой – бороться с государством или вирусом, т.е. отстаивать автономию церкви или включаться в проведение карантинных мероприятий. Необходимость выбора привела к временному «расколу» внутри РПЦ – между лоялистами и консерваторами. Однако не менее важным является вопрос, как верующие отнеслись к пандемии и к принимаемым государством мерам? В какой степени консервато-

¹ Схиигумен Сергий потребовал от Путина и Патриарха Кирилла передать ему полномочия // *Фонтанка. Ru.* – 2020. – 12 июля. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2020/07/12/69362836/> (дата посещения: 24.11.2021).

ры внутри РПЦ, идущие на конфликт с государством, представляют интересы паства?

Для ответа на эти вопросы мы используем данные опроса *Values in Crisis*¹ по России. Этот международный проект был запущен весной 2020 г., в нем участвовала в том числе и Россия. Опрос был проведен в середине июня 2020 г., было опрошено около 1500 респондентов. Опрос включал в себя как вопросы для измерения религиозности, так и вопросы про отношение к ситуации с коронавирусом COVID-19.

Вопросы про религию

Насколько религия важна в Вашей жизни? (1) очень важна; (2) довольно не важна; (3) не очень важна; (4) совсем не важна.

Независимо от того, посещаете ли Вы религиозные службы или нет, Вы бы сказали, что Вы: (1) религиозный человек; (2) не религиозный человек; (3) атеист.

К сожалению, данный опрос не уточнял религиозную принадлежность респондентов, измеряя только уровень религиозности. Однако исходя из того, что православие в России – самая распространенная конфессия, мы считаем что наши выводы будут валидны в случае православных верующих.

Вопросы про отношение к коронавирусу

1. Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса? (1) очень беспокоюсь; (2) немного беспокоюсь; (3) отчасти беспокоюсь, отчасти нет; (4) не особо беспокоюсь; (5) совсем не беспокоюсь.

2. Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие пострадают от экономического спада, вызванного коронавирусом? (1) очень беспокоюсь; (2) немного беспокоюсь;

¹ Values in Crisis International (SUF edition) // AUSSDA. – 2021. – Mode of access: <https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LIHK1L> (accessed: 24.02.2022).

(3) отчасти беспокоюсь, отчасти нет; (4) не особо беспокоюсь; (5) совсем не беспокоюсь.

3. *Насколько хорошо, как Вам кажется, наше правительство справляется с пандемией коронавируса?* (1) очень плохо; (2) довольно плохо; (3) отчасти плохо, отчасти хорошо; (4) довольно хорошо; (5) очень хорошо.

4. *Как Вам кажется, насколько правильно ведет себя большинство населения нашей страны в период пандемии коронавируса?* (1) очень неправильно; (2) довольно неправильно; (3) отчасти правильно, отчасти неправильно; (4) довольно правильно; (5) очень правильно.

5. *Подумайте о Вашем взаимодействии с другими людьми в последнее время. Как Вам кажется, Вы испытываете больше солидарности, чем обычно, или больше враждебности, чем обычно?* (1) –3 больше враждебности; (2) –2; (3) –1; (4) по-разному; (5) +1; (6) +2; (7) +3 больше солидарности.

6. *Как Вам кажется, как выйдет наша страна из данного кризиса: значительно пострадает или станет сильнее?* (1) значительно пострадает; (2) не изменится; (3) станет сильнее.

7. *В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер – истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?* (1) да; (2) нет.

Мы хотим проверить предположение, что официальная позиция РПЦ – имплементация карантинных мер правительства – соответствовала чаяниям верующих. Если это верно, то можно сделать вывод, что оппозиция фундаменталистов хоть и была заметной, но не представляла мнения большинства верующих. Опора на лояльных верующих позволила РПЦ сохранить лояльность Кремлю. Это отчасти объясняет, почему после Пасхи градус напряжения между церковными и светскими властями спал.

Наша гипотеза заключается в том, что верующие в большей степени одобряли политику государства в период коронавируса, чем нерелигиозные граждане. Для проверки нашего предположения мы проведем серию Т-тестов, разделив респондентов на две группы: верующих и нерелигиозных. Этот простой метод позволит нам увидеть, значительно ли различается отношение этих групп респондентов к коронавирусу. Мы предполагаем, что различие значимо.

Мы перекодировали переменные, измеряющие религиозность респондента, следующим образом.

Вопрос: *Насколько религия важна в Вашей жизни?* – был перекодирован в бинарную переменную «**Важность религии**» (1 – важна, 0 – не важна): значения от 1 до 2 были перекодированы в (1), от 3 до 4 – в (0).

Независимо от того, посещаете ли Вы религиозные службы или нет, Вы бы сказали, что Вы (1) *был перекодирован в бинарную переменную «Религиозность»* (1 – религиозный, 0 – не религиозный): значение 1 закодировано как (1), значения от 2 до 3 перекодированы в (0):

Таблица 1
Т-тесты: важность религии и отношение к коронавирусу

	Религия важна	N	Mean	Sig.
Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса?	Да	726	2,12	.000**
	Нет	798	2,50	
Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие пострадают от экономического спада, вызванного коронавирусом?	Да	723	1,83	.000**
	Нет	792	2,04	
Насколько хорошо, как Вам кажется, наше правительство справляется с пандемией коронавируса?	Да	726	2,93	.000**
	Нет	798	2,67	
Как Вам кажется, насколько правильно ведет себя большинство населения нашей страны в период пандемии коронавируса?	Да	724	2,65	.473
	Нет	798	2,62	
Как Вам кажется, Вы испытываете больше солидарности, чем обычно, или больше враждебности, чем обычно?	Да	726	4,51	.000**
	Нет	798	4,27	
Как Вам кажется, как выйдет наша страна из данного кризиса: значительно пострадает или станет сильнее?	Да	725	1,64	.001**
	Нет	798	1,52	
В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер – истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?	Да	725	1,63	.352
	Нет	797	1,61	

Источник: Values in Crisis Survey; Значимость: **p<0.01; *p < 0.05.

Результаты Т-теста показывают, что респонденты, для которых религия важна, испытывают в период пандемии значимо более высокий уровень тревоги как за здоровье своих близких, так и за их экономическое благополучие. В то же время среди них наблюдается более высокий уровень поддержки действий правительства в период пандемии. Кроме того, среди них больше опрошенных

считают, что страна выйдет из пандемии более сильной. Они также более склонны полагать, что уровень солидарности между людьми в период пандемии оказался выше. Разница в ответах на вопрос об оценке поведения людей в период пандемии незначима. Мы можем сделать вывод, что те, для которых религия важна, демонстрируют большую тревогу за своих близких, но в то же время отличаются более высоким уровнем лояльности по отношению к действиям правительства.

Таблица 2
Т-тесты: религиозность и отношение к коронавирусу

	Религиозность	N	Mean	Sig.
Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса?	Да	730	2,17	.000**
	Нет	797	2,45	
Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие пострадают от экономического спада, вызванного коронавирусом?	Да	727	1,84	.001**
	Нет	791	2,03	
Насколько хорошо, как Вам кажется, наше правительство справляется с пандемией коронавируса?	Да	730	2,86	.022*
	Нет	797	2,73	
Как Вам кажется, насколько правильно ведет себя большинство населения нашей страны в период пандемии коронавируса?	Да	728	2,61	.411
	Нет	797	2,65	
Как Вам кажется, Вы испытываете больше солидарности, чем обычно, или больше враждебности, чем обычно?	Да	730	4,51	.001**
	Нет	797	4,28	
Как Вам кажется, как выйдет наша страна из данного кризиса: значительно пострадает или станет сильнее?	Да	729	1,61	.145
	Нет	797	1,55	
В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер – истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?	Да	729	1,61	.582
	Нет	796	1,63	

Источник: Values in Crisis Survey; Значимость: **p< 0,01; *p < 0,05.

Данные второго Т-теста в целом подтверждают полученные ранее выводы. Религиозные респонденты склонны в большей степени испытывать тревогу за здоровье и экономическое благополучие своих близких. Они также более лояльны по отношению к политике правительства в период пандемии, чем нерелигиозные респонденты. Религиозные респонденты значимо больше склонны

считать, что в период пандемии люди проявили больше солидарности.

Суммируя наши выводы, мы приходим к заключению о том, что верующие респонденты больше тревожатся за своих близких, но в то же время более лояльно относятся к политике правительства в период пандемии. Эти данные дают основания предполагать, что напряженность в отношениях между Церковью и правительством, которая возникла весной 2020 г. при объявлении довольно жестких карантинных мер, включая закрытие храмов и ограничение проведения религиозных ритуалов, не поколебала лояльности верующих.

Заключение

Пандемия коронавируса привела к серьезному напряжению в отношениях между РПЦ и государством. Политика «консервативного поворота», которая обещала РПЦ повышение политического статуса в обмен на плотную работу с консервативными слоями населения, оказалась в тупике. Церковные организации сразу же потеряли особый статус, а священники попали под власть сотрудников Роспотребнадзора. Весной 2020 г. стало казаться, что привилегированный статус РПЦ «обнулился». Руководство РПЦ стало сопротивляться этой политике; наметились «расколы» как между церковью и государством, так и внутри РПЦ между консерваторами и лоялистами. Перед РПЦ встало дилемма: бороться ли с вирусом или с государством? Борьба с вирусом означала подчинение РПЦ целям «светской» кампании по продвижению карантинных мер, включая ограничения, накладываемые на храмы и верующих. Борьба с государством предполагала конфликт со светскими властями и отставание прав верующих. Первая позиция могла найти понимание среди руководства РПЦ и среди конформных лоялистов. Вторая позиция была бы более близка фундаменталистам, стоящим за безусловную «чистоту веры»; отметим, что политика «консервативного поворота» во многом благоволила церковным консерваторам. Выбор оказался совсем непростым. Бунт отца Сергия на Урале и мобилизация фундаменталистов грозили РПЦ внутренним «расколом», а также могли создать проблемы в отношениях с Кремлем. В итоге Патриархия сделала верный выбор, поддержав правительство.

В дальнейшем РПЦ заняла осторожную позицию в отношении антиковидных мер, включая вакцинацию.

Данные индивидуального уровня, полученные в ходе опроса *Values in Crisis*, подтверждают тезис о более высокой лояльности верующих по отношению к действиям властей. Пастыри сохранили верность пастырям. В итоге кризис был преодолен. Отсутствие правовой и политической автономии РПЦ и ее неспособность защитить права верующих стали неожиданностью как для самой церкви, так и для сторонних наблюдателей. Иными словами, политика «консервативного поворота» вскрыла истинную сущность отношений между Кремлем и РПЦ. Если церковь мешает в иных вопросах, то «особый статус» никакого значения иметь не будет, а законодательство о защите чувств верующих никак не будет применяться. Иллюзия о равноправном партнерстве РПЦ и государства исчезла. В конце концов, это ставит вопрос о том, не вернутся ли отношения Церкви и государства к тому, какими они были в советский или досоветский период, когда РПЦ по сути была лишь одним из государственных ведомств.

A. Shcherbak, M. Ukhvatova*
**The Impact of the COVID-19 Pandemic
on the State-Church Relations in Russia**

Abstract. A conservative turn in Russian politics has made the Russian Orthodox Church (ROC) a key beneficiary of the new policy. Within the framework of Peter Berger's theory of desecularization, the ROC increased its influence through an alliance with the Kremlin. This made it possible to move smoothly from the model of «selective cooperation» to the model of «state religion», according to the classification of state-church relations proposed by Kristina Stoeckl. By early 2020, the ROC was perhaps at the height of its political influence. However, the COVID-19 pandemic seems to have paused the strong alliance of the Kremlin and the ROC. When the government announced lockdown measures and demanded that all churches cease services with the public, not all priests agreed to comply. The church-state crisis manifested in two divisions: between the Church and the state, between loyalists and fundamentalists within the ROC. We argue that although these cleavages posed a threat to the Patriarchate's stability and power, the church leaders managed to maintain the loyalty of most

* **Shcherbak Andrey**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: ascherbak@hse.ru; **Ukhvatova Maria**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: maria.ukhvatova@gmail.com

believers. The authors show that the ROC proved its political loyalty to the Kremlin. Using individual-level data from the Values in Crisis project, the effect of religiosity on the support of government public health measures is explored. The findings reveal that higher religiosity is associated with higher levels of political loyalty. However, the COVID-19 crisis illustrates that the illusion of an equal partnership between the state and the church vanished.

Keywords: Russian Orthodox Church; desecularization; pandemic COVID-19; fundamentalism; Values in Crisis.

For citation: Shcherbak A., Ukhvatova M. The Impact of the COVID-19 Pandemic on the State-Church Relations in Russia. *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 184–205. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.09>

References

- Anderson J. Religion, state and ‘sovereign democracy’ in Putin’s Russia. *Journal of religious and political practice*. 2016, Vol. 2, N 2, P. 249–266. DOI: <https://doi.org/10.1080/20566093.2016.1181360>
- Berger P.L. *The desecularization of the world*. Washington, DC: Ethics and public policy center, 1999, VIII, 135 p.
- Firsov S. Church and state under his Holiness Patriarch Kirill (Gundiaev): Main Development Trends. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2013, Vol. 14, N 3, P. 351–360. (In Russ.)
- Karpov V. Conceptual foundations of the theory of desecularization. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2012, Vol. 2, N 30, P. 114–164. (In Russ.)
- Laruelle M. Conservatism as the Kremlin’s new toolkit: an ideology at the lowest cost. *Russian analytical digest*. 2013, Vol. 138, N 8, P. 2–12.
- Laruelle M. The three colors of Novorossiya, or the Russian nationalist mythmaking of the Ukrainian crisis. *Post-Soviet affairs*. 2016, Vol. 32, N 1, P. 55–74. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2015.1023004>
- Laruelle M. Making sense of Russia’s illiberalism. *Journal of democracy*. 2020, Vol. 31, N 3, P. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2020.0049>
- Lisovskaya E., Karpov V. Orthodoxy, Islam, and the desecularization of Russia’s state schools. *Politics & religion*. 2010, Vol. 3, N 2, P. 276–302. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1755048310000040>
- Mudrov S.A. The autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church: a new dividing line for Ukraine? *Journal of contemporary Central and Eastern Europe*. 2019, Vol. 27, N 2–3, P. 271–277. DOI: <https://doi.org/10.1080/25739638.2019.1690752>
- Papkova I. Russian Orthodox concordat? Church and state under Medvedev. *Nationalities papers*. 2011, Vol. 39, N 5, P. 667–683. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2011.602394>
- Polyakov L. ‘Conservatism’ in Russia: political tool or historical choice? *Russie. Nei. Visions*, N 90. Paris: NIS Center, 2015, 20 p.

- Штоекл К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России). *Gosudarstvo, religia, tservov' v Rossii I za rubezhom.* 2018, Vol. 36, N 3, P. 195–223. (In Russ.)
- Ухватова М.В. Благословие охранителей: религиозная риторика на инаугурациях губернаторов в России. *The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia.* 2018, Vol. 89, N 2, P. 84–101. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-84-101>

Литература на русском языке

- Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30, № 2. – С. 114–164.
- Ухватова М.В. Напутствия охранителей (Религиозная риторика на инаугурациях российских губернаторов) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – Т. 89, № 2. – С. 84–101. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-84-101>
- Фирсов С. Церковь и государство при Святейшем Патриархе Кирилле (Гундяеве): основные тенденции развития // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – Т. 14, № 3. – С. 351–360.
- Штекль К. Три модели церковно-государственных отношений в современной России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2018. – Т. 36, № 3. – С. 195–223.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

К.В. ШАМИЕВ*

ВЛИЯНИЕ КОАЛИЦИЙ ДАВЛЕНИЯ НА ОБОРОННУЮ ПОЛИТИКУ В РОССИИ: СЛУЧАЙ РЕФОРМЫ СЕРДЮКОВА¹

Аннотация. В 2007–2012 гг. российские вооруженные силы прошли через беспрецедентные изменения, которые затронули все элементы военной организации. Несмотря на политическую и финансовую поддержку со стороны президента и премьер-министра, реформаторам не удалось достигнуть всех целей реформ, а часть изменений была замедлена или отменена. Используя данные 18 экспертных интервью, проведенных с учеными, журналистами и бывшими высокопоставленными военными, опираясь на концепцию коалиций давления, исследование показывает что Министерство обороны не смогло реализовать некоторые изменения из-за противостояния министру внутри военной и президентской коалиций гражданско-военных отношений. Межведомственное сопротивление вынудило Министерство обороны отказаться от некоторых изменений, а часть других была отменена уже после отставки министра Сердюкова. Статья демонстрирует стратегии, которые использовали реформаторы, чтобы реализовать свои цели и преодолеть сопротивление мобилизованных противников реформы. Сопротивление в итоге привело к отставке министра обороны, что остановило дальнейшие радикальные изменения в российских вооруженных силах. Полученные результаты показывают, что даже полная политическая поддержка со стороны авторитар-

* Шамиев Кирилл Вячеславович, младший научный сотрудник Центра сравнительных исследований власти и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия); PhD candidate, Центрально-европейский университет (Вена, Австрия), e-mail: kshamiev@hse.ru

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

ного лидера не может спасти политиков и их программы от влияния других акторов. Недовольство изменениями вызывает раскол в президентской коалиции и ослабляет межведомственное взаимодействие, что ослабляет управленческие позиции реформатора. Более того, изучаемый случай показал, что в гражданско-военных отношениях большую роль играет не только фактическая составляющая реформы, но и соответствие поведения реформатора доминирующему убеждению военнослужащих.

Ключевые слова: оборонная политика; гражданско-военные отношения; реформа армии; Медведев; политические курсы; коалиции давления.

Для цитирования: Шамиев К.В. Влияние коалиций давления на оборонную политику в России: случай реформы Сердюкова // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 206–229. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.10>

Введение

Период 2007–2012 гг. стал решающим для будущего гражданско-военных отношений и определил вектор военного развития России. Вооруженные силы стали более боеспособными и мобильными, повысился авторитет армии в глазах общества [Дворкин, Арбатов, 2013; Renz, 2018]. Однако первоначальный план реформы все равно не был реализован. Реформа вызвала массовое недовольство среди гражданских и военных акторов, и в конце концов привела к увольнению министра обороны по обвинению в коррупции в 2012 г. Рассматриваемые радикальные изменения сыграли важную роль в изменении всей структуры современных вооруженных сил России. Это удивительно, потому что в целом политики и аналитики часто описывали реформы в период Медведева как фасад и имитацию, модернизацию без структурных изменений, «смесь фальшивых реформ и полумер» [Gel'man, 2016; Wilson, 2015]. Однако оборонная реформа при Медведеве ни в коем случае не была имитацией. Она была сложной попыткой перезагрузить российские вооруженные силы, что к 2014 г. продемонстрировало видимые результаты. В чем тогда причины успехов и неудач оборонной реформы в России в 2008–2012 гг.?

Согласно классическому определению, реформы сектора безопасности (РСБ) означают «преобразование сектора безопасности, включающее всех участников, их роли, обязанности и действия, таким образом, чтобы они работали вместе, чтобы функционирование сектора в большей степени соответствовало демократическим нормам и здравым принципам достойного управления

(good governance), способствуя созданию хорошо функционирующей системы безопасности»¹. Однако Кремль добился частичного успеха в реформировании вооруженных сил без наличия институтов достойного правления [Gel'man, 2016], что в российском контексте представляется неординарным случаем.

При помощи адаптации концепции коалиций давления к гражданско-военным отношениям я показываю особенности выработки и реализации политических курсов в сфере обороны в недемократических государствах. Даже полная политическая поддержка со стороны авторитарного лидера в таких централизованных секторах госуправления, как вооруженные силы, не может спасти реформаторов и их программы от влияния других акторов. Административные позиции заинтересованных сторон играют решающую роль в условиях, когда ключевых акторов просто невозможно заменить из-за их значимости в системе. Это дает таким акторам преимущество в спорах даже с высшим политическим лидером. Балансирование между инерционностью консервативного государственного аппарата и необходимостью прогрессивных изменений – вот главное искусство выработки политики в авторитарной России. Слишком широкая президентская коалиция смягчила бы радикальность предполагаемых изменений, но коалиция из узкого круга сторонников, как это было в случае реформы Сердюкова, сделала невозможной реализацию некоторых изменений.

Теоретически военное руководство должно либо выполнить требования гражданских властей, либо уйти в отставку [Huntington, 1957; Janowitz, 1960; Feaver, 2005; Levy, 2016]. Однако, как показывает пример реформы Сердюкова, чтобы обойти требования министра обороны, военные офицеры могут выстроить параллельные отношения с лицами, принимающими ключевые решения, например с премьер-министром Путиным. Более того, некоторых офицеров просто невозможно заменить из-за их важного статуса в командной структуре. Таким образом, они становятся неформальными ветоигроками, позиции которых президентская коалиция не может не учитывать при планировании своих действий. С одной стороны, это нарушает идеальную теоретическую модель, где несогласные офицеры должны уйти в отставку, если их позиция не учитывается

¹ SSR Overview // DCAF, ISSAT. – Mode of access: <https://issat.dcaf.ch/Learn/SSR-Overview> (accessed: 13.11.2020).

политическим руководством. С другой стороны, такие эксцессы гражданско-военных отношений явно показывают границы авторитарной политической власти и демонстрируют ограниченность поля для маневра гражданских реформаторов. В условиях отсутствия парламентской подотчетности и без широкой межведомственной политической поддержки, которая редко возможна в авторитарных режимах, реформаторы вынуждены иметь дело с квазиполитическими игроками, чья административная власть может ограничивать даже волю автократа.

Данная статья организована таким образом: в следующей секции кратко описана теоретическая рамка исследования и литературу, на которую опирался при анализе. Затем обсуждаю используемые методы, показывая их применимость в контексте гражданско-военных отношений. Во второй части я показываю результаты эмпирического анализа и отвечаю на исследовательский вопрос.

Коалиции давления и российские гражданско-военные отношения

В этом исследовании я адаптирую концепцию коалиций давления (*advocacy coalitions framework*, ККД) к сфере гражданско-военных отношений. ККД отлично подходит к случаю реформы Сердюкова из-за сравнительно большого количества акторов, участвовавших в политическом процессе, важности специализированного экспертного (военного) знания и мобилизации представителей гражданского общества (как сторонников, так и противников реформы) [Nwalie, 2019]. Это исследование берет за основу классическую гипотезу директивного изменения политического курса (*policy change*) в ACF: атрибуты политического курса не будут изменены, пока установившая их коалиция остается у власти, кроме случаев принятия решений вышестоящими органами власти [Jenkins-Smith et al., 2014, p. 203–204].

Оборонная реформа должна быть наименее вероятным (*least likely*) случаем для проверки этой гипотезы в качественном кейстади [Rohlfing, 2012]. В военной сфере властивущая коалиция (министр обороны и его подчиненные) теоретически могут директивно проводить изменения. Однако на практике это не так. Как показывает случай реформы Сердюкова, атрибуты политического

курса могут измениться, даже если главенствующая коалиция еще остается у власти.

ACF редко, но успешно применялась для анализа политики в области безопасности [Dyson, 2005; Irondelle, 2003]. Основными акторами в данном исследовании являются коалиции. Коалиции – это группы людей, объединенных общими убеждениями и институционализированными каналами координации [Cairney, 2011, р. 200–210]. Акторы действуют исходя из своих убеждений, но учитывают влияние институтов и действия других игроков на политической арене [Feaver, 2005; Jenkins-Smith et al., 2014]. Убеждения – это «программное обеспечение», которое состоит из «ценностей, норм, привычек и верований, пониманий и моды, а также осознания наказаний и поощрений, которые заставляют механизм работать» [Soeters, 2018].

В оборонной сфере вопросы координации обладают важным и часто институционализированным значением. Ограниченностю информации и точек входа в систему, специализированность экспертного знания повышают значение формальной принадлежности к организациям оборонного сектора. Например, в случае оборонной реформы коалиция военных может включать в себя офицеров Генерального штаба, представителей оборонной промышленности, в то время как гражданская коалиция может состоять из ряда членов парламента, главы правительства и гражданских предприятий. Тип и количество вовлеченных акторов часто определяют конечный успех, потому что разные акторы имеют разный доступ к «привратникам»: суверену (президенту), бюрократам и журналистам [Binderkrantz, Christiansen, Pedersen, 2015].

Наконец, ККД учитывает, что «в большинстве случаев политика определяется специалистами в рамках политической подсистемы, но на их поведение влияют факторы более широкой политической и социально-экономической системы» [Sabatier, Weible, 2007, р. 192]. Это означает, что хотя оборонную политику разрабатывают специалисты со специальным знанием, на их поведение неизбежно влияют существующие отношения по поводу власти, а также внешние факторы [Thomas, 1999].

Методы

Эта глава опирается на данные 18 экспертных полуструктурных интервью, проведенных в 2018 и 2021 гг. Кроме того, один человек отказался давать интервью из-за деликатности темы, девять других не ответили. Во избежание самоцензуры интервьюируемым была гарантирована конфиденциальность. Выборка состоит из ученых, журналистов пула министерства обороны (МО) и бывших политиков (включая военных запаса, депутатов Государственной думы и независимых экспертов), которые участвовали в процессе проведения реформы или наблюдали за тем, как происходило принятие решений (приложение 1). Один респондент неожиданно не смог принять участие в интервью и прислал свои развернутые ответы по электронной почте. Собранные интервью были затем классифицированы в соответствии с категориями, разработанными на основе теоретических работ по военным изменениям и реформам. После первой классификации я адаптировал категории к эмпирическому материалу.

Однако у проведенного процесса сбора данных есть один недостаток – он исключал действующих военнослужащих, а также сотрудников Министерства обороны, что ограничивало глубину анализа. Поэтому я использовал вторичные источники (сообщения СМИ, федеральные регуляции, публичные высказывания) для проведения комплексного анализа информации и триангуляции данных, полученных в ходе интервью.

Анализ: ревизионистская повестка дня

Разговоры о предстоящих изменениях в армии и на флоте велись среди элиты с 2004 г., но реформа постепенно откладывалась¹. Например, начальник Генерального штаба (НГШ) Балуевский в 2005 г. утверждал, что в скором времени вооруженные силы должны перейти на более гибкую батальонную структуру, а частные компании – выполнять «невоенные» задачи, такие как уборка и обеспечение питанием². Эти идеи стали двумя столпами рефор-

¹ Респондент № 14, интервьюер – К. Шамиев, 23 апреля 2018 г., Москва.

² Гаврилов Ю., Черняк И. Юрий Балуевский: С НАТО воевать не собираемся // Российская газета. – 2005. – Ноябрь. – Режим доступа: <https://rg.ru/2005/11/01/baluevsky.html> (дата посещения: 19.01.2022).

мы Сердюкова три года спустя. Более того, некоторые военные эксперты уже участвовали в подготовке проекта полномасштабной реформы в мае 2008 г.¹ Таким образом, процесс выработки оборононой политики в России никогда не был линейным, несмотря на наличие экспертных рекомендаций по необходимым изменениям. Недостающим фактором было отсутствие команды со стороны президента, т.е. политического решения по проведению реформы.

Любая оборонная реформа рассматривается правительством сквозь призму существующей или планируемой концепции внешней и оборонной политики. До 2007 г. Путин не воспринимал внешний мир как экзистенциальную угрозу², за исключением участия НАТО в войне в Косове, которую Кремль считал первым признаком начала новой холодной войны [Arbatov, 2000]. Значительное изменение произошло в 2007 г., когда Путин публично упомянул в Мюнхенской речи³, что никто на Западе не заинтересован в учете российских национальных интересов⁴. Через пять дней после речи в Мюнхене, 15 февраля 2007 г., Путин подписал указ о назначении Сердюкова министром обороны.

Важным фактором для начала реформы стала Пятидневная война с Грузией в 2008 г. [Барабанов, 2011], которая оказалась «внешним шоком» [Pierce, Peterson, Hicks, 2020], заставившим российское руководство подвергнуть переоценке всю военную систему страны. Все респонденты считали эффективность российских войск в Грузии низкой. «Командующий 58-й армией вызывал ракетную артиллерию с моего спутникового телефона. Собственной связи не было», – говорил один из военных журналистов, присутствовавших на поле боя⁵. Попытки реформировать вооруженные силы в первые два срока Путина не были реализованы, несмотря на ежегодные помпезные публичные доклады министра Иванова и начальника Генерального штаба (НГШ).

Таким образом, военная реформа Сердюкова, по сути, была запланирована задолго до ее утверждения. Официально реформа

¹ Респондент № 15, интервьюер – К. Шамиев, 20 апреля 2018 г., Москва.

² Респондент № 1, интервьюер – К. Шамиев, 12 мая, 2021 г., Москва.

³ *Putin V. Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy // President of Russia.* – 2007. – February. – Mode of access: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed: 19.01.2022).

⁴ Респондент № 4, интервьюер – К. Шамиев, 17 мая 2021 г., Москва.

⁵ Респондент № 12, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

началась после войны с Грузией, но на самом деле различные акторы формулировали идеи для реформы за несколько лет до этого. Изменение восприятия системы международных отношений Кремлем, неожиданный внешний шок в виде войны с Грузией и наличие экспертизы, критичной по отношению к состоянию российских вооруженных сил, стали достаточным набором факторов для начала реформы. В октябре 2008 г. министр Сердюков публично представил первый план изменений.

Анализ: коалиции давления в 2007–2012 гг.

Описание коалиций в этом разделе основывается на анализе политических убеждений [Shamiev, 2021] и формальной аффилиации акторов в 2007–2012 гг. Выделены президентская, военная и гражданская коалиции, которые боролись за отдельные положения реформы. Президентская коалиция была главным инициатором и контролером изменений. Это является особенностью авторитарных постсоветских политических систем, когда президент, образно, находится над системой, контролируя поведение исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти [Stykow, 2019]. Соответственно, фаворитизм президента по отношению к представителям гражданской или военной коалиции может определять исход политических курсов в оборонной сфере. Военная коалиция отвечала за «перевод» и адаптацию требований президента и ministra в военной среде. Гражданская коалиция оказалась наиболее оппозиционной, выступая против всех радикальных аспектов реформы и ministra лично, будучи при этом исключенной из формальных организаций оборонной сферы.

Президентская коалиция. Дмитрий Медведев стал президентом России в мае 2008 г. Его кандидатуру поддержал Путин, с которым его связывали длительные рабочие отношения¹. Прежде чем стать президентом, Медведев получил значительный административный и политический опыт в путинской когорте государст-

¹ Степанов И. Обыкновенное чудо. Как тихий Медведев превратился в матерого политического волка // Компромат. ru. – 2007. – Январь. – Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_22076.htm (дата посещения: 19.01.2022).

венных управлеченцев¹. По доступным данным, у них были хорошие профессиональные и личные отношения, исполнительный характер Медведева вполне соответствовал предпочтениям Путина в отношении высших государственных чиновников.

Для успеха реформы Кремлю в первую очередь необходимо было найти министра обороны, который бы не выступал против целей изменений и был бы эффективным управлеченцем. Этим человеком стал Анатолий Сердюков².

Административная карьера Сердюкова началась в 2000 г. после того, как он женился на Юлии Похлебениной, дочери Виктора Зубкова, личного помощника Владимира Путина в Санкт-Петербурге³. «Он был абсолютно лоялен, не имел никаких политических, административных амбиций», – так охарактеризовал Сердюкова бывший депутат Государственной думы⁴. Кроме того, у Сердюкова не было личных связей с армией. Это было важно, учитывая утрату Путиным прямого контроля над вооруженными силами, когда он стал премьер-министром⁵. Однако назначение Сердюкова было очень неожиданным.

Министр Сердюков не учитывал традиций и убеждений высокопоставленных военных и иногда откровенно критично относился к ним [Shamiev, 2021]. Как отмечал один из военных журналистов, полковник запаса: «Поначалу Сердюков был абсолютно груб и плохо относился к военным. Ему казалось, что он будет махать руками, и генералы все сделают, его женщины из Федеральной налоговой службы тоже думали, что они будут запросто командовать Вооруженными силами. Им нравилось издеваться над генералами, командовать ими. Со временем он начал понимать систему, как все взаимозависимо. Он больше не позволял себе

¹ Жегулев И. Друзья и попутчики Медведева // Компромат. ру. – 2007. – Июль. – Режим доступа: http://www.compromat.ru/page_21421.htm (дата посещения: 19.01.2022).

² Белов В. Женщины министра // Росбалт.* – 2012. – Октябрь. – Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/piter/2012/10/29/1052186.html> (дата посещения: 19.01.2022).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

³ Никольский А. и др. Анатолий Сердюков – «не человек, это функция» // Ведомости. – 2012. – Апрель. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/library/articles/2012/04/23/eto_ne_chelovek_eto_funkciya (дата посещения: 19.01.2022).

⁴ Респондент № 14, интервьюер – К. Шамисев, 23 апреля 2018 г., Москва.

⁵ Респондент № 17, интервьюер – К. Шамисев, 23 апреля 2018 г., Москва.

хамства в присутствии генералов»¹. Сердюков плохо вписывался в культуру военной элиты. Они не привыкли, чтобы гражданские чиновники диктовали им, что делать, особенно женщины без опыта военной службы. Более того, министр не обращал внимания на звания и неформальный статус офицеров, что было неестественно для военной среды. Из-за этого на уровне отдельных командующих и командиров соединений реформа столкнулась с сопротивлением и затягиванием реализации принятых решений.

Однако Сердюкову удалось заранее создать эффективную коалицию из преданных ему лично людей. Во вновь созданные департаменты или реорганизованные управления министерства он привел коллег из Федеральной налоговой службы, что ослабило сопротивление генералов. Сердюков хотел сделать армию похожей на частное предприятие, но с оружием и военной техникой. «Правильно, что он был гражданским человеком. Потому что ни один военный человек психологически не пошел бы на такую трансформацию. Он бы понял слишком много нюансов, к чему бы это привело, начал бы искать промежуточные шаги, компромиссы», – заявил генерал-майор, бывший член Совета обороны России².

Приход к власти Дмитрия Медведева означал более активное участие гражданского общества в выработке политики, хотя и с сомнительным реальным влиянием на итоговые результаты. Наиболее влиятельным гражданским актором был Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), аналитический центр, эксперты которого участвовали в разработке программ изменений. Ведущим экспертом выступал один из основателей СВОП, разведчик ГРУ Виталий Шлыков, который лично взаимодействовал с министром Сердюковым³. Однако Министерство обороны могло само отбирать конкретные идеи, не учитывая комплексный подход экспертов, а это ограничивало влияние независимого экспертного сообщества на реформу.

¹ Респондент № 6, интервьюер – К. Шамиев, 20 мая 2021, Москва.

² Респондент № 8 интервьюер – К. Шамиев, 21 мая 2021, Москва.

³ Шлыков В. Блицкриг Анатолия Сердюкова. Часть II «Непродуманность» и «волонтиаристский характер» преобразований в вооруженных силах России | Совет по внешней и оборонной политике // Военно-Промышленный Курьер. – 2010. – Февраль. – Режим доступа: <https://vpk-news.ru/articles/5725> (дата посещения: 07.01.2022).

Формирование достаточной коалиции изменений – это необходимая часть стратегии по успешной реализации реформ. Однако слишком широкая коалиция неизбежно смягчает радикальность изменений, а слишком узкая может быть недостаточной для преодоления сопротивления противников реформы. Несмотря на поддержку как со стороны Путина, который назначил Сердюкова, так и со стороны Медведева, которому министр формально подчинялся¹, президентская коалиция оказалось минимальной для реализации изменений.

Военная коалиция. Важным решением президентской коалиции было назначить такого НГШ, который был бы способным военачальником, но при этом не сопротивлялся радикальным реформам. Таким человеком в июне 2008 г. стал генерал Макаров. Предшественник Макарова, генерал Балуевский был противником радикальных перемен и публично критиковал решения Сердюкова и даже Путина². Например, он критиковал выход из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и был против переезда штаба ВМФ в Санкт-Петербург³. Макаров оказался очень лояльным и исполнительным человеком. «Реформа свалилась на него, он ничего не обещал, он был спокойным, покладистым человеком, у него не было амбиций», – отмечали военные эксперты. Респонденты также утверждали, что помимо лояльности он хорошо понимал окружную структуру вооруженных сил и умел выполнять поставленные задачи⁴. Назначение генерала Макарова резко ослабило возможности для сопротивления реформе со стороны военной коалиции.

Один из военных журналистов отмечал слабую способность Макарова остановить радикализм министра: «На начальнике Генштаба Макарове лежала гигантская ответственность. Медведев плохо контролировал Министерство обороны, и Сердюков взял реформу на свою милость. Макаров должен был лучше объяснять военные вопросы Сердюкову, но он иногда говорил смешные, не-

¹ Респондент № 1, интервьюер – К. Шамиев, 12 мая 2021 г., Москва.

² Респонденты № 12, 15, 21, интервьюер – К. Шамиев, апрель 2018 г., Москва.

³ Козлов А. Балуевский «заигрался» // The Moscow Post. – 2008. – Март. – Режим доступа: http://www.moscow-post.su/politics/baluevskij_zaigralsja/ (дата посещения: 19.01.2022).

⁴ Респонденты № 13, 16, интервьюер – К. Шамиев, апрель 2018 г., Москва.

образованные вещи, что всех удивляло»¹. Действительно, генерал Макаров редко выступал с публичными комментариями, но все его заявления отражали мнение Сердюкова, строго следуя не только фактуре, но и логике рассуждений министра.

Макаров был жестким исполнителем реформы, который не ставил под сомнение решения министра обороны и пытался исполнить его решения как можно быстрее и эффективнее. Макаров поддерживал импорт иностранного вооружения с условием локализации производства и технологий². Он критиковал российский военно-промышленный комплекс, отмечая неспособность предприятий обеспечить лучшую защиту экипажа, меньшую стоимость производства и четкое выполнение оборонного заказа³. В 2012 г., за 9 месяцев до своего увольнения, он заявил, что российские вооруженные силы структурно реформированы и готовы начать полномасштабную программу перевооружения⁴. Однако Макарову не дали реализовывать ее, перевооружать армию начали уже при его преемнике, генерале Валерии Герасимове.

Гражданская коалиция. Гражданская коалиция во многом оставалась критичной по отношению к реформе. В нее вошли представители военно-промышленного комплекса (ВПК), отставные военные, уволенные в ходе реформы, а также депутаты Госдумы. Некоторые военные, прослужив десятки лет, не получили от Министерства обороны положенных квартир и социального обеспечения. Другие стали политически активными после выхода на пенсию, не соглашаясь с позициями министра Сердюкова и президента Медведева. Эти люди часто давали комментарии СМИ и организовывали по всей России демонстрации против различных аспектов реформы^{5,1,2}.

¹ Респондент № 7, интервьюер – К. Шамиев, 20 мая 2021 г., Москва.

² Николай Макаров, экс-начальник Генштаба – биография // Эхо Москвы. – 2012. – Ноябрь. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/949501-echo/> (дата посещения: 19.01.2022).

³ Тихонов А. Армия России: новый облик // Красная звезда. – 2012. – Февраль. – Режим доступа: <http://archive.redstar.ru/index.php/mohov/item/645-armiya-rossii-novyiy-oblik> (дата посещения: 19.01.2022).

⁴ Там же.

⁵ Васильев П. В Челябинске прошел митинг против закрытия автомобильного института // 74.ru. – 2010. – сентябрь. – Режим доступа: <https://74.ru/text/gorod/2010/09/20/58840291/> (дата посещения: 19.01.2022.)

Помимо военнослужащих, сопротивление некоторым аспектам реформы шло со стороны гражданских политиков и представителей гражданского общества. Министерство пыталось отражать критику общественности, организуя встречи и конференции для экспертов и депутатов Государственной думы. Генерал-полковник запаса, депутат от «Единой России» Виктор Заварзин возглавлял Комитет по обороне до декабря 2011 г., что делало Думу в значительной степени пассивной и подчиняющейся требованиям министерства. Однако фракция коммунистов и отдельные депутаты других фракций стали активными критиками министра Сердюкова, выражая оппозиционные мнения на федеральном уровне, но не мешая итоговому голосованию³. «Мы поднимали вопрос на Комитете по безопасности [Государственной думы], но в ответ Сердюков организовал огромную презентацию в министерстве как совместное заседание комитетов по безопасности и обороне Думы, с красивым фильмом, яркими папками, хорошим банкетом», – описывал происходившее бывший член Государственной думы⁴. У Думы было мало возможностей напрямую повлиять на реформу, но депутаты могли представлять интересы конкурирующих групп из исполнительной власти на этапе поправок и отзывов из профильных комитетов [Noble, 2020]. Поэтому сопротивление депутатов реформе отражало влияние противников изменений внутри исполнительной власти.

Сердюков также мобилизовал против себя российскую оборонную промышленность. Его жесткая позиция на переговорах с представителями ВПК и требование снизить цены на оборонный заказ могли оставить некоторые заводы без дохода, а от таких заводов в свою очередь зависела политическая стабильность и бла-

¹ Тимофеев Ю., Шакиров М. Армия на митинге // Радио Свобода.* – 2010. – ноябрь. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/2213147.html> (дата посещения: 15.10.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

² Мостовицков Е., Базанова Е., Мартемьянов М. Сшибка // New Times*. – 2010. – октябрь. – Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/29355> (дата посещения: 15.10.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

³ Респондент № 6, интервьюер – К. Шамиев, 20 мая 2021 г., Москва

⁴ Респондент № 14, интервьюер – К. Шамиев, 23 апреля 2018 г., Москва.

гополучие промышленных городов¹. Борьба обострилась в 2011 г., когда президент подписал новую программу перевооружения на беспрецедентные 19 трлн рублей (630 млрд долл. США)². Жесткие требования Министерства обороны, проблемы с организацией оборонного заказа и значительные финансовые вливания обострили его конфликт с трудно реформируемым военно-промышленным комплексом.

Имплементация реформы

Реформа концептуально основывалась на трех столпах. Во-первых, переход вооруженных сил к постоянной боевой готовности, что влекло за собой изменения в комплектовании, структуре, материально-техническом обеспечении войск. Во-вторых, повышение мобильности и динамичности вооруженных сил. Войска должны были научиться действовать независимо и быстро, реагируя на постоянные изменения обстановки. Реформа заложила основы быстрой организации переброски войск, что впоследствии будет ежегодно представлено в виде внезапных проверок боевой готовности. Наконец, реформа подразумевала массовое перевооружение, что требовало наличия эффективного ВПК и профессионального личного состава.

В ходе реформы были ликвидированы так называемые «кадрированные части». Эти части представляли собой военные базы с несколькими офицерами и десятком призывников, созданные для охраны военных машин и оборудования. В реальности они часто были недееспособными. МО расформировало их, сделав упор на части постоянной боевой готовности. Это повлекло за собой изменения в службе материально-технического обеспечения, позволив Сердюкову радикально сократить количество складов хранения, объектов недвижимости и земель в собственности министерства обороны [Дворкин, Арбатов, 2013].

¹ Аксенов П. Конструктор «Тополей»: гособоронзаказ-2011 сорван // BBC News. – 2011. – Июль. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/07/110706_russia_missiles_building (дата посещения: 15.10.2021).

² Сафонов И. Минобороны перешло от слов к 19 триллионам // Коммерсант. – 2011. – Февраль. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1591146> (дата посещения: 15.10.2021).

Расформирование частей и полков вынудило тысячи офицеров уйти в отставку. Однако сокращение личного состава обернулось проблемами. По словам респондентов, Главное управление кадров МО буквально рассыпало в военные округа процентное соотношение военнослужащих каждого звания, подлежащих увольнению со службы. В ходе сокращения не были изучены необходимые армии и флоту штатные расписания, что неизбежно создало неадекватную систему управления. Молодые офицеры отказывались от повышения, так как знали, что их зарплата останется прежней, но нагрузка значительно возрастет. Более того, в то время как одни младшие офицеры отказывались от повышения, другие парадоксальным образом были понижены в должности до сержантов¹. При этом министерство не смогло выполнить план по набору сержантов. В итоге на период реформы в вооруженных силах образовалась командная дыра, что усложнило выполнение базовых обязанностей офицеров и сержантов и вызвало критику как внутри вооруженных сил, так и со стороны гражданской коалиции.

Второй важной структурной частью реформы стало слияние шести военных округов в четыре объединенных стратегических командования (ОСК). Это изменение было протестировано в декабре 2007 г., когда министерство создало экспериментальное Восточное региональное командование – предшественника будущей структурной реформы. Однако эксперимент провалился и был отменен в мае 2008 г., после чего последовала отставка генерала Балуевского². Изменение децентрализовало оперативное командование от Москвы до уровня военных округов, сделав управление мобильней: «Полное подчинение всех сил командующим ОСК. Это привело к перераспределению ответственности и влияния главнокомандующих войсками, они были лишены оперативного управления войсками»³.

Пятизвенная структура сухопутных войск (военный округ – армия – корпус – дивизия – полк) была изменена на трехзвенную (оперативное командование – бригада – батальон). Однако реформа столкнулась с противодействием со стороны Воздушно-

¹ Респондент № 16, интервьюер – К. Шаминев, 23 апреля 2018 г., Москва.

² Респондент № 12, 23, 16, интервьюер – К. Шаминев, 25 апреля 2018 г., Москва.

³ Респонденты № 9, 16, интервьюер – К. Шаминев, 25 мая 2021 г., Москва.

десантных войск и Ракетных войск стратегического назначения. ВДВ добились отмены расформирования своих дивизий прямо перед назначением генерала Шаманова, известного командира времen Чеченской войны, на должность командующего¹. Позже генерал Шаманов заявил, что силы ВДВ всегда боеспособны, поэтому структурные реформы в его войсках были не нужны².

Раздражение военных новыми изменениями было подогрето почти пятикратным сокращением центральных структур МО в Москве – с 51 тыс. до 13,4 тыс. человек [Giles, 2012], при этом около 3 тыс. должностей в 2012 г. были зарезервированы для гражданских служащих³. В результате тысячи офицеров, включая полковников и генералов, потеряли работу. Эти кадровые решения и структурные изменения создали так называемую «группу отставников», которая затем стала одной из самых активных групп критиков Сердюкова в публичной сфере.

Сердюков и Макаров были крайне чувствительны к любым преступлениям, связанным с дедовщиной и другими видами армейского насилия. Правозащитники заявляли, что МО стало гораздо более открытым и активнее реагировало на их просьбы о защите прав военнослужащих⁴. Некоторые офицеры оспаривали в судебном порядке попытки Сердюкова уволить офицеров за случаи дедовщины⁵. Поскольку увольнение любого человека за правонарушение в вооруженных силах должно быть подкреплено дисциплинарными мерами или решением суда, волюнтаризм Сердюкова не был поддержан действующим законодательством, оставив офицеров юридические возможности для защиты своих прав.

¹ Соловьев В. Генералы перешли в контратаку Сшибка // Независимая газета. – 2009. – Май. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2009-05-28/1_generals.html (дата посещения: 15.10.2021).

² Литовкин В. Бригады под «зонтиком» десантных дивизий // Независимое военное обозрение. – 2012. – Март. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2012-03-02/1_desant.html (дата посещения: 15.10.2021).

³ Справка о численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов (центральных аппаратов министерств и ведомств) в I полугодии 2012 года // Росстат. – Режим доступа: https://mgoprofgos.ru/files/30082012-12_45_59.pdf (дата посещения: 15.10.2021).

⁴ Вахнина Л. Трагедия беглецов // Росбалт.* – 2012. – Март. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2010/05/04/vahnina/> (дата посещения: 18.10.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

⁵ Респондент № 2, интервьюер – К. Шаминев, 13 мая 2021 г., Москва.

МО также открыто критиковало оборонную промышленность за неспособность обеспечить поставку современного вооружения в установленные сроки [Golts, 2017]. В связи с этим МО заказало десантные корабли класса «Мистраль» у Франции, итальянские транспортные средства, австрийское стрелковое оружие, различные французские средства связи, разведки, израильские беспилотные летательные аппараты и немецкое оборудование для подготовки военнослужащих сил специальных операций¹. Это решение было беспрецедентным и шло вразрез с убеждениями консервативной части всех коалиций о том, что в российских вооруженных силах могут использоваться вооружение и военная техника только из России.

Более того, программа перевооружения вызвала конфликт с частью президентской коалиции, с Министерством финансов. Этот конфликт привел к отставке министра Кудрина. Главным автором программы перевооружения был генерал Владимир Поповкин, возглавлявший управление вооружений в МО: «Медведев подписал ее 31 декабря 2010 г., Кудрин узнал об этом позже, он рассчитывал провести несколько встреч, чтобы выступить за сокращение программы на 200 млрд долларов»², – заявил журналист пресс-пула министерства обороны. Более того, Кудрин критиковал Медведева и правительство за слишком интервенционистскую экономическую политику и безответственные бюджетные расходы. Поэтому после очередной порции критики в сентябре 2011 г. Медведев вынудил его уйти в отставку³. Увольнение Кудрина стало первым крупным свидетельством раскола внутри президентской коалиции.

Оборонная промышленность не отвечала новым стандартам МО, при этом некоторые города-миллионники полностью зависели от оборонного заказа. Например, Уралвагонзавод, предприятия которого являются основными производителями танков, не мог поставить модернизированную технику для МО, но их нельзя было закрыть из-за социальных обязательств перед жителями Омска, Нижнего Тагила и Челябинска. Таким образом, директора про-

¹ Респондент № 17, интервьюер – К. Шамиев, 28 апреля 2018 г., Пермь.

² Респондент № 12, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

³ Граник И. и др. Алексей Кудрин получил двойную отставку // Коммерсант. – 2011. – Сентябрь. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1781828> (дата посещения: 18.10.2021).

мышленных предприятий, мэры городов и губернаторы областей пытались лоббировать проведение нужных им тендеров и отставку Сердюкова. В конфликт был вовлечен даже Сергей Чемезов, бывший генерал КГБ и директор «Ростехнологий», который был коллегой Путина в ГДР в 1980-х годах¹. Сопротивление ВПК мобилизовало отдельных региональных руководителей и даже членов ближайшего окружения Путина.

В 2009 г. Сердюков решил создать в вооруженных силах службу военной полиции. Однако после нескольких провалов она была создана только в 2014 г., уже после отставки министра. Первоначально военная полиция должна была заменить правоохранительные и розыскные функции военной прокуратуры и ФСБ и перейти в подчинение заместителя министра обороны [Herspring, McDermott, 2010]. Однако инициатива вызвала много критики в других силовых структурах, входивших в президентскую коалицию, и столкнулась с трудностями в реализации². ФСБ была против этой идеи, поскольку изначально она должна была нарушить работу службы контрразведки в армии³. В итоге военная полиция была создана «полузависимой, без полномочий по расследованию преступлений». Первичное расследование оставалось возложено на командиров подразделений, что подрывало справедливость расследования⁴.

Наконец, Сердюков хотел радикально изменить систему военного образования. До 2013 г. МО планировало завершить первую часть реформы, направленную на сокращение числа военных учебных заведений⁵. Однако даже она не была завершена. МО планировало объединить и сократить 65 существовавших учебных заведений до 10 больших военных университетов [Herspring, McDermott, 2010]. Все эксперты сошлись во мнении, что военное образование было необходимо реформировать из-за старых про-

¹ Респондент № 12, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

² Ващенко В. «Не понимаю, чем занимается военная полиция» // Газета. ги. – 2016. – Ноябрь. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2016/11/01/10297829.shtml> (дата посещения: 02.06.2021).

³ Респондент № 12, интервьюер – К. Шамиев, 25 апреля 2018 г., Москва.

⁴ Респондент № 2, интервьюер – К. Шамиев, 13 мая 2018 г., Москва.

⁵ Горемыкин В. Военное образование // Эхо Москвы*. – 2009. – Март. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/voensovet/577758-echo/> (дата посещения: 02.03.2021).

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

блем в преподавании и военной науке. В ответ на критику со стороны Госдумы в МО однажды было проведено совещание по поводу расформирования Коломенского высшего артиллерийского командного училища. Министерство попросило депутатов Госдумы проанализировать училище на предмет соответствия установленным оценочным критериям и пообещало, что если они смогут найти хоть один критерий для сохранения училища, то они это сделают. Как сказал один из бывших депутатов Госдумы, его анализ показал, что особенности Коломенского училища не давали шансов на его сохранение¹. Однако реформу все равно критиковали за «уничтожение» военного образования, обладавшего древней историей и почетными традициями в России².

Реформа Сердюкова в свете гражданско-военных отношений в России

Таким образом, военная реформа в 2007–2012 гг. сочетала успехи и неудачи. МО удалось сделать структуру вооруженных сил более гибкой и мобильной, добиться постоянной боеготовности войск, начать глубокую модернизацию ВПК и перевооружение. Более того, реформа вынудила уйти в отставку наиболее критически настроенную часть офицеров и членов правительства, что благоприятно сказалось на общей дисциплине государственного аппарата. Изменение структуры и усиление боевой готовности были наиболее деполитизированными изменениями в вооруженных силах, что облегчало их реализацию при формальном одобрении президента и наличии способного министра и НГШ, сторонника реформ. Более политизированные изменения вызвали сопротивление со стороны как гражданской коалиции, так и отдельных представителей президентской коалиции.

Создание военной полиции, профессионального корпуса сержантов, реформа ВПК и перестройка образования столкнулись с серьезным коалиционным противодействием. Создание военной полиции было замедлено правоохранительными органами и ФСБ, блокировавшими формальные процедуры согласования законо-

¹ Респондент № 14, интервьюер – К. Шаминев, 23 апреля 2018 г., Москва.

² Респондент № 18, интервьюер – К. Шаминев, 20 апреля 2018 г., Москва.

проектов. Реформа военного образования подверглась резкой критике со стороны преподавателей и в общественной сфере. Противники реформы военного образования привлекли внимание депутатов Госдумы, которое МО пыталось блокировать путем проведения общественных слушаний и конференций. Несмотря на жесткую критику, реформа была отменена только после отставки Сердюкова. Реформа структуры ВДВ, благодаря влиянию генерала Шаманова, была полностью остановлена. Личный доступ офицеров к Путину, влияние других силовых структур и, наконец, уголовное преследование команды Сердюкова были тремя эффективными элементами стратегии торможения оборонной реформы в 2008–2012 гг. В то же время общественные кампании, протесты, обращения Думы к министру и президенту были тщетны.

Наконец, одним из ярких раздражающих факторов стала личность самого министра Сердюкова, в частности критике подверглось его недипломатичное поведение с офицерами. Расформирование исторических соединений с героическим прошлым и неэтичная манера общения с высокопоставленными офицерами создали проблемы в отношениях с военной коалицией, которых можно было избежать. Этот аспект дополняет несколько редукционистский аргумент о том, что полномочия и финансы являются главными стимулами поведения силовой элиты [Stepan, 1988; Svolik, 2012; Geddes, Frantz, Wright, 2014]. На самом деле гражданско-военные отношения зависят от комплекса нормативных установок и прагматичных решений.

Оборонная реформа и российское политическое управление

Полученные выводы имеют некоторые последствия для разработки политики в недемократических государствах. Они предполагают, во-первых, что даже полная политическая поддержка со стороны авторитарного лидера не может спасти разработчиков политики и их программу от влияния других акторов. Во-вторых, резкое внедрение изменений предотвращает создание более широкой коалиции поддержки посредством мобилизации акторов внутри государственного аппарата. Президентская коалиция реформаторов была слишком мала и состояла из только высшего руководства министерства и идеологических сторонников министра. Таким образом, стоит уточ-

нить изначально заявленную гипотезу. С одной стороны, анализ действительно показывает, что доступ к «вышестоящему органу власти», премьер-министру Путину в данном контексте, позволял приостановить часть изменений. С другой стороны, политический курс в оборонной сфере замедляется или изменяется даже без санкции высшего органа власти из-за сопротивления (не) формальных вето-игроков: отдельных военных лидеров или, например, других силовых структур.

Эта статья подчеркивает важность изучения гражданско-военных отношений в рамках академического поля российской политики. Она призывает социальных исследователей обратить большее внимание на политические процессы в вопросах безопасности России и других стран. Наличие гражданской экспертизы по реформам сектора безопасности помогает сделать их более успешными и приемлемыми для гражданской части государства.

K. Shamiev^{*}

**The role of advocacy coalitions in Russia's defense policies:
the case of Serdyukov reform**

Abstract. Between 2007 and 2012, the Russian armed forces went through unprecedented changes that affected all elements of the military organization. Despite political and financial support from the president and prime minister, the reformers could not meet all reform goals, and some changes were slowed down or backpaddled. The research uses data from 18 expert interviews, online media materials and employs the advocacy coalition framework to show that the Ministry of Defense has been unable to implement some changes because of the opposition within the military and presidential coalitions of civil-military relations. Interagency resistance forced the Ministry of Defense to abandon some of the changes. Some others were canceled after Minister Serdyukov's ouster. This article demonstrates the strategies that the reformers used to pursue their goals and overcome the resistance from the reform opponents. The resistance eventually led to the defence minister's resignation, which halted further radical changes in the Russian armed forces. The results show that even the full political support from an authoritarian leader cannot save politicians and their programs from the influence of other actors. Dissatisfaction with the changes split the presidential coalition. It also damaged the interagency interaction, which ultimately weakened the managerial position of the reformer. Moreover, this case study showed that in civil-military relations, the conformity of the reformer's behavior with the dominant military beliefs plays a major role alongside the factual component of reform.

* Shamiev Kirill, HSE University (St. Petersburg, Russia); Central European University (Vienna, Austria), e-mail: kshamiev@hse.ru

Keywords: defense policy; civil-military relations; military reform; Medvedev; policymaking; advocacy coalitions.

For citation: Shamiev K. The role of advocacy coalitions in Russia's defense policies: the case of Serdyukov reform. *Political Science (RU)*. 2022, N 2, P. 206–229. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.10>

References

- Arbatov A.G. *The transformation of Russian military doctrine: lessons learned from Kosovo and Chechnya*. Garmisch-Partenkirchen: George C Marshall Center, European Center For Security Studies, 2000, 62 p.
- Barabanov M. (ed.). *Russia's new army*. Moscow: Centre for analysis of strategies and technology, 2011, 120 p. (In Russ.)
- Binderkrantz A.S., Christiansen P.M., Pedersen H.H. Interest group access to the bureaucracy, parliament, and the media. *Governance*. 2015, Vol. 28, N 1, P. 95–112. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12089>
- Cairney P. *Understanding public policy: theories and issues*. London: Macmillan International Higher Education, 2011, 346 p.
- Dvorkin V., Arbatov A. *Military reform in Russia: Current state and future prospects*. Moscow: Moscow Carnegie Center, 2013, 79 p. (In Russ.)
- Dyson D.T. German military reform 1998–2004: leadership and the triumph of domestic constraint over international opportunity. *European security*. 2005, Vol. 14, N 3, P. 361–386. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662830500407929>
- Feaver P. *Armed servants: agency, oversight, and civil-military relations*. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 2005, 400 p.
- Geddes B., Frantz E., Wright J.G. Military rule. *Annual review of political science*. 2014, Vol. 17, N 1, P. 147–162. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-213418>
- Gel'man V. *Authoritarian modernization in Russia: ideas, institutions, and policies*. London: Routledge, 2016, 324 p.
- Giles K. *Who gives the orders in the new Russian military?* Research Paper N 74. Rome: NATO Defense college, 2012, 12 p.
- Golts A. *Military reform and militarism in Russia*. Upsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2017, 315 p.
- Herspring D.R., McDermott R.N. Serdyukov promotes systemic Russian military reform. *Orbis*. 2010, Vol. 54, N 2, P. 284–301. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2010.01.004>
- Huntington S.P. *The soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957, 564 p.
- Ironnelle B. Europeanization without the European Union? French military reforms 1991–96. *Journal of European public policy*. 2003, Vol. 10, N 2, P. 208–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/1350176032000059008>
- Janowitz M. *The professional soldier: a social and political portrait*. New York: free press, 1960, 488 p.
- Jenkins-Smith H., Silva L.C., Gupta K., Ripberger T.J. Belief system continuity and change in policy advocacy coalitions: using cultural theory to specify belief systems,

- coalitions, and sources of change. *Policy studies journal.* 2014, Vol. 42, N 4, P. 484–508. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12071>
- Levy Y. What is controlled by civilian control of the military? Control of the military vs. control of militarization. *Armed forces and society.* 2016, Vol. 42, N 1, P. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X14567918>
- Noble B. Authoritarian amendments: legislative institutions as intraexecutive constraints in Post-Soviet Russia. *Comparative political studies.* 2020, Vol. 53, N 9, P. 1417–1454. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0010414018797941>
- Nwalie M.I. Advocacy coalition framework and policy changes in a third-world country. *Politics & policy.* 2019, Vol. 47, N 3, P. 545–568. DOI: <https://doi.org/10.1111/polp.12302>
- Pierce J.J., Peterson H.L., Hicks K.C. Policy change: an advocacy coalition framework perspective. *Policy studies journal.* 2020, Vol. 48, N 1, P. 64–86. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12223>
- Renz B. *Russia's military revival.* Cambridge: Polity, 2018, 240 p.
- Rohlfing I. *Case studies and causal inference: an integrative framework.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012, 272 p.
- Sabatier P., Weible C. *The advocacy coalition framework: innovations and clarifications.* Boulder, CO: Westview Press, 2007, 220 p.
- Shamiev K. Civil–military relations and Russia's Post-Soviet military culture: a belief system analysis. *Armed forces and society.* 2021, P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X211062932>
- Soeters J. Organizational cultures in the military. In: G. Caforio, M. Nuciari (eds). *Handbook of the sociology of the military handbooks of sociology and social research.* Cham: Springer International Publishing, 2018, P. 251–272.
- Stepan A.C. *Rethinking military politics.* Princeton, NJ: Princeton university press, 1988, 192 p.
- Stykow P. The devil in the details: constitutional regime types in post-Soviet Eurasia. *Post-Soviet affairs.* 2019, Vol. 35, N 2, P. 122–139. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1553437>
- Svolik M.W. *The politics of authoritarian rule.* Cambridge: Cambridge university press, 2012, 253 p.
- Thomas G.B. External shocks, conflict and learning as interactive sources of change in U.S. security policy. *Journal of public policy.* 1999, Vol. 19, N 2, P. 209–231. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0143814X99000239>
- Wilson K. Modernization or more of the same in Russia: was there a “thaw” under Medvedev? *Problems of Post-Communism.* 2015, Vol. 62, N 3, P. 145–158. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1019803>

Литература на русском языке

Новая армия России / под ред. М. Барабанова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2010. – 168 с.

Дворкин В., Арбатов А. Военная реформа России: состояние и перспективы. – М: Моск. Центр Карнеги, 2013. – 79 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№	Респондент	Источник	Дата и время	Запись
1	Военный журналист и аналитик, автор книг про оборонные реформы в России	Онлайн	12/05/2021, 1:01:15	Записано
2	Один из ведущих членов движения «Граждан и армия»	Лично	13/05/2021, 0:54:05	Записано
3	Корреспондент отдела политики «Комсомольской правды»	Лично	15/05/2021 0:37:21	Записано
4	Военный журналист, член «Изборского клуба»	Лично	17/05/2021 0:40:18	Записано
5	Бывший высокопоставленный член правительства РФ, член Совета безопасности РФ	Лично	18/05/2021 0:33:09	Записано
6	Полковник (в отставке), корреспондент ТАСС	Онлайн	20/05/2021 0:49:24	Записано
7	Член Общественного совета Министерства обороны, бывший сотрудник Министерства обороны, журналист	Онлайн	20/05/2021 0:50:24	Записано
8	Генерал-майор (в отставке), член Совета по внешней и оборонной политике, бывший член Совета обороны Российской Федерации	Лично	21/05/2021 0:47:54	Записано
9	Член экспертного совета Военно-промышленной комиссии, журналист	Онлайн	25/05/2021 0:52:29	Записано
10	Бывший член партии «Яблоко», эксперт по оборонной реформе 2001–2003 гг., по вопросам нераспространения	Онлайн	12/07/2021 0:36:08	Записано
11	Научный сотрудник Queen's University, Center for International and Defense Policy	Email	28/04/2018 0:45:17	Письменный вид
12	Журналист, пресс-пул Министерства обороны	Лично	25/04/2018 0:45:17	Записано
13	Профессор Высшей школы экономики, член Совета по внешней и оборонной политике	Лично	25/04/2018 0:46:58	Записано
14	Бывший депутат Государственной думы	Лично	23/04/2018 0:30:35	Записано
15	(Советский) российский военный журналист	Лично	20/04/18 20:52	Записано
16	Генерал-майор, член РАН, член Совета по внешней и оборонной политике	Лично	23/04/18 46:50	Записано
17	Политолог, независимый аналитик, бывший сотрудник ПИР-центра и РАН	Лично	28/04/18 1:14:36	Записано
18	Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской академии наук	Лично	20/04/18 59:07	Записано

Н.В. КОЛПАКОВ*

ЛЕВЫЙ И ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ИСПАНИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ: «ВОКС» И «ПОДЕМОС»¹

Аннотация. В течение многих лет правый популизм считался неактуальным для Испании явлением. Недавний успех партии «Вокс», сначала на региональном, а затем и на национальном уровне служит наглядным доказательством того, что трансформация испанской партийной системы продолжается. Более того, сегодня правый и левый популизм (представленный соответственно партиями «Вокс» и «Подемос») сосуществуют в условиях ее усиливающейся фрагментации. В статье предпринята попытка ответить на вопрос, почему в Испании возникли два типа популистских партий, в чем состоят ключевые различия между ними и какое место они занимают в партийной системе страны.

Исследовательский замысел предполагает выявление основных характеристик правого и левого популизма на основе анализа новейшей научной литературы и последующую оценку перспектив партий «Вокс» и «Подемос». Определяются факторы их электоральных успехов; предполагается, что особую роль в дифференциации испанского популизма играет территориальный фактор. В исследовании использованы методы сравнительного анализа и социального конструктивизма, а сам популизм рассматривается в рамках идеационного подхода.

По итогам исследования были определены характеристики левого и правого популизма в Испании на примере партий «Вокс» и «Подемос». Был сделан вывод о том, что случай Испании представляет особый интерес в европейском контексте, поскольку позволяет изучить электоральные успехи и перспективы как

* Колпаков Никита Викторович, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: Kolpakov95@mail.ru

¹ Исследование подготовлено в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук.

левых, так и правых популистов. Была подчеркнута роль территориального фактора в размежевании левого и правого популизма.

Ключевые слова: популизм; левый популизм; правый популизм; Испания; политические партии; «Вокс»; «Подемос».

Для цитирования: Колпаков Н.В. Левый и правый популизм в Испании в условиях перестройки партийной системы: «Вокс» и «Подемос» // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 230–250. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.11>

Введение

Исследования популизма приобретают все большую актуальность, что объясняется как феноменом Трампа [Феномен Трампа, 2020], так и ростом популярности популистских партий в Европе [Баранов, 2015]. Однако это понятие зачастую используется как политическое оружие в публичной сфере, в том числе как оскорблениe и проявление демагогии [Gianolla, 2017], что может затруднять научный анализ.

В исследовании использованы методы сравнительного анализа (сравнение партийных систем, выделение типологии популизма) и социального конструктивизма (изучение и оценка партийных программ). Сам популизм рассматривается в рамках идеационного подхода. Автор опирается на научную литературу о современной волне популизма в целом и его испанской версии в частности, а также на партийные документы и избирательную статистику.

Период 2011–2016 гг. ознаменовался образованием двух новых политических партий в Испании, часто характеризуемых как популистские: «Подемос» и «Вокс». Это можно в значительной степени объяснить глубоким и продолжительным экономическим кризисом в Южной Европе, который затронул и большую часть испанского общества [Cordero, Montero, 2015], однако появление в одной стране одновременно и правых, и левых популистов нуждается в отдельном анализе.

Чтобы понять метаморфозы испанской партийной системы, важно понять, что происходило с ней в течение демократического транзита и после него. В целом в постфранкистской Испании можно выделить четыре этапа развития партийной системы, которые различаются по уровню фрагментации, поляризации и моделям партийной конкуренции.

Первый этап (1977–1979) представляет собой восстановление в стране демократического режима: формирование ограниченной плюралистической партийной системы. Правоцентристский Союз демократического центра успешно победил на выборах 1977 г. и возглавил однопартийное правительство меньшинства, главной задачей которого было принятие демократической конституции [Хенкин, 2018].

Второй этап (демократической консолидации) включает выборы 1982, 1986, 1989 и 1993 гг. Он был отмечен политической гегемонией социал-демократической Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). В этот период консервативная партия Народный альянс (НА), предшественница Народной партии (НП), превратилась в главную оппозиционную партию.

Третий этап (1996–2011) характеризуется обострением электоральной конкуренции между ИСРП и НП, их доминированием в электоральном пространстве и циркуляцией власти между ними. Данный цикл охватывает пять электоральных циклов, в трех из них, завершившихся формированием правительства простого большинства, победившая партия должна была заручиться поддержкой региональных и националистических партий, хотя ни в одном из этих случаев эта поддержка не привела к образованию коалиционного правительства [Rama, Cordero, Zagorski, 2021].

Четвертый этап характеризуется политической нестабильностью. Электоральная волатильность в 2015 г. (сопоставимая только с кампанией 1982 г.) привела к резкому сокращению совокупной доли голосов НП и ИСРП (51,1% в 2015 г. против 74,4% в 2011 г.) и их мест в парламенте (60,9% в 2015 г. против 84,6% в 2011 г.), а также к успеху двух новых политических игроков – партий «Подemos» и «Граждане»^{1,2}. Сочетание сбалансированного распределения мест между двумя основными политическими лагерями (правые и правоцентристы (НП и «Граждане») завоевали 163 места, в то время как левые и левоцентристы (ИСРП и «Подemos») – 159)) со сложностью получения достаточной поддержки со стороны региональных нацио-

¹ Actuaciones de la Oficina del Censo Electoral. Resultados. Instituto Nacional de Estadística. – Mode of access: https://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176828&menu=resultados&idp=1254735576529 (accessed: 20.10.2021).

² Также известна как «Сьюдаданс».

налистических партий препятствовали формированию любого правительства [Куракина-Дамир, 2020].

Следующие выборы были назначены на 20 июня 2016 г. На этот раз НП смогла сформировать правительство с самой низкой долей мест в парламенте с 1977 г. (всего 39,1%). Менее чем через два года, в июне 2018-го, ИСРП удалось сплотить оппозиционные силы в парламенте, чтобы добиться отставки правительства путем выдвижения вотума недоверия¹. Стабильность правительства ИСРП зависела от поддержки «Подемос» и националистических региональных партий. После того, как в феврале 2019 г. каталонские партии отказались поддержать законопроект правительства о бюджете, были назначены досрочные выборы.

Выборы в апреле 2019 г. стали успешными для ИСРП и партий «Граждане» и «Вокс» (последняя впервые вошла в парламент) и неуспешными для НП и «Подемос». Отсутствие соглашения по формированию правительства между ИСРП и «Подемос» привело к новым выборам в ноябре 2019 г. со следующими результатами: ИСРП – 120 мест, НП – 89, «Вокс» – 52, «Подемос» – 35 и «Граждане» – 10 мест².

Применив типологию Дж. Сартори [Sartori, 2005], на основе анализа избирательных данных можно выделить следующие этапы трансформации партийной системы Испании:

- система ограниченного плюрализма в 1982–1989 гг.;
- двухпартийная система в 1993–2011 гг.;
- поляризованный плюрализм с высокой фрагментацией на современном этапе.

Популизм левый и правый: теории и подходы

Существует широкий спектр подходов к исследованию популизма, каждый из которых имеет свои аналитические и теоретические преимущества [Jagers, Walgrave, 2007; Mudde, 2004;

¹ El País. Moción de censura: Sánchez, presidente. – 2018. – June 2. – Mode of access: https://elpais.com/politica/2018/06/01/actualidad/1527833707_590950.html (accessed 24.10.2021).

² Actuaciones de la Oficina del Censo Electoral. Resultados. Instituto Nacional de Estadística. – Mode of access: https://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176828&menu=resultados&idp=1254735576529 (accessed: 20.10.2021).

Aslanidis, 2015; Вайнштейн, 2018; Макаренко, 2017; Медушевский, 2018; Харитонова, Кудряшова, 2022]. В их числе идеационный подход к популизму, где последний понимается как набор идей, подчеркивающих борьбу между волей народа и отстраненной, противостоящей ему элитой, является одним из наиболее популярных среди политологов [Mudde, Kaltwasser, 2012; Mudde, 2019]. Идеационный подход служит своего рода обобщающей концепцией для различных интерпретаций популизма, центральной подкатегорией его прототипа [Харитонова, Кудряшова, 2022]. В рамках идеационного подхода некоторые исследователи понимают популизм как «идеологию с разреженным центром» [Mudde, 2004], а другие рассматривают его как дискурсивный фрейм [Aslanidis, 2015]. С точки зрения К. Мюдде, популизм – это стратегия коммуникации и формирования реальности, состоящая из четырех компонентов: существование двух однородных единиц (народ и элита); антагонизм между ними; «чистый» суверенитет народа (под непосредственным руководством харизматичного лидера); упрощенная характеристика народа («простого человека») как априори «хорошего», а элиты – «плохой» и «коррумпированной» [Mudde, 2004].

Дифференцирование левого и правого популизма в рамках данной статьи будет производиться с опорой на работы немецкой исследовательницы К. Пристер [Priester, 2012] и голландского ученого К. Мюдде [Mudde, 2016]. Первая описывает левый популизм как инклузивную стратегию включения «подавленных», «угнетенных» слоев населения в систему, противопоставляющую себя политическому истеблишменту, а правый – как эксклюзивную, исключающую из системы группы, нарушающие ее гомогенную природу. Второй же подчеркивает, что разница между правым и левым популизмом состоит не в инклузивности / эксклюзивности, а в том, какие конкретно группы являются субъектами такого включения / исключения [Mudde, 2016; Осколков, 2019].

Согласно мнениям исследователей, левый популизм больше сосредоточен на социально-экономических вопросах, а правый – на социокультурных [Otjes, Louwerve, 2015]. Если использовать термины «инклузивный» и «эксклюзивный», то левый популизм более инклузивен в социально-экономическом отношении (включает бедных), тогда как правый более эксклюзивен в социокультурном (исключает «чужаков») [Mudde, Kaltwasser, 2012].

Опираясь на новейшую литературу по левому и правому популизму, автором были выведены следующие характеристики этих форм (см. табл.).

Таблица
**Левый и правый популизм:
основные отличительные характеристики**

<i>Левый популизм</i>	<i>Правый популизм</i>
Классовое определение «народа» («народ» = «бедные», «элиты» = «богатые») [March, 2011]	Нативистское определение народа («народ» = этническая или гражданская идентичность) [Осколков, 2019; Mudde, 2004; Погорельская, 2004]
Враг – элиты как эксплуататоры рабочего класса [Huber, Schimpf, 2017]	Враг – элиты как представляющие интересы «чужаков» ¹ в ущерб единому гомогенному «народу» [Huber, Schimpf, 2017]
Инклюзивный популизм ² [Katsambekis, 2017]	Эксклюзивный популизм ³ [Katsambekis, 2017], этнический национализм [Тэвдой-Бурмули, Осколков, 2018]

Популизм в современной Испании

Н. Болин показывает, что тип избирательной системы является ключевым фактором для понимания успеха новых политических акторов и указывает на взаимосвязь между размером парламента, размером избирательного округа и вероятностью появления новой партии [Bolin, 2007]. Наряду с избирательной системой для успеха новой партии важен уровень выборов. Известно, что выборы второго порядка, такие как выборы в Европейский парламент (ЕП), усиливают поддержку немейнстримных партий и увеличи-

¹ Иммигранты; представители других религий, политических идеологий; международные организации.

² «Народ» определяется как плуралистический и разнородный субъект, который может включать в себя различные социальные классы, этнические группы, религии и сексуальные ориентации, а также подчеркивает необходимость реинтеграции и представительства маргинализированных, исключенных слоев общества.

³ «Народ» определяется как этническая (иногда расовая) группа, изображаемая как однородное органическое сообщество, одновременно противостоящее меньшинствам (религиозным, этническим, сексуальным и гендерным). Такие партии, как правило, являются исключительными, связывая благополучие «коренных» людей с исключением «чужих» и с ограничением прав и свобод последних.

вают вероятность появления новой партии [Reif, Schmitt, 1980]. Совсем недавно Дж. Шульте-Клоос успешно протестировала эту гипотезу на популистских радикальных правых партиях [Schulte-Cloos, 2018].

Оба положения весьма иллюстративны для случая Испании. Ее избирательная система затрудняет получение мест в парламенте новыми партиями. Несмотря на то что она не является мажоритарной, сочетание большого количества округов (52 провинции) с различным весом (от 37 до одного мандата) при распределении мест в Конгрессе (350), как и применение метода Д'Ондта, препятствуют представительству небольших партий на национальном уровне [Rama, Cordero, Zagorski, 2021].

Первый успех «Подемос» на национальном уровне произошел в 2014 г. на выборах в Европейский парламент, где действует пропорциональная система [Cordero, Montero, 2015]. В отличие от «Подемос», «Вокс» на этих выборах проиграл; только на региональных выборах 2018 г. в Андалусии (также второго порядка с пропорциональной системой) эта партия смогла подготовить плацдарм, давший возможность получить депутатские мандаты на всеобщих выборах.

Х. Казальс предлагает более систематизированный взгляд на возникновение политических популистских акторов в Испании и их стили, выделяя три волны популизма [Casals, 2013]. Первая волна (1989–2000) – это возникновение популизма, отличительной чертой которого было появление богатых, высокопоставленных «политических аутсайдеров», таких как Хосе Мария Руис Матеос (бизнесмен, избранный в Европейский парламент в 1989 г.) и Хесус Хиль (президент футбольной команды «Атлетико де Мадрид» и мэр г. Марбелья). По мнению Казальса, эти случаи представляют собой своего рода «берлусконизацию» испанской политики, понимаемую как формирование нарратива, который подчеркивает преимущество менеджеров и бизнесменов над политиками и использует аргументы против истеблишмента и апелляции к народу и идентификацию с ним [Casals, 2013].

Вторая волна (2003–2011), называемая «территориальной итальяннацией» [Casals, 2013], началась в 2003 г. с появлением «Платформы для Каталонии». Лозунги партии («За лучший контроль над иммигрантами» и «Граждане прежде всего») отражали исключающий популистский подход. Рост популярности крайне

правых партий с ксенофобскими позициями в Европе, хотя и относительно незначимый в испанском случае, стал решающим фактором в развитии в стране правого популизма. Крайне правые партии отказались от ностальгического франкистского дискурса в пользу языка зарубежных ксенофобских групп [Casals, 2013].

В Каталонии появился ряд новых партий с популистскими характеристиками, выступавших за и против независимости: «Граждане» (основана в 2006 г.), «Каталонская солидарность за независимость» и «Кандидатура народного единства». Эти партии разработали риторические стратегии, которые апеллировали к националистическим чувствам граждан. «Кандидатура народного единства» и «Каталонская солидарность за независимость», призывающие к независимости автономии, могут рассматриваться как относящиеся к категории исключающего популизма наряду с «Платформой для Каталонии». Партия «Граждане» построила свою электоральную стратегию, позиционируя себя защитницей территориальной целостности Испании, отставая при этом гражданскую модель национализма с упором на единую испанскую идентичность, в противовес этническому национализму каталонских и баскских сепаратистов¹.

Третья волна (с 2011 г.) поднялась на фоне экономического спада, стремительного роста уровня безработицы, серьезного сокращения социального обеспечения и постоянного потока коррупционных скандалов, затронувших всю политическую систему – от монархии, основных партий и членов парламента до региональных депутатов и местных мэров. Системная нестабильность также усугубилась из-за обострения каталонского кризиса, что поставило под вопрос конституционность Испании как децентрализованного унитарного государства, состоящего из 17 автономных сообществ [Яковлев, Куракина-Дамир, 2020; Хенкин, 2015]. Таков был политико-экономический контекст появления новых антиэлитарных популистских сил. Партия «Вокс» (основана в 2013 г.), характеризуемая рядом ученых как «радикальная правая и популистская» [Turnbull-Dugarte, 2019; Marcos-Marne, 2021], также внесла вклад в трансформацию партийной системы Испании, добившись значи-

¹ Ciudadanos: civil patriotism or nationalism? // El País. – 2018. – May, 22. – Mode of access: https://english.elpais.com/elpais/2018/05/22/inenglish/1526978179_519184.html (accessed: 22.10.2021).

тельного электорального успеха на региональных выборах в Андалусии в 2018 г.

Партия «Подемос» сквозь призму левого популизма

Основателями партии «Подемос» выступила группа профессоров политологии, социологии и экономики Мадридского университета Комплутенсе. Они также были увлечены опытом «социализма XXI века», идеологической силой режимов У. Чавеса в Венесуэле, Р. Корреа в Эквадоре и Х.Э. Моралеса в Боливии [Zarzalejos, 2016].

Стремительный рост популярности «Подемос» во многом можно объяснить дискурсивной стратегией его основателей. Бывший лидер «Подемос» П. Иглесиас и его коллеги сосредоточили свои усилия на четырех основных темах [Sola, Rendueles, 2018]. Во-первых, коррумпированность большой испанской политики: они постоянно осуждают политику «вращающихся дверей» между органами власти и консультативными и исполнительными советами корпораций и акцентируют коррупционные скандалы ИСРПИ и НП, о которых много писали газеты в годы рецессии. Во-вторых, постоянно используя термин *casta* (каста, правящий класс), они позиционируют себя как «народ», в отличие от «корыстной» политической и бизнес-элиты, которая управляет не в интересах страны, а в своих собственных. В-третьих, они выступают за новую политику участия, которая заменит «миф о представительстве», что совпадает с девизом Движения 15-M¹ – *No nos representan* («Они не представляют нас»). Наконец, лидеры «Подемос» утверждали, что их политика оставляет позади ложные дилеммы «левых и правых» ради политики «здравого смысла»².

¹ 15 мая 2011 г. испанцы вышли на улицы, чтобы выразить свое недовольство правящим элитам перед предстоящими местными и региональными выборами, намеченными на 22 мая. Эти демонстрации стали платформой для создания одного из крупнейших движений против финансовой политики «жесткой экономии» в Европе – Движение 15-M (исп., *Movimiento 15-M*), также известного как Движение 15 мая или движение «Возмущенные».

² Pablo Iglesias: La pelea por el sentido común. Renta básica. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=Cyqec2bJVNs> (accessed: 17.10.2021).

«Каста» – расплывчатый термин, который мог включать политиков, банкиров, спекулянтов и любые другие привилегированные группы; он приемлем как для тех, кто обладает определенным классовым сознанием, так для тех, кто придерживается антиполитики¹. Хотя «Подемос» также прибегает к другим противопоставлениям («те, кто внизу» против «тех, кто наверху» и «новая политика» против «старой политики»), этот термин стал известным до такой степени, что вошел в повседневный язык [Sola, Rendueles, 2018].

«Подемос» уделяет особое внимание экономическим последствиям глобализации, в связи с чем Д. Родрик считает эту партию исключением для Европы, где популизм в основном сосредоточен на социально-культурных вопросах [Rodrik, 2018]. По его мнению, она имеет больше сходства с антиглобалистскими популистскими левыми силами в Латинской Америке, которые отвергают неолиберальную модель развития. Исследователи подчеркивают, что риторика «Подемос» направлена не только против политиков, «но и против привилегированных экономических и финансовых элит, а также крупных... корпораций, воплощающих неолиберальную гегемонию» [Ivaldi, Lanzone, Woods, 2017, с. 360]. Поэтому на первых всеобщих выборах партии сопутствовал особый успех в тех испанских провинциях, которые в большей степени испытали негативные последствия экономической глобализации [Vampa, 2020].

В числе других положений программы «Подемос» можно выделить следующие.

1. Сокращение рабочей недели до 34 часов.
2. Пересмотр ипотечной ставки в сторону понижения.
3. Запрет коммерциализации питьевой воды.
4. Расширение законодательной базы по защите женщин и сексуальных меньшинств.
5. Демократическое разрешение каталонского кризиса.
(Конкретика отсутствует. – *Прим. авт.*)

¹ «Антиполитика отвергает «старую политику», считающуюся политикой элиты, и меняет традиционный политический стиль и речь. Она представляет собой прямую и конфронтационную речь, которая непосредственно представляет в политической коммуникации реальные интересы населения» [Kis, 2018].

6. Обширная конституционная реформа (затрагивает права и привилегии королевской семьи, принципы функционирования всех ветвей власти)¹.

Инклузивный подход к более бедным слоям общества часто ассоциируется с левыми интерпретациями популизма [Mudde, Kaltwasser, 2012]. Поэтому можно ожидать, что подъем «Подемос» начался в тех регионах, где проблемы бедности были более актуальны. С момента основания борьба партии против коррупции и доминирующих сил глобализации сопровождалась поддержкой мер, направленных на снижение уровня бедности. К ним относятся безусловный базовый доход для тех, кто находится за чертой бедности (в Испании очень высокий уровень безработицы), и дотации на энергоносители для семей с низким уровнем дохода [Ivaldi, Lanzone, Woods, 2017].

Что касается политico-территориального устройства Испании, то в 2015 г. в своей первой программе для всеобщих выборов² партия «Подемос» признала право на «самоуправление и самоопределение народов» (*derecho de decidir*) и «многонациональный характер Испании» (*naturaleza plurinacional de España*). На партийном съезде 2017 г. в г. Висталегре Иглесиас подчеркнул необходимость учитывать такое разнообразие, чтобы «позволить людям (*las gentes*) и народам (*los pueblos*) страны восстановить суверенитет» и «право решать»³. «Подемос» даже заключила союзы с регионалистскими движениями в Каталонии, Галисии и Валенсии [Vampa, 2020].

Левому популизму «Подемос» не хватает «централизующего» характера правого популизма, что приводит к принятию требований сторонников автономии, даже признанию легитимности сторонников отделения, если инициатива идет снизу (*bottom-up*). Таким образом,

¹ PODEMOS. Programa de Podemos. Las razones siguen intactas. – Mode of access: https://podemos.info/wp-content/uploads/2019/10/Programa_generales_10N.pdf (accessed: 25.10.2021).

² PODEMOS. Queremos sabemos, Podemos. Programa electoral. – 2015. – Mode of access: <http://servicios.lasprovincias.es/documentos/Programa-electoral-Podemos-20D-2015.pdf> (accessed: 20.10.2021).

³ Pablo Iglesias. Speech at Podemos Party congress, Vistalegre. – 2017. – 12 February. – Mode of access: http://www.infolibre.es/noticias/politica/2017/02/12/discurso_pablo_iglesias_como_secretario_general_podemos_61050_1012.html (accessed: 20.10.2021).

можно предположить, что «Подемос» была более успешной в тех испанских провинциях, где территориальная политическая мобилизация (т.е. поддержка региональных партий или тех, что выступают за независимость) была более сильной [Vampa, 2020].

С точки зрения идеологии популизм «Подемос» является европейской версией левого популизма. Большая часть предвыборной программы партии неотличима от программы традиционных альтернативных левых: реструктуризация внешнего долга, налоговая реформа, прогрессивное вмешательство государства в экономику, защита прав женщин и меньшинств¹. Со временем «Подемос» был вынужден перейти от критики политической системы к призывам к прямому участию в государственной политике. В ходе этой эволюции некоторые требования – такие, как дефолт по долгам или безусловный базовый доход, – были смягчены, от части для того чтобы избежать обвинений в демагогии. С другой стороны, партии пришлось адаптировать свой образ политического аутсайдера к переговорам о заключении пактов для поддержки левых правительств в некоторых регионах, а затем и к факту участия в правительстве в коалиции с ИСРП.

Согласно данным опросов *EuropeElects*, по состоянию на 26 октября 2021 г. (средние показатели всех национальных электоральных опросов в Испании)² «Подемос» набирает 10,9% голосов, что закрепляет за ней позицию второй по величине и влиянию левой политической партии в стране.

Опираясь на анализ собранных данных и сведений о программе и деятельности партии «Подемос», можно утверждать, что она соответствует характеристикам левой популистской партии, обозначенным в таблице.

Партия «Вокс» как представитель правого популизма

Подъем радикальных правых партий, как популистских, так и непопулистских, в XXI в. К. Мюдде назвал четвертой волной

¹ PODEMOS. Programa de Podemos. – Mode of access: <https://podemos.info/programa/> (accessed: 20.10.2021).

² EuropeElects. Spain. National poll average. – Mode of access: <https://europeelects.eu/spain/> (accessed: 20.10.2021).

послевоенной ультраправой политики [Mudde, 2019]. Их современная популярность ощутимо возросла после мирового экономического кризиса 2008 г. [Осколков, 2019; Turnbull-Dugarte, 2019].

Хотя Испания была очень сильно затронута мировым экономическим кризисом, она наряду с Португалией оставалась свободной от институционального присутствия радикальных правых, представляя собой так называемое иберийское исключение [Turnbull-Dugarte, 2019]. «Испанскому исключению» пришел конец в 2018 г., когда праворадикальная «Вокс» получила представительство в региональном парламенте Андалусии, что стало платформой ее последующих электоральных успехов на всеобщих выборах в Испании в апреле и ноябре 2019 г.

В первых политических комментариях предпринимались попытки прояснить политический дискурс и идеологическую позицию «Вокс», а также определить основных сторонников партии [Turnbull-Dugarte, 2019]. К. Мюдде [Mudde, 2019] проводит важное различие между партиями, относящимися к радикальным правым и крайне правым. В то время как последние выступают против демократических режимов, первые поддерживают демократию как таковую, но выступают за политику, направленную на ограничение либеральных компонентов, которым благоприятствуют демократические режимы. «Вокс» можно отнести к радикальным правым, поскольку она стремится действовать в рамках представительных демократических институтов.

Идеология «Вокс» отчетливо проступает в ее программной платформе¹: она основана на авторитарном консерватизме и испанском национализме. В экономическом плане партия делает упор на рыночный либерализм, сокращение государственного вмешательства и социального обеспечения. Политические дебаты, которые составляют основу коммуникационной стратегии партии, разворачиваются по линии противоборства с либертиариянцами, которую также можно маркировать как «зеленые / альтернативные / либертиариянцы против традиционных / авторитарных / националистов» (GAL-TAN) [Polk et al., 2017].

¹ VOX. 100 medidas para la España viva. – 2018. – Mode of access: https://www.oxespana.es/biblioteca/espana/2018m/gal_c2d72e181103013447.pdf (accessed 12.10.2021).

Партия занимает очень жесткую позицию в отношении иммиграции, выступая за депортацию всех нелегальных иммигрантов, а также тех из них, кто совершил любое преступление, за прекращение мер социальной политики, которые привлекают иностранцев в страну¹. Весьма вероятно, что социально-культурная проблематика будет сохранять свою актуальность и мобилизационный потенциал в условиях высокого уровня иммиграции. Хотя в этом вопросе отсутствует консенсус [Golder, 2016], исследователи в целом поддерживают тезис о существовании положительной связи между иммиграцией и ростом популярности правого популизма [Knigge, 1998; Halla, Wagner, Zweimüller, 2017]. Можно предположить, что на выборах 2019 г. «Вокс» была более успешна в тех испанских провинциях, где уровень иммиграции выше.

«Вокс» выступает не только против иммигрантов – она также ведет борьбу против однополых браков, абортов, гендерных квот, законов о защите от гендерного насилия, а также всеобщего социального обеспечения, что позволяет говорить о ее идеологическом родстве с другими западноевропейскими праворадикальными партиями [Art, 2011; Mudde, 2004]. Обещание партии «сделать Испанию снова великой», а также ее нативизм соответствуют характеристике популистской праворадикальной партии у К. Мюдде [Mudde, 2004].

В ответ на сепаратистскую угрозу партия призывает как к приостановке автономного статуса Каталонии², так и к конституционному запрету любой партии, преследующей сепаратистские цели. Фактически территориальные вопросы повлияли на электоральную стратегию «Вокс» больше, чем иммиграция и экономика. В этом плане ее можно считать представляющей «государственно-ориентированный этнический национализм», выступающий за рецентрализацию власти в Мадриде с приоритетом на защиту интересов «испанского народа» [Calzada, 2018]. Первый раздел программы партии на всеобщих выборах 2019 г.³ был озаглавлен «Испания, единство и суверенитет» (*España, Unidad y Soberanía*), что подчеркивает главную тему избирательной кампании. Имми-

¹ VOX. 100 medidas para la España viva. – 2018. – Mode of access: https://www.oxespana.es/biblioteca/espaa/2018m/gal_c2d72e181103013447.pdf (accessed 12.10.2021).

² Ibid.

³ Ibid.

грация же обсуждалась только в третьем разделе программы, а раздел экономики был еще менее заметен, он расположился на пятом месте после раздела по безопасности и правопорядку.

Среди других пунктов первого раздела следует выделить защиту испанской национальной символики и языка; приостановку работы региональных служб правоохранительных органов; превращение Испании в унитарное государство с единым правительством и единым парламентом; рецентрализацию ключевых региональных компетенций (образование, здравоохранение, безопасность и правосудие)¹. Можно предположить, что на всеобщих выборах 2019 г. «Вокс» была более успешна в тех регионах, где территориальная политическая мобилизация (т.е. поддержка регионалистских или выступающих за независимость партий) была слабее.

Популизм важен для новой праворадикальной партии Испании, что согласуется с категоризацией базы данных *PopuList*². «Вокс» обгоняет своих конкурентов в популистской риторике (ее рейтинг составляет 9,16 по шкале от 0 до 10). Позиция на правом фланге экономической и культурной оси, а также значительное присутствие популизма в политической программе делают «Вокс», как утверждает П. Норрис, «классическим примером» популистской праворадикальной партии [Norris, 2020]. Согласно С. Тернбулл-Дугарте [Turnbull-Dugarte, 2020], идеологическое измерение «Вокс» является более радикальным как в социокультурном, так и в экономическом измерении по сравнению с «Альтернативой для Германии», «Национальным объединением» во Франции и Австрийской партией свободы; по значимости популистской риторики для деятельности партии она не уступает другим правым радикалам.

Согласно данным опросов на 26 октября 2021 г. (средние показатели всех национальных электоральных опросов в Испании) *EuropeElects*, «Вокс» набирает 16,2% голосов³, что закрепляет за

¹ VOX. 100 medidas para la España viva. – 2018. – Mode of access: https://www.voxespana.es/biblioteca/espagna/2018m/gal_c2d72e181103013447.pdf (accessed 12.10.2021).

² Rooduijn M., Van Kessel S., Froio C., Pirro A., De Lange S., Halikiopoulou D., Lewis P., Mudde C., Taggart P. The PopuList: An Overview of Populist, Far Right, Far Left and Eurosceptic Parties in Europe. – Mode of access: <https://populist.org> (accessed 30.10.2021).

³ EuropeElects. Spain. National Poll Average. 26/10/2021. – Mode of access: <https://europeelects.eu/spain/> (accessed: 28.10.2021).

ней позицию второй по величине и влиянию правой политической партии в стране и третьей по популярности в стране в целом.

Опираясь на анализ собранных данных и сведений о деятельности партии «Вокс» и ее программе, можно утверждать, что она соответствует характеристикам правой популистской партии, обозначенными в таблице.

Заключение

Появление новых популистских партий в Испании объясняется целым рядом институциональных, экономических и социальных факторов, включающих в себя особенности избирательной системы страны, влиянием экономического кризиса 2008 г. и последовавшего за ним политического кризиса в условиях дискредитации традиционных партий – НП и ИСРП. Разочарование населения в партийной системе и недоверие к традиционным политическим акторам создали условия для успешной деятельности новых популистских партий в лице «Подемос» и «Вокс».

На основе проведенного анализа их программ и выступлений лидеров можно классифицировать «Подемос» и «Вокс» как популистские партии левого и правого толка соответственно. Каждая из них выражает интересы определенных социальных групп и занимает четко очерченные позиции соответственно на левом и правом флангах политического спектра. Обе партии соответствуют указанным в статье признакам популистских партий даже с учетом трансформации их риторики в условиях постоянно меняющегося баланса сил в партийно-политической системе Испании.

«Подемос» в качестве левой популистской партии строит свою электоральную стратегию, основываясь на парадигме инклюзивного популизма, формируя коалицию из тех, кто чувствует себя отчужденным, будь то в экономическом («богатые – бедные»), социальном («привилегированное большинство – угнетенное меньшинство») или территориальном («центр – автономные провинции») плане. «Вокс», напротив, обращается к эксклюзивному популизму, работая с электоратом, который испытывает недовольство сепаратистскими настроениями, изменяющимися социальными нормами, высоким уровнем иммиграции, разложением традиционных устоев общества, особенно в сфере семейных отношений.

Случай Испании особенно интересен в европейском контексте, поскольку позволяет изучить электоральные успехи и перспективы как левых, так и правых популистов. Кроме того, он дает возможность исследовать развитие партийной конкуренции на различных уровнях политики – региональном и национальном. В этом контексте особое значение в условиях Испании приобретает территориальный фактор. Представленные в исследовании данные позволяют предположить, что праворадикальные популистские партии склонны связывать свой дискурс с продвижением идеи национального единства против центробежных сил. С другой стороны, левые популисты, действующие в национальном масштабе, склонны придерживаться подхода, признающего право регионов на автономию (и даже на самоопределение) и осуждающего давление центральных политических элит.

N.V. Kolpakov^{*}

**Left and right populism in Spain within the context
of the party system transformation: Vox and Podemos**

Abstract. For many years, right-wing populism was considered irrelevant in Spain. The recent success of the Vox party, first at the regional and then at the national level, is clear evidence that the transformation of the Spanish party system continues. Moreover, right-wing and left-wing populism (represented respectively by the Vox and Podemos parties) coexist today in the context of its increasing fragmentation. The article attempts to answer the question why two types of populist parties emerged in Spain, what are the key differences between them and what place they occupy in the country's party system.

The research intention involves identifying the main characteristics of right and left populism based on the analysis of the latest scientific literature and the subsequent assessment of the prospects of the Vox and Podemos parties. The factors of their electoral successes are determined; it is assumed that the territorial factor plays a special role in the differentiation of Spanish populism. The study uses the methods of comparative analysis and social constructivism, and populism itself is considered within the framework of an ideational approach.

Based on the results of the study, the characteristics of left and right populism in Spain were determined on the example of the Vox and Podemos parties. It was concluded that the case of Spain is of particular interest in the European context, as it al-

* Kolpakov Nikita, Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia), e-mail: Kolpakov95@mail.ru

lows one to study the electoral successes and prospects of both left and right populists. The role of the territorial factor in delimiting left and right populism was emphasized.

Keywords: populism; left populism; right populism; Spain; political parties; Vox; Podemos.

For citation: Kolpakov N.V. Left and Right Populism in Spain within the context of the party system transformation: Vox and Podemos. *Political Science (RU)*. 2022, N 2, P. 230–250. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.11>

References

- Art D. *Inside the radical right: The development of anti-immigrant parties in Western Europe*. Cambridge: Cambridge university press, 2011, 272 p.
- Aslanidis P. Is populism an ideology? A refutation and a new perspective. *Political studies*. 2016, N 64, P. 88–104.
- Baranov N.A. Revival of populism: European experience and Russian practices. *Vestnik (Herald) of Saint Petersburg university. Series 6. Political science. International relations*. 2015, N 3, P. 25–36. (In Russ.)
- Bolin N. New party entrance – analyzing the impact of political institution. *UMEA working paper, Political science*. 2007, N 2, P. 1–20.
- Calzada I. Metropolitanising small European stateless city-regionalised nations. *Space and polity*. 2018, N 22(3), P. 342–361. DOI: 10.1080/13562576.2018.1555958
- Casals X. *The people against the Parliament. The new populism in Spain, 1989–2013*. Madrid, Spain: Pasado y Presente, 2013, 396 p. (In Span.)
- Cordero G., Montero J.R. Against bipartism, towards dealignment? The 2014 European election in Spain. *South European society and politics*. 2015, N 20 (3), P. 357–379.
- Halla M., Wagner A.W., Zweimüller J. Immigration and voting for the far right. *Journal of the European economic association*. 2017, N 15 (6), P. 1341–1385. DOI: <https://doi:10.1093/jeea/jvx003>
- Huber R.A., Schimpf C.H. On the distinct effects of left-wing and right-wing populism on democratic quality. *Politics and governance*. 2017, N 5, P. 146–165.
- Gianolla C. Populism, a Thread and a Chance. between demagogic and participation. *Società Mutamento Politica*. 2017, N 8(15), P. 327–352. DOI: <https://doi.org/10.13128/SMP-20862>
- Golder M. Far right parties in Europe. *Annual review of political science*. 2016, N 19, P. 477–497. DOI: <https://doi:10.1146/annurev-polisci-042814-012441>.
- Ivaldi G., Lanzone M.E., Woods D. Varieties of populism across a left-right spectrum: the case of the front national, the Northern League, Podemos and Five Star Movement. *Swiss political science review*. 2017, N 23 (4), P. 354–376. DOI: <https://doi:10.1111/spsr.12278>
- Jagers J. Walgrave S. Populism as political communication style: an empirical study of political parties' discourse in Belgium. *European journal of political research*. 2007, N 46, P. 319–345. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00690.x>
- Katsambekis G. The populist surge in postdemocratic times: theoretical and political challenger. *The Political quarterly*. 2017, N 88(2), P. 202–210.

- Kharitonova O.G., Kudryashova I.V. Political regimes and regime changes in the foam of the populist wave. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 224–244. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.10> (In Russ.)
- Khenkin S.M. Catalan conflict yesterday and today. *Actual problems of Europe. The challenge of separatism*. Moscow: INION RAS, 2015, N 2, P. 200–213. (In Russ.)
- Knigge P. The ecological correlates of right-wing extremism in Western Europe. *European journal of political research*. 1998, N 34 (2), P. 249–279. DOI: <https://doi:10.1111/1475-6765.00407>
- Kis N. Anti-politics, populism and political psychology. *Comparative politics*. 2018, N 2, P. 83–92.
- Kurakina-Damir A.A. Changing the electoral landscape of Spain (2015–2019). *Ibero-American notebooks*. 2020, N 8 (2), P. 19–30. DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-19-30> (In Russ.)
- Makarenko B.I. Populism and political institutions: a comparative perspective. *Vestnik of public opinion*. 2017, N 1–2 (123), P. 8–23. (In Russ.)
- March L. *Radical left parties in contemporary Europe*. Abingdon: Routledge, 2011, 288 p.
- Marcos-Marne H. A tale of populism? The Determinants of voting for left-wing populist parties in Spain. *Political studies*. 2021, N 69(4), P. 1053–1071. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032321720950215>
- Mudde C. The populist Zeitgeist. *Government and opposition*. 2004, N 39, P. 541–563. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Mudde C. Rovira Kaltwasser C. Exclusionary vs. Inclusionary populism: comparing contemporary Europe and Latin America. *Government and opposition*. 2012, N 48 (2), P. 147–174.
- Mudde C. *The far right today*. Cambridge, UK: Polity press, 2019, 160 p.
- Norris P. Measuring populism worldwide. *Party politics*. 2020, N 26 (6), P. 697–717. DOI: <https://doi:10.1177/1354068820927686>
- Oskolkov P.V., Tevdoy-Burmuly A.I. European right-wing populism and nationalism: on the relationship of functionality. *Vestnik (Herald) of Perm university. Political science series*. 2018, N 3, P. 19–33. (In Russ.)
- Otjes S., Louwerse T. Populists in parliament: comparing left-wing and right-wing populism in the Netherlands.” *Political studies*. 2015, N 63 (1), P. 60–79. DOI: <https://doi:10.1111/1467-9248.12089>
- Pogorelskaya S.V. “Forever Yesterdays”: right-wing populism and right-wing radicalism in Western Europe. S.V. Pogorelskaya. *World economy and international relations*. 2004, N 3, P. 51–63.
- Polk J., Rovny J., Bakker R., Edwards E., Hooghe L., Jolly S., Koedam J., et al. Explaining the salience of anti-elitism and reducing political corruption for political parties in Europe with the 2014 Chapel Hill Expert Survey Data. *Research and politics*. 2017, N 4 (1), P. 1–9.
- Priester K. Wesensmerkmale des Populismus. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2012, N 5–6, P. 3–9.

- Rama J., Cordero G., Zagórski P. Three is a crowd? Podemos, Ciudadanos, and Vox: the end of bipartisanship in Spain. *Frontiers in political science*. 2021, 3:688130, 16 p. DOI: <https://doi:10.3389/fpos.2021.688130>
- Reif K. Schmitt H. Nine second-order national elections – a conceptual framework for the analysis of European election results. *European journal of political research*. 1980, N 8 (1), P. 3–44.
- Rodrik D. Populism and the economics of globalization. *Journal of international business policy*. 2018, N 1 (1–2), P. 12–33. DOI: <https://doi:10.3386/w23559>
- Rooduijn M., Van Kessel S., Froio C., Pirro A., De Lange S., Halikiopoulou D., Lewis P., Mudde C., Taggart P. The PopuList: An overview of populist, far right, far left and Eurosceptic parties in Europe. *The Populist*. 2020. Mode of access: <https://popu-list.org/about/> (accessed: 11.03.2022)
- Sartori G. *Party and party systems: A framework for analysis*. ECPR Press, 2005, 368 p.
- Schulte-Cloos J. Do European Parliament elections foster challenger parties' success on the national level? *European Union politics*. 2018, N 19 (3), P. 408–426.
- Sola J. Rendueles C. Podemos, the upheaval of Spanish politics and the challenge of populism. *Journal of contemporary European studies*. 2018, N 26 (1), P. 99–116.
- Kuznetsov A.V. (ed.). *The Trump Phenomenon*. Moscow: INION RAS, 2020. 642 p.
- Yakovlev P.P., Kurakina-Damir A.A. (eds). *Spain in the new national and international reality*. Moscow: ILA RAS, 2020, 225 p. (In Russ.)
- Turnbull-Dugarte S.J. Explaining the end of Spanish exceptionalism and electoral support for Vox. *Research and politics*. 2019, N 1–8, 8 p. DOI: <https://doi:10.1080/2474736X.2020.1781543>
- Vampa D. Competing forms of populism and territorial politics: the cases of Vox and Podemos in Spain. *Journal of contemporary European studies*. 2020, N 28 (3), P. 304–321. DOI: <https://doi:10.1080/14782804.2020.1727866>
- Weinstein G.I. European Populism at the End of the 2010 s. *World Economy and International Relations*. 2018, Vol. 62, N 3, P. 29–38. (In Russ.)
- Zarzalejos J. Populism in Spain: an analysis of Podemos. *European view*. 2016, N 15(2), P. 183–191. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12290-016-0408-4>

Литература на русском языке

- Баранов Н.А.* Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 25–36.
- Вайнштейн Г.И.* Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 3. – С. 29–38.
- Гуселетов Б.П.* Трансформация партийно-политической системы в странах Евросоюза в посткризисный период (итоги) // Современная Европа. 2017. – № 3. – С. 154–156.

- Испания в новой национальной и международной реальности / отв. ред. Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А. – М.: ИЛА РАН, 2020. – 225 с.
- Куракина-Дамир А.А. Изменение электорального ландшафта Испании (2015–2019 гг.) // Иberoамериканские тетради. – 2020. – № 8 (2). – С. 19–30. – DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-19-30>
- Макаренко Б.И. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива // Вестник общественного мнения. – 2017. – № 1–2 (123). – С. 8–23.
- Медушевский А.Н. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия // Полития. – 2018. – № 3. – С. 113–139.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – 2018. – № 3. – С. 19–33.
- Осколков П.В. Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и тенденции развития : дис. ... канд. пол. наук. – М., 2019. – 206 с.
- Погорельская С.В. «Вечно вчеращние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 3. – С. 51–63.
- Феномен Трампа: монография / под ред. А.В. Кузнецова. – М.: РАН. ИНИОН, 2020. – 642 с.
- Харитонова О.Г., Кудряшова И.В. Политические режимы и режимные изменения в пene популистской волны // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 224–244. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>
- Хенкин С.М. Испания: проблемы консолидированной демократии в историческом контексте // Сравнительная политика. – 2018. – № 9 (1). – С. 124–135.
- Хенкин С.М. Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 2. – С. 200–213.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

И.А.СУМАНЕЕВ*

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ (Рецензия)

**Рецензия на сборник: Ambrosetti E.T., De Maio G. (eds).
Authoritarianism and COVID-19: economies, societies,
international competition. – ISPI Dossier, Milano, 2021. – 36 p.**

Для цитирования: Суманеев И.А. Пандемия коронавируса и политические режимы (Рецензия) // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 251–259. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.12>

С самого начала пандемии COVID-19 было видно, что разные страны по-разному справляются не только непосредственно с коронавирусом, но и с его экономическими, социальными и политическими последствиями. Интуиция подсказывает, что страны с недемократическими политическими режимами должны были дать более оперативный и эффективный ответ на эту угрозу в силу: а) более быстрого процесса принятия решений, не требующего согласований и одобрения населения, и б) возможности ограничи-

* Суманеев Иван Андреевич, аспирант факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: isumaneev@eu.spb.ru

вать права и свободы граждан в куда большей степени, чем это могут себе позволить демократические режимы.

Но так ли это на самом деле? Действительно ли авторитарные режимы справляются с коронавирусом быстрее и успешнее, чем демократии? Происходит ли это в силу разницы в механизмах (не)подотчетности власти, или существуют какие-то другие объяснения? Как пандемия в целом повлияла на авторитаризм по всему миру? Этими вопросами задаются авторы досье, созданного под эгидой Итальянского института международных и политических исследований (Italian Institute for International Political Studies). Редакторы досье – Элеонора Амбросетти, исследовательница Центра России, Кавказа и Центральной Азии в этом институте, и Джованни Де Майо, научный сотрудник Университета Джорджа Вашингтона.

Досье включает в себя десять статей, отражающих как географическое разнообразие авторитарных режимов, так и отдельные темы, вроде ответа на экономическую рецессию, вызванную коронавирусом, политику в цифровой сфере или появившуюся совсем недавно проблему «вакцинной дипломатии».

Марлен Ларюэль ставит под сомнение саму постановку вопроса о том, кто лучше справляется с пандемией и ее последствиями. В самом деле, считается, что авторитарный Китай сравнительно хорошо справился с пандемией, но сам вирус возник именно в этой стране с ее чудовищной нагрузкой на окружающую среду, высокой плотностью населения и репрессиями против тех, кто хотел рассказать миру о смертельном вирусе.

Даже в демократических государствах распространение коронавируса заставило население и власти задуматься о соотношении свободы и безопасности, что в свою очередь требует повышения уровня грамотности среди граждан, чтобы они могли принимать информированные решения. Пандемия, подытоживает Ларюэль, подтверждает неустойчивость модели чрезмерного потребления. Эксплуатация окружающей среды и подверженные уязвимости глобальных производственных цепочек вызывают сомнения в жизнеспособности либеральной модели развития. Ларюэль полагает, что следует задаться вопросом, насколько нелиберальной может стать такая модель, если ей не удастся обеспечить долгосрочное и стабильное развитие.

По словам Марины Шевцовой, которая опирается на отчет Freedom House, демократические свободы и права человека во время пандемии пострадали более чем в 80 странах. Авторитарные страны не упустили случая усилить запреты и еще сильнее ограничить свободу слова, собраний и передвижений. Шевцова сосредотачивается на трех странах: России, Беларуси и Турции. Во всех этих странах наблюдался выборочный характер ограничений: книжный фестиваль или военный парад на Красной площади были разрешены, а протесты (и даже одиночные пикеты) запрещались. И хотя весной 2021 г. антиковидные ограничения в России ослабили, они все еще остаются основанием для репрессий против политических активистов¹.

В Беларуси президент Лукашенко долгое время отрицал серьезность ситуации с коронавирусом. Впрочем, впоследствии он, с одной стороны, заявил о том, что в стране коронавирус побежден, а с другой – использовал антиковидные ограничения для сокращения допуска наблюдателей на президентские выборы. Такое отношение к пандемии стало стимулом для сотен врачей выйти на митинги против подтасованных результатов президентских выборов. Однако это привело к еще большему ухудшению ситуации в сфере здравоохранения, поскольку множество медицинских работников были уволены по политическим причинам, подверглись арестам, штрафам и административным наказаниям.

Президент Турции Эрдоган также использовал пандемию для ограничения деятельности оппозиции, негосударственных организаций (НГО) и политических активистов. Например, по закону от декабря 2020 г., министерство внутренних дел после инспекции НГО могло закрыть саму организацию и оштрафовать ее участников. Выход из Стамбульской конвенции по борьбе с домашним насилием вылился в демонстрации 8 марта, после которых 18 активисток (среди которых была 17-летняя девушка) стали фигурантками уголовных дел об оскорблении президента страны.

Тимеа Дриноши и Агнешка Бен-Касала анализируют, как в Венгрии и Польше «обычные» меры, основанные на законах и ре-

¹ Бородихин А. Как устроено «санитарное дело» // «Медиазона»*. – 2021. – 7 июля. – Режим доступа: <https://zona.media/theme/sanitarnoe> (дата посещения: 09.11.2021.)

* Внесен в список СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

шениях Конституционного суда, во время пандемии могут нанести даже больший ущерб, чем меры чрезвычайные.

В 2020 г. правительство Венгрии, используя пандемию как предлог, изъяло собственность у местных органов власти, управляемых главным образом оппозицией. Кроме того, был значительно увеличен срок ответа государственных органов на запросы о предоставлении общественной информации. Нелиберальные практики, распространенные в Венгрии и до пандемии, только укрепились. Так, правительство отказалось ратифицировать Стамбульскую конвенцию, ввело запрет на изменение приписанного при рождении пола, фактически запретило усыновление для ЛГБТ и приняло венгерский вариант закона «о запрете пропаганды нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних». В дополнение ко всему проводимая во время пандемии приватизация государственных университетов открыла возможности для коррупции и ослабила контроль за тратой бюджетных средств.

В Польше правительство под прикрытием антиковидных мер ограничило свободу собраний, что облегчило возможность проведения манипуляций на президентских выборах. Власти Польши двинулись по пути Венгрии: развернули кампанию за выход из Стамбульской конвенции (по не совсем ясным причинам авторитарные государства воспринимают ее в качестве жупела), начали продвижение Женевской декларации по развитию женского здоровья и укреплению семьи, в которой призываются к запрету абортов и так далее. В более широком смысле в Польше, как и в Венгрии, произошел дальнейший отход от верховенства права, ослабление судебных институтов и злоупотребление чрезвычайными мерами.

Фред Ибоко из Института устойчивого развития демонстрирует разницу в антиковидных мерах на примере Руанды, президент которой пришел к власти в 1994 г. после страшного геноцида, и Сенегала, президент которого был избран в 2012 г. на свободных демократических выборах. В этих двух странах после всплеска заболеваний был введен комендантский час, и, разумеется, в обоих случаях появились нарушители. Однако если в Сенегале все ограничилось незначительными столкновениями полиции и нарушителей, то в Руанде были убиты по меньшей мере трое человек, при этом один – забит полицейскими до смерти. Более того, в то время как с ограничительными мерами Руанда справилась более-менее успешно (если не считать смертей граждан от полицейского наси-

лия, конечно), проблема вакцинации стоит крайне остро: в стране на июнь 2021 г. было привито менее 3% жителей.

Ибоко отдельно отмечает опасности авторитаризма, при котором религиозные убеждения лидера оказывают влияние на политический курс. Например, президент Бурунди Пьер Нкурунзиза призывал в своих указах бороться с болезнью с помощью молитв, а президент Танзании Джон Магуфули провозгласил «конец ковида» незадолго до резкого скачка заражений в ходе первой волны. Мрачной иронией является то, что оба лидера, по некоторым данным, скончались от осложнений, вызванных коронавирусной инфекцией.

Марсин Альшамари из Бруклинского института затрагивает важнейшую тему общественного доверия властям в контексте борьбы с пандемией. Именно доверие правительству играет важнейшую роль в том, как исполняются населением наложенные властями ограничительные меры: локдауны, ношение масок, социальная дистанция, то, насколько быстро идет вакцинация¹. Вместе с тем в случае отсутствия доверия со стороны общества важную роль может сыграть роль религиозных лидеров. В некоторых странах (Индия, Южная Корея, Ирак и т.д.) религиозные собрания не были ограничены даже в ходе массовых вспышек коронавируса. Однако в том же Ираке, где доверие официальным институтам чрезвычайно низкое, значимую роль сыграли действия религиозных лидеров, один из которых вакцинировался на камеру, а другой призывал свою паству соблюдать ограничения и доверять врачам. В последнем случае особую эффективность призыву придала иерархическая структура шиитских организаций, которые возглавлял этот лидер.

По словам Самуэле Доминиони, пандемия подстегнула соперничество между демократиями и автократиями за наиболее эффективные решения проблем, причем это вылилось в еще более острую конкуренцию на технологическом уровне. Он уделяет особое внимание конфликтам из-за инноваций между США и Китаем: первые запретили продавать второму детали для суперкомпьютеров, а второй не признает западные вакцины. Это, согласно Доминioni, является продолжением противостояния великих держав, о

¹ Kleinfeld R. Do Authoritarian or Democratic Countries Handle Pandemics Better? // Carnegie Endowment. – 2020. – 31 March. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2020/03/31/do-authoritarian-or-democratic-countries-handle-pandemics-better-pub-81404> (дата посещения: 09.11.2021).

котором писал Пол Кеннеди [Kennedy, 1988]. Какова судьба демократий в этом противостоянии? Авторитарные режимы, по мнению автора, эффективно справляются с вызовами пандемии, однако в долгосрочной перспективе их развитие менее устойчиво, чем у демократий с их инклузивными институтами [Acemoglu Robinson, 2013].

Дэвид Доллар из Брукингского института обращает внимание на одно из важнейших последствий пандемии – нанесенный ею экономический ущерб. ВВП всех стран «Большой двадцатки», кроме Китая, упал в 2020 г. Две крупнейшие экономические державы современности использовали разные стратегии стимулирования экономики. Китай предоставил прямые кредиты корпоративному сектору для поддержки производства, а США, используя правительственные займы, раздавали деньги домохозяйствам для стимулирования спроса. В целом такая разница в сценариях борьбы с экономическими последствиями ковида характерна для всех авторитарных и демократических стран. Первые старались помочь корпоративному сектору, а вторые – поддерживать частных лиц и бороться с безработицей. Причем займы активно размещали не только страны с хорошим кредитным рейтингом, вроде Японии, Канады и США, но и, скажем, Индия и ЮАР.

Вследствие таких разных подходов изменились торговые балансы государств. В Китае, где госбанки давали ссуды госпредприятиям, положительный внешнеторговый баланс удвоился (в процентах), а в большинстве демократических стран уменьшился, поскольку люди поддерживали высокий уровень потребления, стимулируемый государственными субсидиями. Уже через несколько лет баланс должен вернуться к доковидному соотношению, однако это не отменяет возможные долгосрочные последствия. В случае Китая ухудшение соотношения долга к ВВП может быть приемлемым, если инфраструктурные проекты, на которые потрачены деньги, принесут отдачу в долгосрочной перспективе. На долгосрочную перспективу рассчитаны и инвестиции США, где президент Байден предложил потратить дополнительные 4 трлн долларов не только на инфраструктуру, но и на человеческий капитал (социальные службы, образование, уход за детьми и т.д.).

Дэнис Цензуза рассказывает о различиях «вакцинной дипломатии» на примере Китая и России. Оба авторитарных режима используют поставки вакцин от коронавируса в качестве мягкой силы, апеллируя к гуманитарной стороне дела – помочи в борьбе с

пандемией. Три китайских вакцины («Синофарм», «Синовак» и «Кансино») поставляются примерно в 70 стран, в то время как российский «Спутник V» – только в 35. Причем среди этих стран нет некоторых соседей России, вроде Украины или Грузии, которые как раз предпочли китайскую вакцину. Российская вакцина вызывает недоверие не только с точки зрения ее производства, но и с точки зрения исполнения контрактов: к маю 2021 г. Россия полностью поставила «Спутник V» только в Венгрию.

Несмотря на некоторое сходство политической риторики, вакцинная дипломатия Китая выглядит успешнее российской. «Синофарм» и «Синовак» признаны Всемирной организацией здравоохранения в качестве эффективных и безопасных вакцин еще в первой половине 2021 г., в то время как в отношении «Спутника V» эта процедура еще не завершена, хотя неофициальные оценки научных сотрудников ВОЗ весьма высокие¹. Впрочем, даже тот факт, что вакцина на данный момент не признана ВОЗ, не помешал Российскому фонду прямых инвестиций, который занимается продвижением «Спутника», подписать контракт с ЮНИСЕФ на поставку 220 миллионов доз. При этом демократические режимы также не чужды вакцинной дипломатии, однако до настоящего периода ее использование было ограниченным. Вместе с тем Ценуза предполагает, что с достижением коллективного иммунитета на Западе использование поставок вакцин в качестве политического влияния станет более частым явлением.

Россия и Китай сравниваются и в последней статье сборника – о регулировании Интернета. Элеонора Амбросетти и Джулиа Скорратти отмечают, что Россия берет пример с Китая в деле создания жесткого законодательства о деятельности в Интернете, а последний, в свою очередь, активно присматривается к российским законам об НКО. При этом в Китае во время эпидемии коронавируса контроль за Интернетом только усилился: ужесточение запрета на VPN-сервисы, удаление контента и аккаунтов, локальное отключение – все это стало нормой.

Более важным, впрочем, является тот факт, что Китай вместе с Россией является важным игроком, критикующим современное

¹ Кондратьева В. В ВОЗ назвали «Спутник V» очень хорошей вакциной // Лента. ру. 2021. – 12 октября. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2021/10/12/very_good/ (дата посещения: 09.11.2021).

состояние сферы управления Интернетом (Internet Governance). В частности, страны выступают против того, чтобы IP-адреса распределялись частной организацией, а также выступают против доминирования развитых индустриальных стран в сфере IG. Россия и Китай считают, что необходимо установить централизованное управление Интернетом на базе ООН и Международного союза электросвязи (ITU). Москва и Пекин используют в качестве площадки для продвижения и внедрения своих идей Шанхайскую организацию сотрудничества, что по мнению автора ставит вопрос о том, как сохранить Интернет более свободным и независимым от правительства.

Сборник под редакцией Амбросетти и Де Майо дает хорошую возможность для того, чтобы начать знакомство с тем, как на пандемию коронавируса реагируют государства с разными политическими режимами. В этом деле помогает масса дополнительных документов – от научных статей до аналитических сборников и публикаций в СМИ, – доступных по гиперссылкам в тексте (справедливости ради, некоторые из них не открываются). Статьи сборника затрагивают широкий спектр тем: от относительно классических для социальных наук, вроде реакции правительства на экономический кризис или изучения уровня доверия граждан общественным институтам, до исследования феноменов, возникновение которых обусловлено непосредственно коронавирусом, – например, «вакцинной дипломатии» России и Китая. В этом смысле авторам удалось соблюсти необходимый баланс между современными трендами и укорененностью в традициях политической и экономической науки. Равновесие соблюдено и в части географического охвата: хотя США, Китаю и России удалено достаточно много места, в сборнике представлены материалы по африканским странам, Ираку, Венгрии, Польше и так далее.

Самая главная претензия к сборнику состоит в том, что на заявленный во введении вопрос «Какие режимы эффективнее справляются с коронавирусом?» ясного и определенного ответа нет. Конечно, трудно ожидать его при заданном формате текста – всего несколько страниц на автора, – однако в каждой статье хотелось бы видеть плюсы и минусы подходов, предлагаемых демократиями и авторитариями (в этом смысле близкими к идеалу видаются статьи Дэвида Доллара об экономических последствиях

пандемии и Фреда Ибоко о борьбе с пандемией в демократических и авторитарных странах Африки).

Попадание в сборник некоторых статей – в частности, о политике России и Китая в области управления Интернетом, – вызывает недоумение: связь с заявленной темой сборника здесь практически отсутствует. Между тем изучаемый в статье вопрос представляет особенный интерес, осветить его в крайне ограниченном объеме едва ли возможно. Некоторые другие статьи, например, текст Марлен Ларюэль, грешат нормативностью. Автор пренебрегает эмпирическим анализом происходящего, что, на мой взгляд, больше соответствовало бы общему духу сборника. Разумеется, понимать, как выглядит большая картина, необходимо, однако в данном случае обобщения видятся чрезвычайно широкими и, что хуже, тривиальными.

Тем не менее я бы рекомендовал этот сборник для всех, кто интересуется политическими, экономическими и международными последствиями пандемии. Нет сомнений, что релевантную своей сфере исследований информацию здесь найдут все социальные ученые – от политологов до экономистов.

I.A. Sumaneev*
Authoritarianism and Covid-19:
Economies, Societies, International Competition
(Review)

For citation: Sumaneev I.A. Authoritarianism and Covid-19: Economies, Societies, International Competition (Review). *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 251–259. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.12>

References

- Acemoglu D, Robinson J. *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown publishers, 2013, 544 p.
- Ambrosetti E.T., De Maio G. (eds). *Authoritarianism and Covid-19: Economies, societies, international competition*. ISPI Dossier, Milano, 2021, 36 p.
- Kennedy P. *The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000*. Hyman: London, Sydney, Wellington, 1988, 704 p.

* **Sumaneev Ivan**, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), e-mail: isumaneev@eu.spb.ru

ДИСКУССИИ

О.В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА,
Л.В. СМОРГУНОВ, Л.Н. ТИМОФЕЕВА*

РОССИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ЦЕННОСТИ, ИНСТИТУТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ: ИТОГИ IX ВСЕРОССИЙСКОГО КОНГРЕССА ПОЛИТОЛОГОВ, МОСКВА, 16–18 ДЕКАБРЯ 2021 Г.

Аннотация. В статье представлены основные итоги IX Всероссийского конгресса политологов, прошедшего в Москве 16–18 декабря 2021 г. под эгидой Российской ассоциации политической науки, приуроченного к завершению юбилейного 65 года с момента основания РАПН. Крупнейшее политологическое ме-

* Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, президент, Российская ассоциация политической науки (Москва, Россия); член Общественной палаты РФ (Москва, Россия); заведующая кафедрой сравнительной политологии, МГИМО МИД России (Москва, Россия); профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: ogaman@mail.ru; Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, председатель Научного совета, вице-президент, Российская ассоциация политической науки (Москва, Россия), заведующий кафедрой политического управления факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: l.smorgunov@spbu.ru; Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, председатель Правления, вице-президент, Российская ассоциация политической науки (Москва, Россия); профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

роприятие в России проходило в смешанном (очно-дистанционном) формате, что позволило нивелировать негативные последствия в условиях пандемийных ограничений и обеспечить масштаб представительства и качество работы дискуссионных площадок. Анализ хода и результатов Конгресса продемонстрировал возрастание роли политической науки в процессе формирования нового политического порядка в современном мире, включая характеристики политических режимов, принципов управления, технологий и механизмов, а также качество акторов публичной политики, средств и методов решения политических задач, внутренней структуры политических взаимодействий. В статье рассмотрены возможности политической науки формировать политический мир, откликаясь на его проблемы и вызовы.

Ключевые слова: Всероссийский конгресс политологов; Российская ассоциация политической науки; Россия; политический порядок; научные мероприятия; научная дипломатия.

Для цитирования: Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: итоги IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 г. // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 260–271. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.13>

16–18 декабря 2021 г. на базе двух ведущих вузов Москвы – МГИМО МИД РФ и Финансового университета при Правительстве РФ – состоялся IX Всероссийский конгресс политологов «Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы», приуроченный к юбилейному 65 году с момента основания организации. Конгресс организован Российской ассоциацией политической науки (РАПН) – старейшей профессиональной организацией российских политологов (создана в 1955 г.), которая объединяет около 1000 специалистов, имеет 65 региональных отделений и является единственным международно-признанным объединением российских политологов, представляющим их в профильных международных структурах (с 1955 г. РАПН входит в Международную ассоциацию политической науки (МАПН) и другие профессиональные сообщества).

В работе конгресса приняли участие более 920 ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области политической науки, представляющих десятки университетов и исследовательских центров более 50 российских регионов и 48 зарубежных учебных из 32 стран. В мероприятии участвовали 19 членов Общественной палаты РФ и регионов РФ.

В работе Конгресса РАПН принимали участие ученые США, Великобритании, Канады, Бельгии, Германии, Ирландии, Китая, Чехии, Болгарии, Италии, Норвегии, Польши, Черногории, Аргентины, Беларуси, Армении, Литвы, Казахстана, Грузии, Киргизии и других стран, а также руководители Международной ассоциации политической науки, Европейского консорциума политических исследований и других профильных международных организаций. Среди известных гостей – президент Международной ассоциации политической науки Д. Пиндерхьюз (США), председатель исполнкома Европейского консорциума политических исследований Д. Фаррелл (Ирландия), профессора Дж. Най, Т. Грэм (США), Р. Саква (Великобритания), В. Рихтер (Германия), С. Лодгаард (Норвегия), А. Жуковски (Польша) и многие другие.

Программа Конгресса включала три пленарных заседания (два в МГИМО МИД РФ и одно в Финансовом университете при Правительстве РФ), 120 заседаний секций по основной теме Конгресса, по основным направлениям политической науки, заседаний исследовательских комитетов, специальных тематических заседаний и круглых столов. Традиционно в рамках Конгресса прошла работа VI Всероссийского форума молодых политологов «Молодежь и мир политики: границы возможного», который собрал 300 молодых ученых из разных уголков России (см. подробнее: [Алексеев, Копылова, Помигуев, 2022]).

Данный конгресс РАПН – не первый, организованный в сложное и порой драматическое время. Но именно Конгресс 2021 г. можно считать особенным в том отношении, что его участники не просто стремились зафиксировать ситуацию, выработать новый взгляд или предложить конкретные решения для ряда сложных проблем – его работа пришлась *de facto* на начало переломной эпохи, когда обострились кардинальные противостояния и экзистенциальные вызовы. Форум проходил в сложных условиях пандемии, экономических кризисов, экологических катаклизмов и политической неустойчивости в мире, когда на первый план выходят базовые ценности человеческого существования, связанные со стремлением к полноценной жизни и реализации смысложизненных интенций, способностей. Одновременно это время отмечено несогласованностью перспектив постгуманизма и трансгуманизма, разрушением основ устойчивого институционального порядка политических режимов и международных отношений, вплоть до военной угрозы, противоре-

чий политики цифровизации и т.д. В связи с этим основной задачей конгресса РАПН являлось вдумчивое рассмотрение текущей ситуации с учетом необходимости формирования эффективной публичной дипломатической конструкции научного, гражданского и политического дискурсов. В подобной ситуации востребованы профессиональные компетенции политологов, специалистов по урегулированию внутренних и международных конфликтов и кризисов; диалог в профессиональной среде для нахождения общего знаменателя в целях достижения национального и международного согласия; эффективное участие ученых в организации диалога внутри страны и ведение диалога с зарубежным научным сообществом с целью продвижения адекватной информации о России и ее политике, создания ее позитивного имиджа за рубежом.

В первый день, 16 декабря, прошли два пленарных заседания. Открывая Конгресс, Президент РАПН, член Общественной палаты РФ, Общественной палаты Москвы и Общественного совета при Минобрнауки РФ, зав.кафедрой МГИМО МИД России и профессор НИУ ВШЭ, член-корреспондент РАН, доктор политических наук О.В. Гаман-Голутвина поздравила участников форума с 65-летием Российской ассоциации политической науки. Она отметила, что за время существования РАПН произошло много событий тектонического значения и глубины. Ассоциация призвана способствовать осмыслению этих событий в широком мирополитическом контексте развития политической науки в России. За это время РАПН обрела новое качество и стала лидером в профессиональном поле, задающим стандарты в образовании, науке и издательской деятельности.

В своем докладе ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН А.В. Торкунов отметил, что повестка Конгресса включает обсуждение значимых вопросов и ценностей, которые играют существенную роль в современной политике. Он подчеркнул актуальность содержательного диалога по ценностной повестке. Задачей российских политологов является деконструкция разрушительных смысловых концептов и, в свою очередь, формирование новых смыслов, связанных с развитием российской культуры и духовно-нравственных ценностей.

Заместитель председателя Совета Федерации, сенатор К.И. Косяев подчеркнул то значение, которое в современной политике приобретают ценности, определяющие реидеологизацию полити-

ческих процессов. Коллективный Запад, следуя «хорошо забытой» логике классовой борьбы, продвигает политический порядок, противоречащий национальным ценностям многих сообществ мира. В докладе отмечалось, что за борьбой ценностных порядков просматривается геополитическое противостояние интересов.

Депутат Государственной думы А.К. Пушкин в своем докладе обратил внимание на вызовы, с которыми сталкивается современный миропорядок, что в настоящее время предстает объектом все более обостряющейся борьбы интересов. США пытаются формировать миропорядок, основанный на «правилах», а не международном праве, и нередко – в противовес ему. В докладе отмечалось, что это ведет к возникновению параллельного, а не реального права. Параллелизм присутствует и в современной политике исторической памяти: возникает альтернативная система нравственности.

Специальный представитель Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, директор департамента МИД РФ, доктор исторических наук, профессор А.В. Крутских представил доклад о современном состоянии исследований и практической политики в области информационной безопасности. Он констатировал интенсивность войны в киберпространстве, которую обоснованно можно назвать «третьей мировой войной».

Смысловым стержнем выступления генерального директора и председателя правления киноконцерна «Мосфильм» К.Г. Шахназарова стала интерпретация того факта, что политика является не только наукой, но и искусством. Отсюда акцент на востребованности в политике широкого духовного контекста и необходимости интеграции в политологию высоких достижений литературы, живописи, театра, кинематографа и других форм духовного производства.

Председатель Общественной палаты Москвы, главный редактор «Независимой газеты», кандидат экономических наук К.В. Ремчуков обратил внимание участников Конгресса на запрос средств массовой информации на профессиональный политологический анализ. Он отметил изменчивый характер современной политики и подчеркнул, что культурный капитал нации выступает источником ценностей, формирует характер социальных институтов и определяет радиус доверия.

На пленарном заседании в МГИМО МИД РФ выступили также руководитель Международного центра «Благотворительность в истории» Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук А.В. Громова, декан факультета управления и политики МГИМО МИД РФ, член Общественной палаты РФ, доктор политических наук Г.Т. Сардарян, председатель правления Белорусского общества «Знание», кандидат исторических наук В.Ф. Гигин, научный сотрудник Германского фонда науки и политики В. Рихтер.

Второе пленарное заседание открылось докладом Р. Саквы, профессора Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания), доктора политических наук. Он сделал акцент в своем докладе на трех сюжетах: эпидемии и ее влиянии на политику, тенденциях деглобализации и трансформации современных политических систем. Декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор А.Ю. Мельвиль посвятил свой доклад проблемам и перспективам развития политической науки, охарактеризовав основные вызовы и подчеркнув, что современная политическая наука находится в состоянии поиска обновления, в том числе обусловленного уходом крупных парадигм (бихевиоризм, институционализм, рациональный выбор и др.).

На пленарном заседании также были представлены доклады президента Ассоциации политических исследований Республики Казахстан, профессора кафедры политологии и политических технологий Казахстанского национального университета, доктора политических наук Э.К. Алиярова; директора Института Европы РАН, члена-корреспондента РАН, профессора А.А. Громыко; академика РАН, доктора исторических наук профессора А.Г. Арбатова; президента Польской ассоциации политической науки А. Жуковски; научного руководителя Института США и Канады РАН, академика РАН, доктора исторических наук профессора С.М. Рогова; директора центра НИУ ВШЭ, академика РАН, доктора исторических наук профессора А.А. Кокошина.

Дж. Най, профессор школы управления им. Кеннеди Гарвардского университета (США), выступил с темой, посвященной концепции «мягкая сила» в международных отношениях, подчеркнув, что в отличие от политики «заставлять» или «оплачивать», политика мягкой силы означает «привлекать».

17 декабря, во второй день Конгресса, проходило пленарное заседание в Финансовом университете при Правительстве РФ. Оно было посвящено вопросам внутренней политики и экономического развития. Открыл заседание доклад В.А. Фадеева, советника Президента РФ и председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Он обратил внимание на кризис европейской цивилизации, который сопровождается стиранием границ между ценностями, исчезновением солидарности общества, потерей стратегических функций государства. Член дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, академик РАН, доктор экономических наук профессор Н.И. Иванова затронула проблему кризиса проекта Просвещения и необходимости более эффективного развития науки и технологий. Генеральный директор ВЦИОМ, научный руководитель Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат политических наук В.В. Федоров представил доклад «Россия и мир 2021: вызовы, цели, ценности», подчеркнув необходимость эмпирических исследований и анализа новых феноменов политики.

Руководитель Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат политических наук профессор К.В. Симонов обратил внимание на критику «надзорного капитализма» и указал на два центральных момента: роль государства в новом цифровом мире и влияние цифровизации на человека. Профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор исторических и политических наук Я.А. Пляис в своем выступлении говорил о роли политологии в системе научного знания, о фундаментализме социальных и гуманитарных наук в сложном обществе, о новых тенденциях в развитии политологического образования.

С докладами также выступили: профессор Свободного университета Берлина (Германия), доктор политических наук Е.С. Семенова; директор Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Казахстана доктор социологических наук профессор С.Т. Сейдуманов; профессор факультета свободных искусств Карлова университета в Праге и Института глобальной истории (Чехия), доктор политических наук Л. Земанек; депутат Государственной думы О.А. Матвейчев; директор ИНИОН РАН, член-корреспондент РАН профессор А.В. Кузнецов; профессор университета «Мемориал» (Канада),

доктор экономических наук А.Н. Олейник; научный сотрудник Карлтонского университета (Канада), доктор политических наук Е.А. Чебанкова.

В целом на пленарных заседаниях подчеркивалось, что на политологии и политологах лежит ответственность за поиск ответов на сложносочиненные вызовы времени. Рефреном в продолжение пленарных заседаний звучала мысль о том, что конфронтация, наблюдаемая в политике, к счастью, не распространяется на политическую науку. Об этом свидетельствовали выступления известных западных политологов. Поэтому вполне уместно констатировать востребованность научной дипломатии как инструмента сглаживания противоречий в сложившихся условиях опасного противостояния.

Заседания секций проходили 17 и 18 декабря, в основном в дистанционном режиме. *Основная тема конгресса раскрывалась на 31 заседании, на которых рассматривались различные аспекты политической науки.* На первом заседании по основной теме Конгресса контекст дискуссий был определен преимущественно тематикой методологического характера. В частности, был сделан акцент на проблемных вопросах совместимости сетевого, синергетического и системного подходов, а также теоретического и концептуального обоснования институциональных исследований.

Заседание секции «Пандемия и политика» фокусировалось на рассмотрении реакции государств на пандемию COVID-19. Доклады данной секции объединил поиск ответа на вопрос о том, какова эффективная стратегия государственной политики в кризисных условиях, как реализуется политический курс, как соотносятся контрольные и защитные функции государств в эпоху коронавируса. Обозначены общие политические меры, характерные для всех государств: в области здравоохранения, образования, рынка труда и т.п. Методически все доклады были построены в духе анализа политических курсов с объемным использованием дескриптивной статистики, правовых актов и опыта их реализации.

Заседания по *основным направлениям политической науки* (30 заседаний) были посвящены различным аспектам развития политологических исследований. На мероприятии проходила работа 22 исследовательских комитетов РАПН, а также 8 специальных тематических заседаний и круглых столов.

Отдельно следует отметить заседание, проведенное Президиумом Академии политической науки по теме «Тезаурус полити-

ческой науки и современная политика», а также секцию «Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость», посвященную концептуальным аспектам анализа процессов цифровой трансформации государственного управления. В докладах поднимались темы процедурной справедливости, рекурсивного управления, рефлексивной координации, сетевизации политики и другие. Подводя итоги заседания, участники сделали выводы о перспективности исследования процессов цифровизации, важности учета новых концептуальных подходов при проведении исследований цифровой трансформации, а также значимости междисциплинарных связей для изучения цифрового публичного управления.

В рамках Конгресса состоялись лекции зарубежных политологов: Ричарда Саквы (Великобритания) и Лоуренса Корба (США).

Традиционно на Конгрессе были вручены медали им. Г.Х. Шахназарова «За вклад в становление и развитие политической науки и ассоциации политической науки в России». В 2021 г. награды получили профессор Кубанского государственного университета Е.В. Морозова, профессор, политический директор журнала «Полис. Политические исследования» И.К. Пантин, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, президент Академии политической науки О.Ф. Шабров.

По итогам Конгресса можно выделить ряд факторов и условий, действующих сегодня на политику в целом, на ее отдельные составляющие, на политические режимы, принципы управления, а также на политические технологии и механизмы, способности акторов публичной политики, средства и методы решения политических задач, внутреннюю структуру политических взаимодействий. К ним можно отнести следующие факторы, условия и контекстуальные характеристики:

- усиление сложности окружающей среды, определяемое процессами интенсивной коммуникации, глобализацией, ростом пограничных структур и неопределенности, открытостью пространств взаимодействия, лавиной технологических и социальных инноваций;
- разнообразие и увеличение числа участников выработки и реализации политики на всех ее уровнях и в разных ее сферах;
- повышение значения субъективных (когнитивных, информационных, психологических, моральных) факторов в общественном развитии и в политике в целом;

- динамичное соотношение виртуальных и реальных факторов и процессов современного общественного развития и политики;
- устойчивое недоверие к формальным политическим институтам и практикам, политикам и государственным служащим, порождающее феномен спорной политики (*contentious politics*) и потребность у граждан быть причастными к разработке и реализации публичной политики;
- развитие социального капитала общества, трансформирующего традиционное представление о гражданстве в направлении более широкой мотивации включения в процессы публичной сферы;
- расширение технологической базы возможного политического участия, определяемой современными информационно-коммуникационными средствами и техникой;
- неспособность государства в одиночку справиться с проблемами достижения публичных благ и предоставлением публичных услуг, что приводит к увеличению доли частного и гражданского участия, развитию системы государственно-частного партнерства;
- инклюзивный характер современного экономического и общественного развития, предполагающий формирование и использование институтов участия в качестве фактора развития.

Важное значение имеет также осмысление международных политических вызовов мировой и национальной политики, составляющих пространство изучения современной политической теории. По итогам конгресса можно говорить о следующих основных выводах:

- международные отношения в постглобальном мире стали более напряженными и подверженными локальным взрывам и мировым сбоям; в этом отношении на передний план выходят вопросы поддержания подвижного баланса сил и интересов, в первую очередь за счет новых механизмов оппонирования и сотрудничества;
- требует своего ответа рост вооружений и угрозы военных конфликтов, и здесь важным концептом и понятием реальной политики выступает система неделимой безопасности, в рамках которой никто не имеет эксклюзивных прав и каких-либо исключительных привилегий;
- отмечается перемещение в современном мире центров силы – экономических, политических, технологических, культурных; императивом сегодня выступает не концентрация определенных сил на каком-либо отдельном полюсе, а их естественное распределение, учитывая многообразие возможных конкурентных позиций

отдельных стран и регионов по отдельным силовым пространствам взаимодействия;

• миграционные процессы сигнализируют о вызовах, связанных со справедливостью в условиях (и образе) жизни и развития; здесь и борьба с бедностью, и поддержание баланса распределения условий развития становятся главным фактором обеспечения благоприятной жизни на планете;

• экология поставила вопрос о пределах развития антропоцена и движения с целью поиска природы, способной обеспечить устойчивое физическое существование человека на земле; речь, конечно, не идет об остановке технического и социально-экономического развития; речь идет о поиске новых парадигм существования природы и культуры; не постгуманизм или трансгуманизм, а, возможно, что-то вроде ноосферы, когда знание не противостоит планете Земля.

Работа Конгресса продемонстрировала возрастание роли политической науки в процессе формирования нового политического порядка современного мира. На политической науке и политологах лежит особая ответственность не только за выработку нового представления о политическом мире, но и за формирование этого порядка путем современной научной дипломатии.

O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva*

Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects: results of the IX all-Russian congress of political scientists,
Moscow, December 16–18, 2021

Abstract. The article presents the main results of the IX All-Russian Congress of Political Scientists, held in Moscow on December 16–18, 2021 under the auspices of the Russian Political Science Association, timed to coincide with the completion of the 65 th anniversary year since the founding of the RPSA. The largest political science

* **Gaman-Golutvina Oksana**, Russian Association of Political Science (Moscow, Russia); Public Chamber of the Russian Federation (Moscow, Russia); Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia); HSE University (Moscow, Russia), e-mail: ogaman@mail.ru; **Smorgunov Leonid**, Russian Association of Political Science (Moscow, Russia); St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: l.smorgunov@spbu.ru; **Timofeeva Lidia**, Russian Association of Political Science (Moscow, Russia); RANEPA under the President of the Russian Federation, e-mail: timofeeva-lidiya@inbox

event in Russia was held in a mixed (face-to-face and online) format, which made it possible to neutralize the negative consequences in the context of pandemic restrictions and ensure the scale of representation and the quality of the discussion platforms. An analysis of the course and results of the Congress demonstrated the growing role of political science in the process of forming a new political order in the modern world, including the characteristics of political regimes, governance principles, technologies and mechanisms, as well as the quality of public policy actors, means and methods for solving political problems, and the internal structure of political interactions. The article considers the possibilities of political science to shape the political world, responding to its problems and challenges.

Keywords: All-Russian Congress of Political Scientists; Russian Political Science Association; Russia; political order; scientific events; scientific diplomacy.

For citation: Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects: results of the IX all-Russian congress of political scientists, Moscow, December 16–18, 2021. *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 260–271. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.13>

References

- Alekseev D.V., Kopylova P.S., Pomiguev I.A. Youth and the world of politics: borders of the possible (VI all-Russian forum of young political scientists, Moscow, December 18, 2021). *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. XX-XX. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.14> (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. (eds). *Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects (IX all-Russian congress of political scientists, Moscow, December 16–18, 2021)*. Moscow: Aspect Press, 2021, 608 p. (In Russ.)

Список литературы

- Алексеев Д.В., Копылова П.С., Помигуев И.А. Молодёжь и мир политики: границы возможного (VI Всероссийский форум молодых политологов, г. Москва, 18 декабря 2021 г.) // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. XX-XX. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.14>
- Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: Материалы IX Всероссийского конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 г. / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 608 с.

Д.В. АЛЕКСЕЕВ, П.С. КОПЫЛОВА, И.А. ПОМИГУЕВ*

**МОЛОДЁЖЬ И МИР ПОЛИТИКИ:
ГРАНИЦЫ ВОЗМОЖНОГО**

**(VI ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ
ПОЛИТОЛОГОВ, г. МОСКВА, 18 ДЕКАБРЯ 2021 г.)**

Аннотация. 18 декабря 2021 г. на площадке Финансового университета при поддержке Российской ассоциации политической науки состоялось наиболее значимое за три года мероприятие Совета молодых политологов – VI Всероссийский форум молодых политологов. Данное мероприятие имеет огромное значение для молодежного политологического сообщества и является возможностью не только получить опыт публичных выступлений и новое знание, но и найти единомышленников, в том числе из других вузов и регионов.

В качестве главной цели форума организаторы определили поиск идентичности молодых политологов, стремление помочь в выборе профессионального будущего и тематики будущих научных исследований.

Наиболее востребованными направлениями политической науки у молодых политологов являются международные отношения, политика памяти, соотношение цифровой среды и политики, этнополитология, политика на локальном уровне.

* **Алексеев Дмитрий Владимирович**, аспирант, РАНХиГС при Президенте РФ (Москва, Россия), e-mail: mityaalexeev@yandex.ru; **Копылова Полина Сергеевна**, аспирант, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), e-mail: polya_kopylova@mail.ru; **Помигуев Илья Александрович**, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: pomilya@mail.ru

Благодаря таким мероприятиям, как Форум молодых политологов, растет и укрепляется как сообщество молодых исследователей в целом, так и потенциал каждого из его членов.

Ключевые слова: форум; молодые политологи; молодежь; политика; идентичность.

Для цитирования: Алексеев Д.В., Копылова П.С., Помигуев И.А. Молодежь и мир политики: границы возможного (VI Всероссийский форум молодых политологов, г. Москва, 18 декабря 2021 г.) // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 272–280. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.14>

18 декабря 2021 г. на площадке Финансового университета при Правительстве Российской Федерации состоялся VI Форум молодых политологов по теме «Молодежь и мир политики: границы возможного». В нем приняли участие более 300 молодых политологов из 31 региона России и четырех стран мира.

В рамках форума было проведено 27 научных мероприятий. В их числе пленарное заседание, 15 секций по основной тематике, семь секций по направлениям политической науки, а также три панельные сессии: пленарная лекция, где было рассказано о результатах масштабного исследования сообщества молодых политологов, воркшоп «Научное исследование для Scopus Q1: от идеи и гранта до публикации и PR» и дискуссия «Путь молодого политолога». В завершение форума состоялась Отчетно-выборная конференция Совета молодых политологов Российской ассоциации политической науки (СМП РАПН).

Форум молодых политологов – крупнейшее и самое значимое мероприятие не только для СМП РАПН, но и для всего молодежного политологического сообщества в целом. Он проводится раз в три года, являясь неотъемлемой частью Всероссийского конгресса политологов РАПН, прошедшего в 2021 г. на площадке двух университетов: МГИМО МИД РФ и Финансового университета при Правительстве РФ.

Выбор главной темы форума обусловлен прежде всего актуальностью рефлексии о месте молодого политолога в современной социально-политической реальности. Разногласия по некоторым вопросам со старшим поколением, предстоящий выбор направления деятельности в рамках политологической специальности, профессиональная коммуникация в сообществе – это вопросы, кото-

рые волнуют всех молодых ученых социально-гуманитарных специальностей.

Целью форума стал поиск и определение идентичности молодых политологов, ведь именно через такие научные мероприятия, способствующие развитию коммуникаций между начинающими исследователями, не только создается и укрепляется сообщество, но и проходит процесс «сознания себя» в качестве специалиста. Нередко такие мероприятия помогают студентам определиться с собственным профессиональным будущим и выбрать наиболее интересную для себя область научных исследований.

В этом и состояла главная задача пленарного заседания форума: продемонстрировать молодым политологам спектр профессиональных карьерных траекторий, которые можно выбрать после получения политологического образования. Спикеры, выступившие на пленарном заседании, еще довольно молоды, но уже являются для студентов показательными примерами того, как можно реализовать себя после окончания вуза. Об этом во вступительном слове сказал председатель СМП РАПН Д.В. Алексеев. Каждый из спикеров на пленарном заседании представил профессии, в которых молодой политолог потенциально может себя реализовать. Таким образом, было доказано, что несмотря на критику в ограниченности применения полученных в период обучения навыков и знаний, у политологов есть хорошие карьерные перспективы, а у выпускников – инструменты для достижения самых высоких профессиональных целей.

Научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, кандидат политических наук С.Ю. Белоконев в своем приветственном слове акцентировал внимание на важности непрерывной работы и осмысленной деятельности. Без этих составляющих едва ли можно добиться успеха, и это касается не только политологической специальности. Кроме того, спикер подчеркнул необходимость научных исследований для осмыслиения той реальности, в которой мы живем. Без рефлексии прошедших событий всегда есть риски повторения ошибок, которые уже ранее совершились.

О соотношении научного и политического рассказал кандидат политических наук, академический руководитель бакалаврской программы «Политология», доцент НИУ ВШЭ И.М. Локшин.

Разрыв между политической наукой и практикой растет, но в то же время сложно измерим. Законы развития общества и сферы политического не тождественны законам физики. В социально-гуманитарных дисциплинах, в отличие от технических наук, практически нет постоянных величин. Более того, политическая действительность априори довольно условна, и, исследуя ее посредством различных методов, мы уже на нее воздействуем. Ещё одно противоречие между политикой и наукой, по мнению докладчика, находится на уровне глубинных предпосылок их существования: если для первой еще со времен Аристотеля главной целью является общее благо, то для второй – нахождение истины.

Особое внимание на пленарном заседании было уделено понятию политического, о котором в своем выступлении рассуждал Н.Ю. Савин, кандидат политических наук, доцент Департамента интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ, академический руководитель образовательной программы «Коммуникации в государственных структурах и НКО», преподаватель МВШСЭН. Сегодня политика является синонимом любой другой деятельности, даже если в ней мы находим мало элементов политического (речь идет, в частности, про конфликт, борьбу за власть). Достаточно оглянуться по сторонам, и мы увидим, что все вокруг имеет политическую составляющую. Например, влияние института семьи выходит за рамки политического, но играет в нем не последнюю роль. В тот момент, когда молодые люди начинают смотреть видео в YouTube или ролики в TikTok, они уже сталкиваются с политикой.

Выступавшие на пленарном заседании с разных сторон раскрыли конкретные профессии, имеющие отношение к политологии. В частности, дипломированный политолог, создатель популярного youtube-канала «Серафим», аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантury им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия С.М. Сашлиев подчеркнул, что важно применять весь спектр инструментов для построения карьеры и использовать максимум возможностей, а не рассчитывать только на университет. Важно, чтобы профессия приносила удовлетворение. С ним согласился и проектный менеджер X5 Retail Group В.А. Корсун. Для любого получающего политологическое образование в студенческие годы необходимо выбрать сферу, в которой интересно развиваться. Эксперт также рассказал о тех качествах, которые актуальны для будущего специалиста в сфере GR-коммуникаций.

В первую очередь речь идет об аналитических способностях, умении работать с нормативно-правовыми документами, готовности вести конструктивный диалог с разными людьми.

Политтехнолог С.М. Горьков рассказал о ходе и организации избирательных кампаний. Он подчеркнул, что в данной профессии практически все зависит от упорства и работоспособности. Вместе с тем, чтобы стать менеджером избирательной кампании, важно пройти всю карьерную траекторию, начиная от обхода квартир в качестве агитатора. Хорошей практикой в этом отношении являются муниципальные выборы. Политтехнолог, аспирант Департамента политологии Финансового университета Н.М. Печенкин отметил, что муниципальные избирательные кампании – лучший вариант для молодого человека попробовать свои силы в реальной политической борьбе. Здесь необходимо побороть внутренние комплексы, проявить смелость и настойчивость.

Помощник депутата Государственной думы М.Г. Галаева рассказала о специфике работы с гражданами в избирательном округе. С одной стороны, помощник политика должен обладать полной информацией о состоянии дел в регионе, а с другой – быть открытым по отношению к гражданам, которые могут обратиться с абсолютно любой проблемой.

На панельных сессиях также прошел ряд интересных обсуждений. Доцент Департамента политологии Финансового университета и НИУ ВШЭ, член Правления РАПН, кандидат политических наук И.А. Помигуев представил коллективную монографию «Сообщество молодых политологов: сетевой анализ» [Сообщество молодых политологов..., 2021]. Работа стала результатом масштабного исследования коллектива авторов, в рамках которого была рассмотрена роль молодежных политологических структур в формировании сообщества молодых политологов. В выступлении были затронуты вопросы карьерных ожиданий и реальных траекторий студентов и молодых ученых, а также перспективы развития молодежного политологического сообщества.

На воркшопе доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД РФ А.А. Токарев подробно рассказал о том, как молодому ученому подготовить и опубликовать статью в журналах мирового уровня. На панельной сессии «Путь молодого политолога» участники обсудили вопросы, связанные со становлением молодого

ученого, а также с теми факторами, которые влияют на его развитие, выбор профессии, научной сферы интересов. Особое внимание участники обратили на важность коммуникации внутри сообщества.

Тематика Форума определила основной вектор дискуссий участников, показав направления политической науки, которые на данном этапе наиболее востребованы у молодых исследователей. Стоит отметить, что молодые политологи все больше стремятся познать не только окружающий мир, но и самих себя, именно этим и обусловлен возрастающий интерес к обсуждению их места в политической жизни как на региональном, так и на всероссийском уровнях, определению политических ценностей современной российской молодежи, формам политического участия и государственной молодежной политике.

Особое внимание в докладах былоделено как развитию цифрового общества в современных реалиях, так и его влиянию на политическую жизнь и коммуникацию. Трансформационные процессы, которые стремительно происходят в цифровой среде, оказывают все большее влияние на мобилизационные и протестные настроения в обществе, что вызывает особый научный интерес у молодых исследователей.

На секции, посвященной электоральным процессам в 2021 г., обсуждались не столько результаты выборов в Государственную думу нового созыва, сколько тенденции развития электоральных предпочтений российской молодежи, новые тренды в избирательных технологиях, а также влияние онлайн-среды на сами избирательные кампании. Данное направление особенно актуально в связи с изменениями избирательного законодательства и их влиянием на электоральный процесс.

Традиционно большой интерес у молодых политологов вызывают внешняя политика и международные отношения. На Форуме было представлено сразу несколько докладов, так или иначе касающихся темы образа России в глазах остального мира, а также изучению мягкой силы. В центре внимания сразу нескольких докладчиков находилась тема влияния пандемии коронавирусной инфекции на политику.

Многие исследования представлены в рамках конкретных направлений политической науки, среди которых особенно стоит

выделить элитологию, политическую социологию, бизнес и власть в мире политики.

Важным результатом VI Форума молодых политологов стала публикация индексируемого в РИНЦ сборника материалов докладов [Молодёжь и мир политики: границы возможного... 2021]. Анализ выбора тем молодыми политологами и содержания их докладов помог выявить ряд областей политической науки, интерес к которым сильно вырос за последнее время. Вот некоторые из подобных тем:

– *методы современной политической науки* и, в то же время, *интерес к политологическим концепциям и мировоззрению философов прошлого*. Молодые исследователи стараются проводить параллели между научными разработками прошлых лет и сегодняшними событиями, а также уделяют значительное внимание современным методам исследования;

– *политика и цифровая среда*. Молодые политологи активно интересуются социальными сетями как инструментом протестной мобилизации и платформой для позиционирования политиков, проблемами цензуры в авторитарных режимах, нормативным регулированием сферы цифровой экономики, растущим влиянием цифровых платформ;

– *политика памяти и символическая политика*. На протяжении длительного времени данные темы являются предметом интереса не только у «взрослого» поколения политологов, но и у молодых. Они уделяют особое внимание трансформации политических мифов о России, а также тому, как исторические события (в частности, Великая отечественная и Советско-финляндская войны) влияют на политику настоящего. Большой интерес вызывает «вечная» тема «особого пути» России: молодые политологи традиционно стараются показать свое видение будущего страны, опираясь на исторический опыт и научные концепции;

– *этнополитика, а также соотношение политического и религиозного*. Политика, религия, этнический фактор часто пересекаются, а представить этническое в отрыве от религиозного часто невозможно, а анализ, не учитывающий данные связи, может оказаться неэффективным. Участники профильной секции акцентировали свое внимание на тех территориях, где уже существуют этнические и географические противоречия (Эльзас, Курдистан, Сербия и Черногория);

– политические взаимодействия на локальном уровне. Повышенный интерес молодых исследователей к политике на региональном, локальном и местном уровнях вызывает оптимизм. Данное наблюдение свидетельствует о развитии гражданского общества и наличии интереса к реальным проблемам на территориях. При этом «столичных» докладчиков на секции было менее половины. Участники заседания обсудили проблемы местного самоуправления и его реформирования, протестной активности на местном уровне, связей экономики и политики на местах.

Подводя итоги VI Форума молодых политологов, отметим, что подобные мероприятия не только имеют особое значение для развития политической науки в России в целом, но и способствуют расширению и укреплению связей внутри сообщества. Прошедший Форум стал площадкой, где начинающие исследователи имели возможность обмениваться новым знанием, приобрести опыт публичных выступлений, почувствовать себя частью не только молодежного, но и взрослого научного сообщества, поскольку была возможность прямого общения со старшими коллегами. Именно так обеспечивается преемственность между поколениями в науке, что приобретает особую важность в современных условиях.

D.V. Alekseev, P.S. Kopylova, I.A. Pomiguev*
Youth and the world of politics: borders of the possible
(VI all-Russian forum of young political scientists,
Moscow, December 18, 2021)

Abstract. On December 18, 2021, the most significant scientific event, the VI All-Russian Forum of Young Political Scientists, was held at the Financial University with the support of the Russian Political Science Association. This event is of great importance for the youth political science community and is an opportunity not only to gain experience in public speaking and new knowledge, but also to find like-minded people, including from other universities and regions.

* **Alekseev Dmitry**, RANEPA under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: mityaaleelev@yandex.ru; **Kopylova Polina**, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences Federation (Moscow, Russia), e-mail: polya_kopylova@mail.ru; **Pomiguev Ilya**, HSE University (Moscow, Russia); Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia); Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow, Russia), e-mail: pomilya@mail.ru

As the main goal of the Forum, the organizers identified the search for the identity of young political scientists, the desire to help in choosing a professional future and the topics of future scientific research.

The most popular areas of political science among young political scientists are international relations, memory politics, the relationship between the digital environment and politics, ethnopolitology, politics at the local level. The most popular areas of political science within the framework of young political scientists have become international relations, memory politics, the relationship between the digital environment and politics, ethnopolitology, local politics. These areas attracted the most attention among the speakers.

As a result, the Forum of Young Political Scientists allows strengthening the community of young researchers and personal potential.

Keywords: forum; young political scientists; young people; politics; identity.

For citation: Alekseev D.V., Kopylova P.S., Pomiguev I.A. Youth and the world of politics: borders of the possible (VI all-Russian forum of young political scientists, Moscow, December 18, 2021). *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 272–280. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.14>

References

- Alekseev D.V., Kopylova P.S., Pomiguev I.A. Youth and the world of politics: the limits of the possible: materials of the VI All-Russian Forum of Young Political Scientists, Moscow, December 18, 2021. Moscow: RUSAЙНС, 2021, 428 p. (In Russ.)
Pomiguev I.A. (ed.) *Community of young political scientists: network analysis*. Moscow: Aspect Press, 2021, 324 p. (In Russ.)

Список литературы

Молодежь и мир политики: границы возможного: материалы VI Всероссийского форума молодых политологов, Москва, 18 декабря 2021 г.; сборник статей / под общ. ред. Д.В. Алексеева, П.С. Копыловой, И.А. Помигуева. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 428 с.

Сообщество молодых политологов: Сетевой анализ: Коллективная монография / И.А. Помигуев, Д.В. Алексеев, П.С. Копылова и др.; отв. ред. И.А. Помигуев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 324 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (от 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in .xls or .xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in .ppt, .pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

**В журнале представлены результаты научных исследований, в том числе
дискуссионного характера, поэтому их содержание не обязательно
отражает позицию Учредителя и Редакции.**

**Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, ул. Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru**

**Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректоры Д.Г. Валикова, М.П. Крыжановская**

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**

**Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ НФС77-36084
Дата регистрации 28.04.2009**

**Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25 / V – 2022 г.
Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,4 Уч.-изд. л. 15,3
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 22**

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (НИИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru**

**Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литер У**